

A dark, atmospheric movie poster. In the center, a massive, dark metal door is set within a concrete frame. The door has the text 'P-12' written on it in large, light-colored, distressed letters. Above the door, a small red light glows. In the foreground, two people, a man and a woman, are seen from behind, standing on a wet, reflective surface. They are wearing heavy winter coats and backpacks. The background is a dark, stormy sky with a bright light source behind the door, creating a silhouette effect. The overall mood is somber and mysterious.

P-12

НАСЛЕДИЕ ВЗРЫВА.

БЕЗРАЗЛИЧИЕ

18+

А. Т

Наследие Взрыва. Безразличие

<https://litres.ru/73967649>

SelfPub; 2026

Аннотация

После Взрыва мир не закончился. Он изменился.

Города превратились в изолированные крепости, за их пределами бродят твари, рождённые катастрофой, а среди выживших начали появляться Адаптированные— люди со способностями, чьё появление изменило всё.

В мире, где монстры за стенами кажутся меньшей угрозой, чем люди внутри, начинается борьба за правду. И тем, кто не хочет становиться частью системы, придётся выбрать: подчиниться, бежать или разрушить порядок.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	39
Глава 4	62
Глава 5	80
Глава 6	96
Глава 7	115
Глава 8	139
Глава 9	167
Глава 10	190
Глава 11	216
Глава 12	240
Глава 13	261
Глава 14	282

А. Т

Наследие Взрыва.

Безразличие

Глава 1

Будильник зазвонил в шесть ноль пять.

Несколько секунд телефон вибрировал где-то рядом с подушкой, противно дрожал по простыне и требовал начать день, будто имел на это право. Девушка лежала с закрытыми глазами и делала вид, что не слышит. За тонкими шторами серел ранний свет; не утро даже, а его черновик — мутный, холодный, недоделанный.

— Уже встаю, — хрипло сказала она в пустую комнату, хотя никуда вставать пока не хотелось.

Студия встретила привычной теснотой: кровать, стол, узкая кухня, шкаф у стены, несколько коробок под окном, которые уже третий месяц должны были переехать на балкон, если бы балкон существовал. В двадцати пяти квадратных метрах всё находилось слишком близко друг к другу, и даже воздух по утрам казался использованным. Здесь трудно было потеряться, зато легко было почувствовать, что жизнь собрали из компромиссов и поставили на минимальную пло-

щадь.

Телефон удалось нащупать не сразу. Экран вспыхнул слишком ярко, ударил по глазам и показал уведомление от новостного канала:

«Возможны перебои связи в связи с запуском нового энергетического контура»

Под ним висело ещё одно уведомление, вчерашнее, от мамы: «Ты опять не отвечаешь. Я просто хотела узнать, как ты». Девушка посмотрела на него пару секунд и смахнула вместе с новостями. Читать новости до кофе было вредно для психики, а отвечать маме до кофе — ещё хуже, потому что после её «как ты?» всегда приходилось выбирать правильную версию себя. Сегодня такой версии не было.

Несколько секунд девушка просто сидела на краю кровати, глядя в пол. В голове гудело, будто сон не закончился, а только сменил форму. Ночью ей действительно что-то мешало: низкий, тянущийся звук, похожий то ли на далёкий самолёт, то ли на огромный трансформатор за стеной. Гул возникал на границе сна, пропадал, возвращался снова и оставлял после себя неприятное давление в ушах. Утром от него осталась тяжесть за глазами и странное ощущение, что мир проснулся раньше людей и теперь ждёт, когда они заметят.

Завтракать не хотелось. Да и особенно нечем было. На кухне лежал одинокий банан с тёмным боком, в холодильнике стоял йогурт, срок годности которого девушка не хотела проверять из уважения к себе. После короткой оценки запа-

сов решение пришло само: кофе на работе считается едой, если не думать об этом слишком внимательно.

Горячая вода в душе сначала упрямо не шла, потом ударила резко, почти обжигаяще, и пришлось отскочить к стене, тихо выругавшись. Давление в трубах дёрнулось, в сливе что-то булькнуло, а из крана на секунду потянуло металлическим запахом, таким тонким, что его можно было списать на старые трубы. Девушка так и сделала. В этом доме половину странностей можно было списать на старые трубы, вторую половину — на управляющую компанию.

Полотенце попало с края, волосы удалось высушить быстро, без попыток сделать красиво — просто чтобы не капали на воротник. Перед шкафом пришлось задержаться дольше. Вещей хватало, но ни одна не подходила к настроению человека, который уже устал, хотя день ещё не начался. В конце концов рука сама потянулась к любимому розовому костюму: достаточно яркому, чтобы выглядеть собранно, и достаточно удобному, чтобы не ненавидеть себя к обеду.

— Сойдёт, — решила девушка.

У маленького зеркала на столе косметичка раскрылась как аптечка первой помощи. Тонкий слой крема, чтобы скрыть усталость. Немного туши, потому что без неё лицо выглядело так, будто неделя уже победила. Бальзам на губы. Всё. Отражение получилось почти нормальным: не хорошо, не плохо, просто человек, который идёт на работу и делает вид, что выспался.

Телефон снова загорелся. В рабочем чате уже кто-то писал несколько сообщений подряд, одно длиннее другого. Девушка даже не открыла. Если проблема появилась до девяти утра, значит, это была не её проблема. По крайней мере, ещё час она имела право в это верить.

Приложение такси загружалось дольше обычного. Кружок на экране крутился так упорно, будто тоже сомневался, стоит ли сегодня куда-то ехать. Сеть то появлялась, то пропадала, карта на мгновение стала серой, потом рывком вернулась к нормальным цветам. Наконец нашлась белая «Киа». Восемь минут.

Сумка, ключи, телефон, наушники. Потом ключи ещё раз, потому что без этого ритуала выйти из квартиры было невозможно. У двери девушка на секунду замерла и оглянулась: свет выключен, окно закрыто, плита холодная. Жизнь под контролем. Хотя бы в пределах двадцати пяти квадратных метров.

Она уже потянулась к ручке, когда пальцы сами коснулись левого запястья и не нашли привычной тонкой цепочки. Пришлось вернуться к столу. Браслет лежал рядом с косметичкой: серебристый, простой, с маленькой круглой подвеской без узора. Мама подарила его на прошлый день рождения и сказала тогда странную фразу: «Иногда вещь просто должна быть рядом». Девушка тогда посмеялась, но с тех пор почему-то ни разу не вышла из дома без него. Замок щёлкнул, металл холодно лёг на кожу, и только после этого внут-

ри стало чуть спокойнее.

На улице было серо и прохладно. Воздух пах мокрым асфальтом, пылью и утренними выхлопами, но в привычную городскую смесь вмешивалось что-то ещё — сухая горечь, как после перегоревшей проводки. Во дворе хлопнула дверь подъезда, кто-то громко ругался по телефону, с дороги донёлся сигнал машины. Обычное утро старательно притворялось обычным.

Девушка отошла от входа, достала из пачки сигарету и прикурила, прикрыв огонёк ладонью от ветра. Первая затяжка была горькой и привычной. Дым ушёл в сторону дороги, расплзся тонкой лентой и почему-то долго не рассеивался.

В приложении оставалось семь минут.

Такси почти не двигалось.

— Конечно, — тихо сказала она. — Куда же без этого.

У подъезда стояла соседка с маленькой собакой. Обычно пёс тянул поводок к кустам с такой уверенностью, будто там решалась судьба человечества, но сегодня вдруг остановился, поджал хвост и уставился куда-то вверх, на серое небо между домами.

— Доброе утро, — сказала соседка.

— Если вы так считаете.

Соседка усмехнулась, но сразу снова посмотрела на небо. Лицо у неё было не испуганное, скорее недовольное, как у человека, которому мешают понять, что именно не так.

— Слышали ночью?

— Что?

— Гул какой-то. Будто самолёт низко прошёл. Или поезд под землёй. У нас стаканы в серванте звенели.

Девушка пожала плечами.

— Я спала.

На самом деле спала плохо. Но обсуждать собственную бессонницу у подъезда, с сигаретой в руке и пустым желудком, не хотелось. Чужие тревоги имели неприятное свойство прилипать.

Собака тихо заскулила. Не громко, без истерики, но так тонко, что звук прошёл по коже. Соседка одёрнула поводок, пробормотала что-то ласковое, а девушка машинально подняла глаза. Небо выглядело низким и плотным. На севере, там, где за кварталами начиналась промышленная зона, висело бледное пятно, едва заметное за облаками. Не солнце. Солнце должно было быть в другом месте.

Телефон снова прислал уведомление:

«Возможны перебои связи из-за плановых работ на энергетическом объекте»

Палец смахнул сообщение быстрее, чем глаза успели дочитать. Плановые работы, пробки, срочные отчёты, чужие разговоры у подъезда — всё это было частью одного большого, скучного механизма, который каждое утро запускался заново. Если начать обращать внимание на каждый скрип этого механизма, можно было так и не выйти из дома.

Такси свернуло во двор через десять минут вместо вось-

ми. Водитель остановился чуть дальше подъезда, и пришлось идти по лужам, осторожно обходя мокрые пятна у бордюра. Окурок полетел в урну. Сумка легла на плечо привычным весом.

— Здравствуйте, — сказал водитель, не оборачиваясь.

— Доброе, — ответила девушка и села на заднее сиденье.

До бизнес-центра добрались почти вовремя, хотя город по дороге вёл себя страннее обычного. На одном перекрёстке светофор мигал жёлтым, хотя пробок ещё не было; на другом электронное табло показывало сразу три разных времени, и ни одно не совпадало с телефоном. Радио у водителя несколько раз захрипело, проглотило половину фразы диктора и вернулось рекламой окон, которые обещали тишину, тепло и рассрочку без переплат. На проспекте, возле остановки, люди стояли слишком неподвижно, задрав головы к небу, но машина быстро проехала мимо, и объяснение осталось где-то за стеклом.

Девушка пыталась не смотреть на северное пятно. Чем дольше его замечаешь, тем труднее убедить себя, что это просто свет между облаками.

Такси остановилось у бизнес-центра в восемь пятьдесят две. У крыльца уже толпились люди: кто-то допивал кофе, кто-то говорил по телефону, кто-то стоял с таким лицом, будто мысленно увольнялся третий год подряд. Стеклопакеты открывались и закрывались, выпуская наружу запах кофе, влажной одежды и дешёвого освежителя воздуха из

холла.

Пачка сигарет в сумке оказалась почти пустой.

«Пора бросать», — подумала девушка.

Мысль пришла привычно, без нажима. Она появлялась часто: утром у подъезда, вечером после работы, иногда ночью у открытого окна, когда город шумел внизу и казался бесконечным. Эта мысль ни к чему не обязывала. Просто ещё одна попытка доказать себе, что над жизнью всё ещё есть контроль.

Внутри бизнес-центра было теплее и шумнее. На первом этаже гудели голоса, пищали турникеты, шуршали бахилы уборщицы у входа. Над стойкой администратора висел экран с новостями без звука. Бегущая строка сообщала о запуске дополнительного контура на Северном энергетическом кластере и возможных кратковременных перебоях связи. Ниже мелькали кадры: серые корпуса, вышки, ограждения, люди в касках, длинная линия проводов, уходящая в туман.

Бариста заметил её сразу.

— Латте?

— Покрепче.

— Как всегда?

— Сегодня ещё крепче, чем всегда.

Он хмыкнул и потянулся к стакану. Терминал оплаты сначала не принял карту, потом завис, потом издал короткий жалобный звук и всё-таки показал зелёную галочку.

— Связь с утра чудит, — сказал бариста. — У нас уже два

платежа в никуда ушли.

— Главное, чтобы мой кофе не ушёл туда же.

— За кофе я отвечаю.

Она забрала стакан и направилась к лифтам. Возле дверей стояли трое сотрудников из соседней компании и обсуждали ночной гул. Один уверял, что это учения. Второй говорил, что у него дома мигал свет. Третья молчала и смотрела в телефон, на экране которого вместо ленты новостей крутилась пустая загрузка.

Лифт поднялся на двенадцатый этаж слишком плавно, почти без обычного рывка. На секунду в кабине стало темнее, лампы под потолком мигнули, а в зеркальной стене отражение девушки будто запоздало на долю мгновения. Возможно, просто усталость. Возможно, слишком крепкий кофе ещё не успел начать действовать.

Офис строительной компании занимал половину этажа. Остальную половину занимали соседи, которые постоянно делали вид, что у них всё серьёзнее. У них же было просто: директор, бухгалтерия, несколько менеджеров, она и документы. Очень много документов.

По трудовому договору девушка числилась юристом. По факту была юристом, менеджером, делопроизводителем, переговорщиком, иногда секретарём и человеком, которого спрашивали, где лежит печать. Это бесило. Но зарплата была хорошая. Настолько хорошая, чтобы терпеть чужие «срочно», «там на пять минут» и «ты же всё равно лучше всех по-

нимаешь».

На рабочем столе всё лежало в порядке, который со стороны казался хаосом. Папки с договорами, стикеры, две ручки, одна из которых давно не писала, кружка с надписью, утратившей актуальность ещё в прошлом году. Девушка поставила кофе справа от клавиатуры, открыла почту и успела прочитать три письма, прежде чем директор выглянул из кабинета.

— Ты видела рассылку от администрации?

— Если там не написано, что рабочий день отменён, то не видела.

— Очень смешно. Проверь потом. Там что-то по северной зоне.

Северная зона. Энергетический объект. Плановые работы. Слова за утро встречались слишком часто, но пока не складывались в угрозу. Скорее в раздражающий фон, как звук дрели у соседей: бесит, но жить можно.

К одиннадцати приехали представители подрядчика. Один сразу начал говорить про партнёрство, второй положил на стол папку и посмотрел на её руки. Рукава розового костюма были закатаны почти до локтей. На левой руке тянулись цветы — тёмные линии, мягкие лепестки, тонкие стебли. На правой дракон изгибался вдоль предплечья и уходил хвостом под манжет.

— Красиво, — сказал мужчина с папкой. — Не ожидал увидеть такое у юриста.

Девушка улыбнулась рабочей улыбкой. Той самой, которая ничего не обещала и почти ничего не стоила.

— А дракон что означает? — спросил подрядчик.

Она перевернула страницу договора.

— Что в пункте 4.2 вы изменили срок оплаты с пяти дней на семь. Давайте начнём с этого.

Переговоры потянулись почти до обеда. Когда подрядчик в третий раз назвал правку «стандартной», девушка открыла предыдущую редакцию договора, положила оба варианта рядом и подчеркнула строку ручкой. В старой версии оплаты привязывали к фактически выполненным работам, в новой — к «объёму, признанному достаточным». Она спокойно сказала, что это не стандартная формулировка, а лазейка, и после этого в переговорной стало тише: спорить с ней было можно, но делать вид, что она чего-то не заметила, уже не получалось.

За стеклянной перегородкой кто-то ругался с поставщиками, в бухгалтерии зависла программа, у менеджеров пропала связь на телефонах. Несколько раз свет в офисе становился тусклее, но не гас. Кулер возле кухни сам включился и долго булькал, хотя рядом никого не было. В обычный день всё это растворилось бы в офисном шуме, но сегодня мелкие сбои словно цеплялись друг за друга, образуя невидимую трещину.

После обеда девушка наконец открыла письмо от городской администрации.

Тема была скучная: «О временном ограничении строительных работ».

Содержание — не лучше. В северной промышленной зоне запрещались высотные работы после шестнадцати ноль-ноль, ограничивался проезд тяжёлой техники и рекомендовалось проверить крепление временных конструкций. Отдельной строкой шло предупреждение о возможных перепадах напряжения, нарушениях связи и кратковременных сбоях навигационных систем.

Причина: «проведение технических мероприятий на энергетическом объекте».

Девушка перечитала фразу два раза.

Прекрасное выражение. Под него можно было спрятать что угодно — от замены лампочки до конца света.

За окном офисного этажа город выглядел привычным только на первый взгляд. Машины ползли по дорогам, люди входили в торговый центр напротив, на крыше соседнего здания лениво шевелился рекламный баннер. Но небо к северу стало светлее. Пятно за облаками больше не казалось случайным просветом. Оно не сияло, не вспыхивало, не привлекало внимания так, как должен привлекать настоящий пожар. Просто висело там — бледное, ровное, неправильное.

Ровно в шестнадцать ноль-ноль офис на несколько секунд замолчал. Оборвался гул кондиционера, мигнули лампы, на мониторах одновременно зависли рабочие окна. Электронные часы на стене сначала показали 16:00, потом на мгнове-

ние — невозможное 15:99, и снова вернулись к нормальному времени. Кто-то нервно засмеялся, кто-то сказал, что пропал интернет, но девушка уже смотрела в окно. Северное пятно стало ярче, хотя солнце давно ушло в другую сторону. Она машинально коснулась браслета на запястье и почувствовала, что металл стал ледяным.

После этого сеть в офисе просела окончательно. Мессенджеры отправляли сообщения с задержкой, почта зависала, у кого-то на телефоне сбилось время. Директор бегал между кабинетами и требовал не паниковать, хотя никто особенно не паниковал. Люди умеют удивительно долго не замечать катастрофу, если она приходит в рабочий день и без официального письма.

В семнадцать ноль две компьютер был выключен.

В семнадцать ноль три директор написал:

«На завтра с утра надо будет срочно посмотреть один договор».

Девушка посмотрела на сообщение и убрала телефон в сумку. Некоторые срочные вещи прекрасно доживали до утра, если их не трогать.

На улице у бизнес-центра тянуло вечерним холодом. Воздух стал суше, тяжелее, и в нём снова чувствовалась та самая горечь перегретого металла. Людей у входа было больше обычного. Кто-то не мог вызвать такси, кто-то спорил с охраной, кто-то пытался дозвониться домой и повторял в трубку: «Алло? Алло, ты меня слышишь?» — так, будто от громко-

сти зависела связь.

Девушка открыла приложение. Карта загрузилась не сразу, машины на экране прыгали с улицы на улицу, одна почему-то ехала через здание торгового центра. Наконец заказ принял водитель в сером седане. Пять минут.

Пачка сигарет снова оказалась в руке.

«Пора бросать», — подумала девушка.

Потом прикурила.

Машина приехала почти вовремя. Водитель оказался разговорчивым, из тех, кто считал молчание личным оскорблением. Едва она села на заднее сиденье, он кивнул на телефон, закреплённый у панели.

— В северную сторону сегодня лучше не ехать. Там всё перекрывают. Говорят, на станции что-то.

— Мне не туда.

— И хорошо. А то люди пишут: свет мигает, связь пропадает, навигаторы чудят. У меня вот показывает, что мы сейчас в реке. Странный день какой-то.

Девушка посмотрела в окно. Стекланный фасад бизнес-центра отражал серое небо и бледное светлое пятно где-то далеко на севере. Отражение дрожало на неровной поверхности, и на секунду показалось, будто свет не висит в небе, а поднимается из-под земли.

Телефон в сумке завибрировал. Девушка достала его, ожидая увидеть сообщение из рабочего чата, но экран показывал пустую сеть и одно новое уведомление от мамы.

«Позвони мне, как сможешь».

— Вы не боитесь?

Вопрос прозвучал слишком прямо. Не как обычная болтовня, а как будто он сам хотел услышать от кого-нибудь спокойный ответ.

Девушка сделала вид, что не сразу поняла.

— Нет, — сказала она.

Это была первая ложь за день.

Глава 2

Домой девушка добралась почти в шесть.

Такси высадило её у магазина возле дома, и сначала хотелось пройти мимо: подняться к себе, закрыть дверь, снять этот дурацкий день с плеч вместе с пиджаком и больше не принимать никаких решений. Потом вспомнился пустой холодильник, одинокий банан с тёмным боком и йогурт, который, возможно, уже начал новую самостоятельную жизнь. Пришлось свернуть к входу.

У магазина автоматически разъехались двери, выпуская наружу запах выпечки. Внутри было слишком ярко и странно тихо. Обычно в это время между полками кто-нибудь спорил о скидках, дети требовали шоколад, кассиры переговаривались через весь зал, но сейчас люди двигались медленнее обычного и говорили вполголоса, словно в помещении находился кто-то спящий.

В кулинарии оставались курица с рисом, салат в пластиковом контейнере и какие-то котлеты, выглядевшие так, будто многое повидали и мало чему удивлялись. Девушка выбрала курицу. Не потому что хотелось именно её, а потому что у курицы был самый нейтральный вид — качество, которое к вечеру начинало казаться почти роскошью.

У кассы мужчина перед ней третий раз прикладывал телефон к терминалу. Терминал пищал, думал, потом показы-

вал ошибку.

— Да у меня деньги есть, — раздражённо говорил мужчина, будто оправдывался не перед продавщицей, а перед всем миром. — Я только что баланс смотрел.

— Не проходит, — устало ответила кассирша. — Связь падает. Попробуйте наличными.

— У кого сейчас наличные?

Кассирша промолчала с выражением человека, который за последние два часа услышал этот вопрос слишком много раз.

Когда очередь дошла до девушки, терминал неожиданно ожил. Оплата прошла не сразу: зелёная галочка появилась после длинной паузы, будто система сначала посоветовалась с кем-то невидимым.

— Пакет нужен? — спросила кассирша.

— Нужен, — коротко ответила девушка.

На выходе в стеклянных дверях отразилась улица: серые дома, мокрый асфальт, редкие прохожие, фонарь, который днём почему-то уже горел. Над крышами, если смотреть в сторону северной промзоны, всё ещё держалось то бледное пятно. К вечеру оно не исчезло и не стало похоже на обычное облако. Просто висело там, ровное и чужое, как дефект на стекле.

Дома было тихо.

В этом и состояла главная роскошь её маленькой студии: за дверью оставались директор, подрядчики, город, новости,

северный кластер и водитель, задавший слишком прямой вопрос. Здесь помещались только кровать, стол, узкая кухня, шкаф, чужие обязательства на завтра и собственная усталость, которую хотя бы не нужно было никому объяснять.

Обувь осталась у двери, пиджак переехал на спинку стула, сумка — на пол рядом с кроватью. Еда отправилась в микроволновку, чайник — шуметь, телефон — на зарядку. На экране успело мигнуть сообщение от мамы, то самое, пришедшее ещё в такси: «Позвони мне, как сможешь».

Девушка посмотрела на него и снова заблокировала экран.

Странно было не само сообщение — мама умела писать коротко и тревожно, будто каждое слово ей приходилось вытаскивать из себя силой. Станным было то, что отвечать сейчас совсем не хотелось. Хотелось есть.

Готовая еда была одним из лучших изобретений человечества. После душа, обезболивающих и интернета. Возможно, после интернета — если интернет работал.

Девушка переоделась в широкую футболку, забрала тарелку и устроилась на кровати с ноутбуком. Вечер виделся простым и почти прекрасным: поесть, посмотреть серию, ни с кем не разговаривать и лечь спать до того, как жизнь снова вспомнит о её существовании.

Страница любимого сериала не загрузилась.

Сначала это не насторожило. Сайты имели право быть капризными, особенно в конце дня. Девушка подождала, об-

новила страницу, посмотрела на значок интернета, потом на роутер. Тот мигал так, будто сам не был уверен, жив он или нет.

— Только не сейчас, — сказала она ему.

Пришлось встать, выдернуть провод, сосчитать до десяти и воткнуть обратно. Древний ритуал иногда помогал технике вспомнить своё предназначение, но сегодня явно не был тем днём, когда мир собирался уважать ритуалы. Роутер моргнул, погас, снова заморгал. Ноутбук по-прежнему показывал пустую страницу.

На телефоне мобильный интернет тоже не работал. Сообщения в мессенджере висели с маленьким серым кружком, словно думали, стоит ли вообще отправляться в этот мир. В рабочем чате кто-то успел написать обрывок фразы: «У кого-нибудь тоже» — и дальше ничего не загрузилось.

Тишина квартиры стала плотнее. Обычно её разбавляли чужие видео за стеной, машины во дворе, музыка у соседей сверху, но сейчас звуки будто отходили всё дальше. Только микроволновка коротко пискнула, сообщая, что ужин готов пережить ещё один вечер вместе с ней.

Девушка набрала Ника.

Гудки пошли не сразу. Сначала в трубке что-то щёлкнуло, зашипело, потом наконец раздался его голос:

— Если ты по поводу интернета, то я уже официально страдаю.

От его интонации стало легче. Ник всегда умел звучать

так, будто конец света — это просто неудобный пользовательский сценарий, который кто-то плохо протестировал.

— У тебя тоже нет?

— Нет. Я сначала подумал, что это мой провайдер умер от стыда, но Тина уже написала, что у неё тоже всё лежит.

— Написала?

— СМС. Представляешь? Мы вернулись в каменный век. Ещё немного, и я начну передавать мемы на бересте.

На фоне что-то глухо щёлкнуло.

— Это что было? — спросила девушка.

— Свет моргнул. Второй раз за вечер. У меня лампа сейчас сделала вид, что она дискотека.

Голос Ника на секунду стал металлическим и чужим, словно говорил не из соседнего района, а из глубокой трубы.

— Алло?

— Я тут. Слушай, Тина предлагает выйти пройтись. Раз уж цивилизация временно закончилась.

Девушка посмотрела на тарелку, потом на ноутбук, потом на тёмное окно. Внутри спорили усталость и привычка соглашаться на людей, которые давно перестали быть просто людьми из списка контактов. Ник и Тина были тем редким исключением, ради которого можно было выйти из дома даже после рабочего дня. Их дружба держалась не на постоянном общении, а на странной уверенности: если станет совсем плохо, эти двое окажутся рядом быстрее, чем интернет загрузит карту.

— Сейчас?

— А что? Без интернета мы всё равно бесполезны.

— Дай мне десять минут доесть.

— Пять.

— Десять, Ник. Я юрист. Я умею спорить дольше, чем ты хочешь жить.

— Ладно, десять. Но если за это время сеть вернётся, мы всё равно будем делать вид, что решили гулять добровольно.

Она усмехнулась и отключилась. Курица с рисом оказалась пересушенной, но горячей, а значит — приемлемой. Пока ела, в квартире дважды едва заметно дрогнул свет. Не погас, не мигнул резко, просто на долю секунды стал слабее, как будто где-то далеко огромная система сделала вдох.

Через десять минут девушка накинула куртку, проверила ключи и телефон. Потом зачем-то ещё раз дёрнула дверную ручку, хотя прекрасно помнила, что закрыла замок. День оставил после себя неприятную привычку ждать подвоха даже от обычных вещей.

На лестничной клетке пахло пылью, краской и чьим-то ужином. На третьем этаже сосед пытался поймать сеть у окна подъезда, вытянув руку с телефоном так, будто предлагал его небу в жертву.

— У вас тоже не ловит? — спросил он.

— У всех не ловит.

— По телевизору сказали, плановые работы.

— Тогда точно всё хорошо, — сказала девушка и пошла

вниз.

У маленького магазина через дорогу Ник уже стоял у входа в чёрной худи, засунув руки в карманы. Волосы растрёпаны так, будто он только встал, хотя наверняка весь день сидел за компьютером и ругался с чужим кодом. В университете он выглядел почти так же: худой, вечно невыспавшийся, с выражением лица человека, который понял систему, но система отказалась понять его в ответ.

Тина появилась минутой позже. Короткая куртка, яркая помада, серьги-кольца и взгляд, которым можно было либо покорять мир, либо требовать у него компенсацию за моральный ущерб. Когда-то они втроём познакомились на студенческом фестивале, где Ник отвечал за звук, Тина — за то, чтобы все делали хоть что-то, а девушка случайно спасла мероприятие, найдя в договоре с площадкой пункт, позволявший не платить штраф. С тех пор всё как-то и продолжилось: сессии, первые работы, съёмные квартиры, расставания, паннические звонки, дни рождения на кухнях, сообщения в три ночи и обещания «надо чаще видеться», которые выполнялись реже, чем хотелось, но всё равно значили много.

Ник кивнул на магазин.

— Вино?

— Завтра на работу.

Все трое помолчали. Потом Тина сказала:

— То есть вино.

В магазине стало ещё тише, чем днём. Холодильники гу-

дели с натугой, лампы под потолком иногда едва заметно вздрагивали. У кассы мужчина ругался с терминалом; продавщица уже не пыталась выглядеть сочувствующей.

— Не проходит, — повторяла она. — Только наличка.

— У кого-нибудь есть наличка? — спросил Ник с надеждой человека, который заранее знает ответ.

Тина торжественно достала из кармана смятую купюру.

— Я знала, что однажды моя недоверчивость к банкам спасёт вечер.

— Ты говорила, что просто забываешь разбирать карманы, — заметила девушка.

— Не обесценивай мою финансовую стратегию.

Они взяли недорогое красное вино, пластиковые стаканчики и пачку солёных сухариков, потому что взрослая жизнь требовала баланса. На кассе свет мигнул, экран терминала на секунду показал набор бессмысленных символов, потом погас. Продавщица даже не подняла глаз.

— Плановые работы, — сказала она так, будто это объясняло и терминал, и их жизни, и всё, что могло случиться дальше.

Лавочка нашлась во дворе между двумя домами. Не самая удобная, зато под фонарём и почти без ветра. Двор был старый, с кривой детской площадкой, облезлыми качелями и тополями, которые летом засыпали всё пухом, а осенью выглядели как усталые свидетели чужих разговоров. Они сели втроём, как в студенческие времена, хотя студенческие вре-

мена давно закончились и теперь у каждого были счета, работа и причины не отвечать на звонки после семи вечера.

Вино оказалось терпким и чуть кислым.

— На вкус как мой рабочий день, — сказала девушка после первого глотка.

— Такой же дешёвый? — уточнил Ник.

— Такой же сомнительный.

Тина подняла стаканчик.

— За сомнительные рабочие дни. Чтобы они заканчивались раньше нас.

Пластик тихо стукнулся о пластик. Где-то вдалеке коротко взвыла сигнализация и тут же стихла.

Первые минуты говорили о ерунде: о работе, плохом кофе, соседях, ценах, странном типе из приложения доставки, который однажды привёз Тине чужой заказ и очень обиделся, когда она отказалась принять восемь килограммов корма для попугаев. Ник жаловался, что начальник прислал задачу с пометкой «не срочно», а через шесть минут спросил, готово ли. Тина рассказывала про клиентку, которая требовала вернуть деньги за стрижку, потому что «жизнь после неё не изменилась».

Девушка слушала, смеялась и впервые за день чувствовала, что плечи немного отпустило. С этими двумя можно было не держать лицо. Не быть собранной юристкой в розовом костюме, не отвечать уверенно, не делать вид, что всё под контролем. Ник видел её рыдающей над дипломом в три часа

ночи и всё равно принёс кофе вместо советов. Тина однажды приехала через весь город после короткого сообщения «мне плохо» и не задала ни одного лишнего вопроса, просто села рядом на кухонный пол. Дружба с ними была не громкой, не идеальной, иногда с паузами на недели, но настоящей — такой, где можно молчать и всё равно быть услышанной.

— У тебя лицо сегодня такое, будто ты мысленно уволила половину человечества, — сказала Тина, внимательно глядя на неё поверх стаканчика.

— Только директора.

— Наконец-то разумные масштабы.

— Он в семнадцать ноль три написал, что завтра с утра надо срочно посмотреть договор.

Ник присвистнул.

— В семнадцать ноль три? Это уже не управление, это некромантия рабочего дня.

— Я сделала вид, что не видела.

— Горжусь, — сказала Тина. — Маленькими шагами к свободе.

Девушка улыбнулась, но улыбка быстро сошла. В голове всплыло сообщение от мамы. «Позвони мне, как сможешь». Фраза была обычной, почти будничной, но почему-то сидела под кожей занозой.

Тина заметила, как она снова посмотрела на телефон, хотя сети всё равно не было.

— Мама?

Девушка коротко усмехнулась.

— Угу. Написала, чтобы я позвонила.

— И?

— И я, как взрослая самостоятельная женщина, решила сделать вид, что не видела.

— Зрелая позиция, — сказал Ник. — Одобряю. Я так со счетами за коммуналку общаюсь.

Тина не улыбнулась.

— Позвони ей завтра. Не потому что апокалипсис. Просто позвони.

— Завтра, — сказала девушка.

Это прозвучало почти убедительно.

Фонарь над ними моргнул. Раз. Потом второй. На третьем мигании свет стал чуть ярче обычного, почти белым, и лица друзей на секунду потеряли тёплые оттенки. Тина подняла голову, Ник замолчал на полуслове. Через мгновение фонарь вернулся к нормальному жёлтому, но после этого двор уже не казался таким уютным.

Тина достала телефон. Сети не было. Вместо привычных полосок — пустота.

— У меня вообще не ловит.

— У меня тоже, — сказала девушка.

Ник повертел свой телефон в руке, как будто сигнал можно было вытрясти.

— Может, реально авария какая-то. Или перегруз после этих их энергетических мероприятий.

— Ты сам веришь?

— Я стараюсь. Это дешевле терапии.

Они одновременно посмотрели на север. Между домами виднелся кусок неба. Уже стемнело, но у самого горизонта стояло слабое молочное свечение. Не зарево пожара, не свет города, не рекламный прожектор. Что-то ровное, холодное и неприятно неподвижное.

— Это там станция? — спросила Тина.

— Северный кластер где-то в той стороне, — сказал Ник.

— Там ещё промзона, старые склады и новая подстанция. Я читал утром, что они запускали какой-то контур.

— Звучит как название места, где в фильмах всё обязательно идёт не так, — сказала девушка.

Во дворе снова стало тихо. Даже разговоры у подъездов стихли. На балконе пятого этажа женщина курила и тоже смотрела на север. В соседнем доме в одном из окон мигнул телевизор: картинка рассыпалась на цветные квадраты, звук донёсся обрывком чужой фразы — «гражданам рекомендуется сохранять» — и пропал.

— Сохранять что? — спросила Тина.

— Видимо, всё, что осталось, — сказал Ник.

Время незаметно ушло куда-то вперёд. Сначала было просто темно, потом стало совсем ночью. Вино закончилось, сухарики тоже, разговоры несколько раз уходили в молчание и возвращались обратно. Они вспоминали университетского преподавателя, который всегда говорил «коллеги» так, будто

собирался продать их на аукционе. Спорили, кто из знакомых первым построил жизнь, похожую на взрослую, и пришли к выводу, что никто. Ник признался, что иногда завидует людям, умеющим хотеть что-то одно больше трёх месяцев подряд. Тина сказала, что боится однажды проснуться и понять, что стала человеком, который живёт только ради работы, скидок и сериала по вечерам. Девушка хотела сказать, что это уже слишком близко к её собственному расписанию, но вместо этого допила вино.

— Зато у нас есть лавочка, кислое вино и отсутствие интернета, — сказал Ник. — Почти ретрит.

— Очень бюджетный, — добавила Тина.

— Зато без уведомлений.

Девушка посмотрела на них и вдруг почувствовала острую, почти болезненную нежность. Эти двое были её выбранной семьёй, пусть никто никогда не произносил это вслух. С родной семьёй всё было сложнее: недосказанность, обиды, мамино «как ты», от которого хотелось спрятаться. А здесь было проще. Можно было сказать «мне страшно» — и, возможно, никто бы не стал чинить её жизнь. Просто сели бы ближе.

Где-то далеко снова прошёл низкий гул. Не гром, не поезд, не самолёт. Земля под ногами едва заметно отозвалась вибрацией, и на лавочке тихо звякнул пластиковый стаканчик.

Ник медленно повернул голову к северу.

— Вы это почувствовали?

— Нет, — сказала Тина слишком быстро.

— Это не считается, если ты врѐшь плохо.

— Тогда да. Почувствовала.

Молочное свечение у горизонта стало чуть шире. Оно не вспыхивало и не пульсировало, просто занимало больше места в небе, будто кто-то очень медленно стирал темноту.

Девушка посмотрела на часы и выругалась.

— Половина первого.

— Завтра все умрѐм, — сказал Ник.

— Завтра все на работу, — поправила Тина.

— Это я и сказал.

Она встала, чувствуя, как после сидения затекли ноги.

— Всѐ. Я домой. Если завтра просплю, скажу, что это последствия техногенной катастрофы.

— Хорошая версия, — сказал Ник. — Главное, не забудь приложить справку от апокалипсиса.

До перекрёстка дошли вместе. Город казался выцветшим: редкие машины проезжали медленнее обычного, окна домов гасли одно за другим, а в воздухе висела сухая горечь перегретого металла. У пешеходного перехода светофор внезапно переключился с красного на зелёный, потом на жёлтый, потом снова на красный. Ник показал ему средний палец.

— Техника сегодня явно переживает личностный кризис.

Тина обняла девушку крепко и быстро, как всегда. От неё пахло вином, помадой и холодным воздухом.

— Напиши, как дойдёшь.

— Интернета нет.

— СМС ещё работают.

— Дойду — напишу.

Ник стукнул её кулаком в плечо, но задержался на секунду дольше обычного.

— Если что — звони. Даже если связь будет как из подвала ада.

— Ты же ненавидишь звонки.

— Для тебя сделаю вид, что не ненавижу.

— Какая жертва.

— Цени.

Они разошлись у перекрёстка. Девушка оглянулась через несколько шагов: Тина и Ник шли в другую сторону, спорили о чём-то, их голоса сливались с ночным воздухом. На секунду захотелось догнать их, сказать что-нибудь важное, но важные слова всегда выглядели нелепо без повода. Поэтому она просто пошла домой.

Подъезд встретил темнотой: лампа над почтовыми ящиками не горела, лифт стоял на первом этаже с раскрытыми дверями и пустым чёрным нутром. Подниматься пришлось пешком. На лестнице было душно, стены пахли сыростью и старой краской. Где-то за дверью плакал ребёнок, а взрослый голос устало повторял: «Всё нормально, просто свет моргнул». На четвёртом этаже из-под двери соседей пробивалась синеватая полоска телевизора, но звук шёл с задержкой: сна-

чала смех из передачи, потом фразы, потом тишина.

В квартире было тихо и жарко. Слишком жарко для ночи. Девушка закрыла дверь, скинула одежду и пошла в душ. Горячая вода ударила по плечам, смыла запах улицы, дыма, дешёвого вина и чужой тревоги. Несколько минут она просто стояла под струями, упираясь ладонями в плитку, и пыталась не думать ни о северном свечении, ни о мамином сообщении, ни о том, что завтра всё равно придётся отвечать на письма.

День наконец-то заканчивался. Это было лучшее, что он мог для неё сделать.

После душа чистая футболка показалась почти праздником. Девушка почистила зубы, поставила стакан на раковину и отправила Тине короткое СМС:

«Дома. Жива».

Сообщение долго висело без статуса. Потом всё-таки ушло.

От Ника пришло почти сразу:

«Если завтра интернета не будет, я увольняюсь из общества».

Следом, спустя минуту, от Тины:

«Спи. И завтра позвони маме. Да, я зануда».

Девушка усмехнулась, но ответить не успела. Телефон снова потерял сеть. На экране мигнула пустота, потом одна слабая полоска, потом снова ничего. Зарядка то появлялась, то пропадала, хотя провод был воткнут нормально.

Пришлось положить телефон на край стола так, чтобы не трогать его лишний раз.

За окном двор был тёмным. Фонарь под окнами больше не мигал. Он просто горел ровно и жёлто, как будто ничего странного за вечер не произошло. Если не смотреть на северное небо между домами, можно было почти поверить, что мир вернулся в обычное состояние.

Завтра нужно будет встать, купить кофе, приехать в офис, разобраться с договором, который директор уже считал решённым, хотя она его даже не открывала. Потом, возможно, позвонить маме. Или хотя бы написать. Спросить, почему её сообщение весь день не выходило из головы и почему от простого «позвони мне» было так не по себе.

Завтра всё снова станет обычным.

От этой мысли стало почти спокойно.

Сначала исчез звук.

Не резко. Просто мир будто кто-то накрыл плотным стеклянным колпаком. За окном не проехала ни одна машина, не хлопнула дверь подъезда, не залаяла собака. Даже холодильник на кухне перестал гудеть. Тишина была такой полной, что собственное дыхание показалось чужим.

Девушка открыла глаза.

В темноте комнаты мигал экран телефона. Зарядка то появлялась, то пропадала. Потом завибрировало стекло — тихо-тихо, почти нежно, будто кто-то провёл пальцем по краю бокала.

Она села на кровати.

— Что за

Договорить не получилось.

За шторами стало светло. Не как от молнии: молния вспыхивает и пропадает. Этот свет не пропал. Он разгорался медленно, будто за домами поднималось второе солнце. Только солнце было неправильным — бело-синим, холодным, слишком чистым.

Комната наполнилась бледным сиянием. Стены, шкаф, стол, чашка на подоконнике — всё потеряло привычные тени. Предметы стали плоскими, чужими, нарисованными. Кожа на запястьях покрылась мурашками, будто по комнате прошёл ледяной сквозняк, хотя воздух был горячим и густым.

Девушка встала, не понимая зачем, и подошла к окну.

На севере небо раскрылось.

Там не было огненного гриба, как в старых фильмах. Не было пламени. Был столб света — огромный, беззвучный, уходящий вверх так высоко, что казалось, он проткнул облака и достал до чего-то за ними. Внутри столба двигались тонкие тёмные прожилки, похожие на трещины в стекле или на вены под слишком светлой кожей.

Потом свет дрогнул.

И пошёл в стороны.

Волной.

Она увидела, как эта волна катится над городом — не раз-

рушая сразу, не сжигая, а проходя сквозь дома, крыши, деревья, стекло. Окна в соседнем доме вспыхивали одно за другим, будто внутри каждой квартиры на миг зажигали белые лампы. На крыше напротив антенны выгнулись, как травинки под невидимым ветром. Где-то внизу сработали все автомобильные сигнализации сразу, но звука по-прежнему не было. Только свет.

Телефон на столе коротко пискнул и погас. Лампочка под потолком вспыхнула так ярко, что стекло внутри неё лопнуло.

Только тогда пришёл звук — низкий, глубокий, будто сам город застонал под землёй.

Пол ушёл из-под ног. Стекло в окне выгнулось внутрь, на секунду стало мутным, затем рассыпалось. Девушка отшатнулась, закрывая лицо руками, но свет уже был в комнате.

Он не падал на кожу — он проходил сквозь неё.

На мгновение стали видны собственные пальцы, тонкие кости, тёмные линии вен. На левой руке вспыхнули цветы, каждый лепесток будто налился молочным огнём. На правой дракон ожил на долю секунды: линия его спины засияла, изгиб хвоста дрогнул, глаз стал крошечной белой точкой.

Боль пришла сразу после этого — тонкая, ледяная, невозможная. Она прошла под кожей от пальцев к локтям, будто кто-то провёл по венам раскалённой проволокой, только холодной.

Сначала боли почти не было, только жар. Потом жар стал

слишком сильным.

Девушка попыталась вдохнуть, но воздух оказался густым, металлическим, как будто вместо кислорода в комнату налили раскалённую пыль. Где-то в доме закричали. Или показалось. Крик распался в гуле, как бумага в воде.

Колени ударились о пол. Ладони горели, хотя доски под ними были холодными. Под пальцами пробежала крошечная искра — синяя, живая, невозможная. Она смотрела на неё и не могла понять, настоящая ли это искра или просто умирающий мозг показывает красивые картинки напоследок.

Свет стал ещё ярче. Он заполнил всё: комнату, глаза, горло, мысли. Где-то далеко, в последнем тёмном углу сознания, мелькнули Ник и Тина на лавочке, мамино сообщение, пустой холодильник, розовый костюм на спинке стула и завтрашний договор, который уже никогда не будет срочным.

Она успела подумать только одно:

«Сейчас всё пройдёт».

Это была вторая ложь.

Глава 3

Сначала вернулась тишина.

Не звук, не свет, не боль — именно тишина. Такая плотная, неправильная, будто весь город накрыли стеклянным куполом, а внутри забыли оставить воздух. За окном не шумели машины, не кричали дети во дворе, не хлопали двери подъездов. Даже холодильник на кухне молчал. Не было привычного слабого гула электричества, того самого, который обычно не замечаешь, пока он не исчезнет.

Потом пришла боль. Не резкая, не такая, от которой хочется заорать, согнуться пополам и вцепиться зубами в край одеяла. Другая. Она была внутри, глубоко, где-то там, куда невозможно ткнуть пальцем и сказать: «Вот здесь». Не в груди, не в животе, не в костях. Скорее под всем этим. Будто внутри тела появился маленький раскалённый камень и теперь лежал там — чужой, тяжёлый, живой.

Веки дрогнули.

Мир не появился сразу. Перед глазами расплзлось мутное серое пятно, свет и тень смешались, превратились в бесформенную грязь. Комната угадывалась только по ощущениям: жёсткий пол под плечом, холод у босых ног, пыль на губах, привкус металла во рту. Где-то рядом пахло стеклом, хотя стекло, наверное, не пахнет. Но сейчас пахло всё: пыль, бетон, обгоревшая проводка, её собственная кожа.

Паника поднялась почти сразу.

Слепота.

Слово вспыхнуло в голове коротко и мерзко, как аварийный сигнал. Пальцы вцепились в пол. Под ладонью хрустнули мелкие осколки, боль от пореза пришла с задержкой — слабая, почти неважная. Она попыталась сесть, но тело качнулось, словно после долгой болезни. В висках ударило один раз, второй, третий.

— Нет

Голос сорвался хрипом. Слово прозвучало чужим, слишком сухим, будто горло не использовали несколько дней.

Сколько прошло времени? Минута? Час? День? Ответа не было. Время исчезло вместе со звуками города. Телефон лежал где-то рядом, но экран не светился. Часы на стене остановились. Электронные часы на тумбочке погасли. Ничто больше не доказывало, что мир всё ещё движется.

Взгляд медленно начал собираться. Сначала проявился потолок — мутный прямоугольник над головой. Потом шкаф, стол, край кровати, перевернутый стул. Всё расплывалось, как сквозь воду, но очертания возвращались. С каждым морганием комната становилась чётче, и вместе с этим возвращалась не радость, а понимание: она видит. Она всё ещё видит.

Дыхание постепенно выровнялось. Комната почти не изменилась, если не считать того, что всё в ней выглядело так, будто внутри прошла невидимая ударная волна. Кровать сто-

яла на месте. На стуле всё ещё висела одежда, только сам стул лежал на боку. На столе остались кружка, ноутбук, стопка бумаг и ручка, скатившаяся к краю. Шторы сорвало с одного крепления, и теперь они висели криво, будто сломанное крыло.

На полу блестели осколки. Окно было выбито полностью. В раме торчали неровные зубья стекла, а за ними стоял свет — слишком яркий, белёсый, режущий глаза. Он не был похож на нормальное утро. Нормальное утро не выглядит так, словно кто-то выкрутил насыщенность мира до боли.

Подняться получилось не сразу. Ноги дрогнули, но выдержали. Она ожидала слабости, тошноты, боли в мышцах, хоть чего-то обычного после падения и того безумного света. Но тело слушалось. Даже слишком хорошо. Только внутри продолжал пульсировать странный жар — не болезнь, не травма, не температура. Что-то другое. Как будто вчерашняя версия себя осталась лежать на полу, а поднялась уже не совсем она.

У окна пришлось остановиться.

Снаружи был город. И одновременно города больше не было.

Солнце висело над крышами безжалостное, яркое, почти пустынное. Воздух казался пересвеченным. Все цвета стали резче, неправдоподобнее: белые стены домов били по глазам, тени уходили в синий, красные машины на парковке выглядели нарисованными. Между зданиями стоял голубоватый смог — не дым, не туман, а что-то холодное и неподвижное.

Он висел в воздухе тонкой пеленой, цеплялся за крыши, лежал в провалах улиц, как вода.

Во дворе не было людей. Ни одного.

Качели на детской площадке едва двигались, хотя ветра почти не чувствовалось. Машины стояли криво, некоторые с открытыми дверями. На асфальте валялись ветки, стекло, куски фасада. На лавках и капотах лежал серый налёт. Пепел. Дальше, за соседним домом, улица уходила к проспекту. Там тоже не было движения — только застывшие машины, выбитые окна и странная пустота.

Некоторые дома почти не пострадали: трещины на стенах, чёрные дыры окон, осыпавшаяся штукатурка. У других провалились крыши. А там, где ещё вчера стояли две знакомые многоэтажки, теперь лежали руины: бетон, арматура, пыль, обломки балконов. Воздух застрял в груди.

Вчера здесь был район.

Сегодня — что-то после него.

Никаких сирен. Никаких криков. Никаких спасателей. Даже пожаров почти не видно. Просто пустой мир, укутанный голубым смогом и пеплом.

Что произошло? Ответа не было. Но одно стало ясно сразу: прежняя жизнь закончилась. Не постепенно. Не с шансом всё исправить. Просто оборвалась, пока она лежала без сознания на полу среди стекла.

От окна получилось отойти не сразу. Ступни будто приросли к полу. Потом взгляд зацепился за зеркало на шкафу,

и внутри неприятно сжалось. Нужно было посмотреть на себя. После света. После падения. После того, как что-то прошло через кожу, кости и мысли.

Несколько секунд она стояла перед зеркалом, не решаясь поднять глаза. Потом всё-таки подняла. В отражении была она. Почти обычная: рост метр семьдесят, каштановые волосы, спутанные, с лёгким блонд-мелированием на прядях. Лицо бледное, губы сухие, под глазами тени. Старая домашняя футболка в пыли. На плече тонкая царапина, на щеке след от пола или пепла.

Татуировки на руках выглядели как всегда. Просто чернила под кожей. Никакого свечения. Никакого движения. Никакого белого огня, который перед отключкой будто пробежал по линиям рисунков. Цветы оставались цветами. Дракон — драконом. Мёртвым рисунком, а не живой тварью из света.

Глаза тоже не изменились. Обычные карие, чуть уходящие в зелёный, если смотреть при хорошем освещении. Никаких странных зрачков. Никакого сияния. Ничего такого, что могло бы объяснить жар внутри.

Всё нормально.

Почти.

Взгляд задержался на собственном лице. Слишком чётко. Каждая прядь у виска, каждая пылинка на ресницах, крошечный скол на раме зеркала, тонкая трещина на дверце шкафа — всё было видно. Без усилий. Без привычного при-

щура.

Очки лежали на тумбочке. Она медленно повернула голову к ним: чёрная оправа, одно стекло в пыли, второе треснуло от края к центру. Сколько лет приходилось начинать утро с поисков очков? Сколько раз линзы раздражали глаза, сохли, терялись, рвались в самый неподходящий момент? Без них мир всегда был мягким и размытым. Лица превращались в пятна, надписи — в полосы, дальние предметы — в догадки.

А сейчас всё было резким. Без очков и линз.

— Да ладно

Звучало не испуганно. Скорее устало. Как будто мир показал очередную невозможную вещь, а сил удивляться уже не осталось.

Она взяла очки, машинально протёрла стекло краем футболки и надела. Мир тут же поплыл, исказился, стал слишком резким и неправильным. Голова отозвалась тупой болью. Она сняла их почти сразу и положила обратно, аккуратнее, чем требовала ситуация. Глупый жест. Бытовой. Будто сломанные очки всё ещё имели значение.

Пальцы коснулись нижних век, будто там можно было нащупать объяснение. Ничего. Просто кожа. Просто лицо. Просто глаза, которые внезапно начали работать так, как никогда не работали.

Травма? Последствия вспышки? Мозг ударился и временно решил, что зрение идеальное?

Глупо.

Но думать об этом сейчас было нельзя.

На ладони, которую она порезала об осколки, осталась тонкая красная линия. Крови почти не было. Она нахмурилась, поднесла руку ближе к лицу. Порез должен был саднить, но боль уже исчезала. Кожа по краям царапины стягивалась медленно, едва заметно, будто кто-то невидимый проводил по ней тонкой иглой, сшивая повреждение изнутри.

Она резко опустила руку.

— Нет, — сказала она пустой комнате. — Вот это мы сейчас обсуждать не будем.

Голос прозвучал твёрже, чем она чувствовала себя на самом деле. Странно, но это помогло. Она всегда лучше держалась, когда проговаривала задачи вслух. В университете так зубрила билеты. На работе — раскладывала чужие катастрофы по пунктам. «Сначала факты. Потом выводы. Потом действия». Этому её научила профессия, а может, просто жизнь: если внутри паника, снаружи должен быть список.

Факты: город разрушен. Связи нет. Людей не видно. Со зрением что-то произошло. Тело ведёт себя неправильно. Ник и Тина неизвестно где.

Вывод: сидеть дома нельзя.

Действия: одеться, взять необходимое, выйти, проверить Ника, потом Тину.

План был плохой, обрывочный, почти детский. Но это всё ещё был план.

Телефон нашёлся на полу возле кровати, экраном вниз. Корпус был тёплым, хотя электричества в квартире не было. Экран не загорался. Кнопка питания не помогала. Зарядка, подключённая по привычке, болталась мёртвым проводом. После нескольких попыток экран всё-таки мигнул слабым значком батареи и снова погас.

Связи не было. Даже если бы телефон включился — что толку? Сети не ловило ещё вчера. А теперь, судя по виду из окна, ловить было нечему.

Пальцы сжали телефон так сильно, что заболели костяшки. Услышать голос Ника. Тины. Любой знакомый голос. Сделать хоть что-то нормальное, привычное, человеческое.

Невозможно.

Сидеть дома тоже было невозможно. Здесь можно было только ждать и сходить с ума: смотреть на пустой экран, подходить к окну, убеждать себя, что сейчас в дверь постучат, зазвонит телефон, включится свет, кто-то объяснит происходящее словами вроде «авария», «эвакуация», «временные перебои».

Нет. Нужно выйти.

Она открыла шкаф и несколько секунд смотрела на вещи так, будто выбирала не одежду, а личность, в которой придётся переживать конец света. Розовый костюм висел на спинке стула, испачканный пылью. Вчера в нём она была юристкой, человеком с расписанием, договором на утро и планом купить нормальный кофе. Сегодня этот костюм вы-

глядел почти насмешкой.

В шкафу нашлась плотная рубашка, старая куртка, джинсы, которые не жалко порвать, шарф и платок. Пришлось одеться слоями, будто предстояло выйти не во двор, а в чужую страну. В каком-то смысле так и было. Платок лёг на волосы, потом закрыл нижнюю часть лица. Открытыми остались только глаза.

Руки автоматически проверили карманы: ключи, телефон, зажигалка, пачка сигарет, хотя мысль о курении почему-то не вызвала привычного желания. Раньше в стрессовой ситуации пальцы сами тянулись к пачке. Сейчас тело молчало. Никакой тяги. Никакого «только одну, чтобы собраться». Просто сухой картон в кармане и равнодушие.

Это тоже было ненормально.

На кухне всё выглядело почти как обычно: кружка в раковине, пакет от вчерашней еды, открытая пачка чая. Только на столешнице лежал серый пепел, а на полу хрустело стекло из выбитого окна. Она достала из шкафа бутылку воды, сунула в рюкзак пачку печенья, обезболивающие, бинт, влажные салфетки, маленький фонарик с почти севшими батарейками, документы и наличные, которые раньше казались бесполезным пережитком. Теперь они казались символом цивилизации. Очень хрупким, но всё-таки символом.

У самой двери шаг замер.

Кухня.

Ножи.

Мысль оказалась неприятной, но трезвой. Что ждёт на улице — неизвестно. Пустота не означает безопасность. В мире, где за одну ночь исчезли люди, выбило окна и рухнули дома, глупо выходить с пустыми руками.

Из подставки был выбран самый большой нож. Рукоять оказалась холодной. Настолько обычной, что от этого стало почти легче. Раньше никто не выходил из дома с кухонным ножом под курткой. Раньше мир и не выглядел так, будто этого требует.

В прихожей взгляд скользнул по зеркалу ещё раз. Платок, куртка, рюкзак, нож, пыль на одежде, чужие слишком ясные глаза.

— Всё нормально, — тихо сказала она отражению. Потом добавила: — Я справлюсь.

Первая часть была второй ложью.

Вторая пока оставалась под вопросом.

Перед выходом она неожиданно вернулась к столу, нашла ручку и клочок бумаги. Несколько секунд стояла над ним, не зная, что написать. «Если кто-то придёт» звучало нелепо. «Я ушла к Нику» — слишком буднично. «Я жива» — слишком страшно. В итоге она написала: «Ушла проверить друзей. Вернусь, если смогу». Подумала, зачеркнула «если смогу», потому что от этого становилось хуже, и оставила: «Вернусь». Бумагу прикрепила к двери скотчем.

Юридическая привычка оставлять следы. Документы, письма, отметки, доказательства. Если тебя нет на месте,

должно быть понятно, куда ты делась.

Даже если понимать уже некому.

Подъезд встретил темнотой и запахом бетона. Лифт не работал. Панель вызова не светилась, двери стояли закрытые и глухие. На лестнице валялись куски штукатурки, где-то выше хлопала незакрытая дверь. Спускаться пришлось медленно. Не из-за слабости — из-за осколков и темноты. За одной дверью было тихо. Ещё одна стояла приоткрытой, изнутри тянуло пылью и чем-то кислым.

На третьем этаже она остановилась. Это была квартира соседа, который вчера вытягивал телефон к окну и спрашивал про сеть. Дверь приоткрыта на ладонь. Изнутри виднелся коридор, на полу лежала домашняя тапочка. Одна. Вторая валялась дальше, возле перевернутой табуретки.

— Эй? — позвала она.

Ответа не было.

Она постояла ещё несколько секунд. Внутри всё требовало зайти, проверить, убедиться. Другая часть понимала: если она начнёт проверять каждую открытую дверь, то не дойдёт никуда. Сейчас у неё есть маршрут. Ник. Тина. Потом дальше.

Но уйти сразу не получилось. Она толкнула дверь носком ботинка и заглянула внутрь. В квартире было пусто. На кухонном столе стояла чашка с чаем, на экране телевизора застыло чёрное стекло. На полу у окна лежал телефон. Рядом — серый пепел, больше похожий на рассыпанную муку.

Никакого тела. Никаких следов борьбы. Ничего, кроме этой нелепой тапочки в коридоре.

Она тихо закрыла дверь.

Во дворе пепел хрустел под подошвами. Не снег. Не обычная пыль. Что-то среднее — лёгкое, сухое, серое. Он лежал на лавочках, на детской горке, на листьях кустов, на капотах машин. При каждом шаге поднимался маленьким облачком и оседал обратно.

Воздух был слишком ярким. Солнце било сверху, как в пустыне. Голубой смог делал дальние дома расплывчатыми, почти нереальными. Несколько раз в окнах соседних зданий мерещилось движение, но стоило посмотреть прямо — там не оказывалось никого.

Она шла быстро, но осторожно. Улица, знакомая до последней трещины в асфальте, стала чужой. Магазин через дорогу стоял с распахнутыми автоматическими дверями, которые больше не двигались. Внутри темнели полки, у кассы валялась корзина с продуктами. Вчера здесь покупали вино. Вчера Тина доставала смятую купюру и называла это финансовой стратегией. Вчера Ник шутил про цивилизацию, которая закончилась из-за интернета.

Смешно.

Горло сжалось так резко, что пришлось остановиться.

Нет. Потом.

Дом Ника стоял почти целым. Это стало первым хорошим знаком за всё утро — если это вообще было утро. На фаса-

де тянулась длинная трещина, почти все окна были выбиты, часть облицовки осыпалась у подъезда. Но здание не рухнуло. Не сложилось внутрь себя, не превратилось в груды бетона.

— Живой, — выдох сорвался сам.

Непонятно, про дом это было или про Ника.

Кодовый замок на двери подъезда не работал. Сама дверь застряла, перекошенная в раме. Она дёрнула один раз, второй. Металл жалобно скрипнул. Она выругалась, упёрлась ногой в нижний край и потянула сильнее, уже не рассчитывая на успех.

Дверь открылась.

Не просто поддалась — рванулась на себя так резко, что она едва не упала назад. Изогнутая пластина у замка треснула, как тонкий пластик. Несколько секунд она смотрела на неё, не понимая, что именно видит. Потом медленно отпустила ручку.

— Адреналин, — сказала она.

Слово прозвучало полезно. Почти как объяснение.

Внутри пахло пылью, гарью и металлом. Лифт, конечно, не работал. Двери были чуть приоткрыты, внутри темнела пустая шахта.

Семнадцатый этаж.

Лестница уходила вверх бесконечными серыми пролётами. В голове тут же всплыли все десять лет курения. Утренние сигареты. Вечерние. «Только одну, день тяжёлый».

«Брошу с понедельника». «Брошу после отпуска». «Брошу, когда жизнь станет спокойнее».

Дыхание было частым, но ровным. Ноги двигались легко. Сердце билось быстро, однако без привычного тяжёлого стука в висках. Ладони не вспотели. Перед глазами не темнело. На двенадцатом этаже она остановилась не потому, что устала, а потому что увидела след.

На пыльной ступени отпечаталась босая ступня. Одна. Потом ещё одна — выше.

Следы поднимались по лестнице, но на площадке между двенадцатым и тринадцатым этажом обрывались. Просто исчезали посреди серого бетона. Рядом на стене осталась размазанная полоса пепла, будто кто-то провёл ладонью, пытаясь удержаться.

Она стояла и смотрела на эту пустую площадку слишком долго. Потом заставила себя идти дальше.

Семнадцатый этаж встретил тишиной. И только там пришло осознание: усталости почти нет. Совсем не так, как должно быть. Она поднялась пешком на семнадцатый этаж после катастрофы, с рюкзаком и ножом под курткой, и могла бы идти дальше.

— Потом, — сказала она себе. — Всё потом.

Запасной ключ от квартиры Ника лежал во внутреннем кармане куртки. Они обменялись ключами давно — сначала в шутку, потом оказалось удобно: забрать документы, полить цветы, если кто-то уезжал, оставить забытые вещи. Малень-

кая бытовая деталь дружбы. Теперь металлический ключ в руке казался последней нормальной вещью в мире.

Дверь открылась не сразу. Замок заедал. После второго поворота щёлкнул.

— Ник?

Голос ушёл в квартиру и растворился.

Ответа не было.

В прихожей стояли его кроссовки. На крючке висела куртка. У стены лежал дурацкий коврик с надписью «Добро пожаловать, если вы с едой», который Тина когда-то подарила ему на день рождения. Всё почти как всегда.

Почти.

Окна выбило. И везде был пепел.

Крупный, серый, хлопьями. На полу, на подоконнике, на диване, на столе. На кружке возле ноутбука. На клавиатуре. На спинке кресла. Будто кто-то открыл все окна во время пожара, но запаха обычной гари не было. Запах был сухой, горький, металлический.

— Ник?

Она прошла в комнату. На столе лежал телефон Ника. Экран треснул паутиной. Рядом стоял стакан с засохшими следами вина на дне. На ноутбуке всё ещё был наклеен стикер: «Не трогать, оно работает на честном слове». На полу у кресла валялась его худи. Та самая чёрная, в которой он вчера стоял у магазина.

Значит, он вернулся домой после прогулки.

Был здесь.

Или почти был.

Мысль оборвалась сама. Додумывать было опасно. Рациональность уже тянула свои холодные пальцы к выводам, но принимать их не хотелось.

На столе рядом с клавиатурой лежала раскрытая записная книжка. Ник редко писал от руки, только когда думал быстрее, чем печатал. На странице было несколько строк, кривых, торопливых:

«Свет снова усилился. Связи нет. Если это из кластера, волна должна была»

Дальше шла рваная линия, будто ручка сорвалась с бумаги. На краю страницы остался тёмный отпечаток пальца. Не кровь. Пепел.

Она медленно опустилась на корточки. Пальцы коснулись серых хлопьев на полу. Они рассыпались от лёгкого движения. На коже остался след, похожий на грязь после старой печки.

В памяти вспыхнул жар перед отключкой. Свет, проходящий сквозь руки. Линии татуировок, налитые белым огнём.

Пепел.

Жар.

Пустая квартира.

Нет. Не время. Это не могло быть связано. Очень хотелось, чтобы не было.

Она забрала записную книжку. Не всю — только вырва-

ла страницу и сложила в карман. Потом взяла телефон Ника, хотя понимала, что он бесполезен. Оставить его здесь казалось невозможным. Вещи иногда были последним доказательством того, что человек существовал не только в памяти.

Из квартиры Ника пришлось уйти почти бегом. Не потому что там что-то угрожало. Наоборот — там было слишком тихо. Слишком похоже на место, где всё уже случилось и больше ничего не изменить.

На улице свет стал ещё ярче. Или ей так показалось после тёмного подъезда. Голубоватый смог висел ниже, цеплялся за вывески и балконы. В одном месте воздух над асфальтом дрожал, как от жары, хотя тепла не чувствовалось. Она обошла это место по широкой дуге. Ей не хотелось проверять, что будет, если пройти сквозь дрожащий воздух.

До дома Тины раньше идти минут двадцать. Сейчас дорога заняла больше — или меньше, время всё равно перестало ощущаться нормально. Улицы были завалены стеклом, кусками вывесок, ветками, обломками балконов. В одном месте пришлось обходить автобус, врезавшийся в остановку. Передняя часть смялась, двери раскрылись, внутри никого не было. На поручне висела чья-то красная перчатка.

Нигде никого не было.

Это начинало сводить с ума.

Разрушения хотя бы можно было увидеть, потрогать, обойти. Пустота не объясняла ничего. Она была хуже обломков, хуже пепла, хуже выбитых окон, потому что в ней не

было причины. Люди не могли просто исчезнуть из машин, квартир, магазинов, автобусов. Не могли оставить телефоны, чашки, тапочки, недопитое вино и раствориться в сером налёте.

Пару раз она останавливалась и прислушивалась. Казалось, где-то далеко должен быть звук: крик, мотор, сирена, шаги, плач, приказ из громкоговорителя. Хотя что-нибудь.

Только тишина.

Возле разбитой аптеки она остановилась. Вывеска держалась на одном проводе, стеклянная дверь разлетелась внутрь. Полки внутри были перекошены, часть упаковок рассыпалась по полу. Несколько секунд она стояла на пороге, борясь с идиотским чувством, что входить нельзя. Что это кража. Что камеры, если работают, всё запишут. Что потом придётся объяснять.

Потом почти рассмеялась.

— Конечно, — сказала она в пустоту. — Сейчас главное — соблюсти правила торговли.

В аптеке пахло спиртом, пылью и лекарствами. Она взяла антисептик, бинты, обезболивающее, несколько упаковок пластырей и маленькие ножницы. Всё сложила в рюкзак аккуратно, почти с деловой злостью. Если мир решил превратиться в руины, это ещё не означало, что нужно вести себя как идиотка.

У выхода что-то скрипнуло.

Она замерла. Рука сама скользнула к ножу. Звук повто-

рился — слабый, короткий, металлический. Не шаг. Не голос. Она обошла стойку и увидела, как над ней раскачивается сорванная табличка с рекламой витаминов. Один край цеплялся за перекошенную полку, второй тихо бился о металлический держатель.

Просто табличка.

Она выдохнула и только тогда поняла, что успела задержать дыхание.

— Отлично, — пробормотала она. — Уже пугаюсь вывесок.

Глупая фраза помогла лучше, чем должна была. Она проверила молнию на рюкзаке, ещё раз оглядела аптеку и вышла обратно на улицу. Пепел тут же осел на плечи, на платок, на ресницы. Мир оставался пустым.

Когда улица Тины показалась впереди, первой мыслью стало: не туда свернула.

Потому что дом должен был стоять справа. Девятиэтажка с зелёными балконами, аптекой на первом этаже и вечной рекламой доставки, которую никто не снимал уже третий год. У Тины окна выходили во двор. На пятом этаже. Она всегда жаловалась, что сосед сверху двигает мебель по ночам, будто строит лабиринт.

Аптека была.

Вернее, половина аптеки.

Рекламный щит валялся на дороге.

А дома не было.

На его месте лежала огромная груда бетона, кирпича, арматуры и серого пепла.

Мир сузился до этой точки.

Ноги остановились посреди дороги. Нож чуть не выскользнул из руки, но пальцы сжались сильнее.

— Нет.

Слово получилось тихим. Слишком маленьким для такой развалины.

— Нет, — повторила она громче.

Ничего не изменилось.

Дом не появился обратно. Балконы не вернулись на место. Окно Тины не открылось. Её голос не раздался сверху с привычным раздражением: «Вы серьёзно? Конец света без предупреждения?»

Только пепел медленно перекатывался по обломкам, хотя ветра почти не было.

Рациональная часть сознания уже всё поняла. Дом разрушен. Тина жила здесь. Связи нет. Людей нет. Шансов мало. Очень мало. Но другая часть — живая, упрямая, человеческая — отказалась принимать это.

Может, Тина вышла до взрыва. Может, ушла к Нику. Может, была в магазине. Может, её кто-то вытащил. Может, она сейчас где-то рядом и тоже ищет их.

Может.

Может.

Может.

Внутри снова шевельнулся тот горячий камень. Сильнее. Боль поднялась от груди к горлу, потом к плечам, к рукам. Пальцы на рукояти ножа стали горячими. Металл будто нагрелся за одно мгновение.

На секунду показалось, что между ладонью и ножом мелькнула синяя искра.

Рука резко разжалась. Нож упал на асфальт с сухим звуком. Сердце ударило в рёбра.

Искры не было. Конечно, не было.

Просто показалось. После взрыва, падения, пустого города, пустой квартиры Ника и развалин дома Тины могло показаться что угодно.

Она наклонилась, подняла нож. Рукоять снова была холодной. Нормальной. Почти нормальной.

Смотреть на руины больше не получалось. В глазах щипало от пепла или от слёз — разницы уже не было. Платок на лице стал влажным в районе щёк. Она сделала несколько шагов к завалу, потом остановилась. Что она собиралась делать? Разбирать бетон руками? Кричать имя Тины в пустой город? Ждать ответа из-под девяти этажей?

— Тина! — всё-таки крикнула она.

Голос ударился о руины и исчез.

Она крикнула ещё раз. Потом третий.

Ответа не было.

Зато на краю завала что-то блеснуло. Она поднялась по куску плиты, поскользнулась, едва удержалась и вытащила

из пепла маленькое металлическое кольцо. Серьга. Не Тинина. Или Тинина? У Тины были десятки таких, большие, маленькие, золотистые, серебристые, дешёвые, потерянные, найденные, купленные «потому что настроение». Эта была обычная, круглая, погнутая.

Она сжала серьгу в кулаке так сильно, что металл впился в кожу.

Это ничего не доказывало.

И доказывало всё.

Страх стоял рядом. Огромный, тёмный, терпеливый. Он ждал, когда ему позволят подойти ближе. Ждал, когда можно будет опустить её на асфальт, заставить сжаться, закрыть голову руками и наконец-то признать очевидное: всё конечно.

Нельзя. Не сейчас.

Если сесть — подняться уже не получится.

А нужно идти.

Ник мог быть жив. Тина могла быть жива. Кто-то мог быть жив. Нужно проверить. Двигаться. Делать хоть что-то. Потому что без действия мир окончательно превращался в конец света.

Она спустилась с завала, вытерла ладонь о джинсы и снова посмотрела на город. Северная сторона была хуже. Там, за домами, над которыми вчера висело молочное свечение, теперь стоял плотный голубой столб тумана. Он не двигался, но от него хотелось отвернуться. Как от человека, который

смотрит слишком долго.

В соседнем районе жила тётя с мужем. Их дом был дальше от северной стороны: старый кирпичный, крепкий, надёжный. Не новая стеклянная коробка, не высотка с тонкими стенами. Район там ниже, плотнее, дома стоят почти вплотную. Может, волна прошла слабее. Может, смог не дошёл. Может, они успели спрятаться.

Нужно идти туда. Проверить их. Найти хоть кого-то, кто сможет объяснить, что происходит. А потом — понять, как добраться до мамы.

Эта мысль оказалась последней ниткой, за которую можно было держаться, не разваливаясь прямо здесь, посреди дороги, рядом с руинами дома Тины.

Пальцы поправили платок. Нож снова лёг под куртку. Рюкзак потянул плечи, но вес был даже приятен: вода, бинты, лекарства, чужой телефон, страница из записной книжки Ника, погнутая серьга в кармане. Доказательства. Обломки прежней жизни. То, что ещё можно было нести.

Ноги сделали первый шаг, потом второй.

За спиной остались руины дома Тины.

Впереди — улица, голубой смог, пепел и слишком яркое солнце.

С ними точно всё в порядке.

Это была третья ложь.

Глава 4

До района Натт было близко.

Раньше это значило бы — несколько остановок. Дорога, которую можно не запоминать: автобус сам довезёт, навигатор подскажет, город привычно сложится из улиц, светофоров и людей.

Теперь близко стало другим словом.

Пешком туда можно было добраться. Наверное. Если идти без остановок, если не придётся обходить завалы, если не встретится что-то хуже пустоты. Но даже тогда путь занял бы часы. Много часов под жарким небом, по треснувшему асфальту, между домами, из которых будто вытащили жизнь вместе со звуком.

Нужен был транспорт.

Мысль пришла спокойно, почти сразу. И сразу за ней — другая, куда менее приятная.

Водить толком не получалось.

Когда-то были занятия. Инструктор с вечным усталым лицом. Руль, который казался слишком большим. Сцепление, которое приходилось чувствовать ногами, хотя нога ничего чувствовать не хотела. Замечания про зеркала, поворотники, дистанцию, парковку. Потом неудачный экзамен, обещание попробовать ещё раз и обычная жизнь, в которой это ещё раз так и не наступило.

Прав не было.

Но руки помнили.

Хотя бы немного.

Оставалось надеяться, что этого хватит.

Машин вокруг было много. Город стоял ими забитый, как всегда, только теперь каждая выглядела не средством передвижения, а частью катастрофы. Одна врезалась в фонарь и смяла капот гармошкой. Другая лежала на боку у остановки. Третья выгорела изнутри, оставив вместо салона чёрную пустую коробку. Четвёртая перегородила двор, упершись передними колёсами в бордюр, будто пыталась заехать на тротуар и умерла на половине движения.

Ключей, конечно, нигде не было.

Проверялись бардачки, козырьки, карманы дверей, пространство под сиденьями. В фильмах люди всегда оставляли ключи где-нибудь глупо близко: под ковриком, в пепельнице, на солнцезащитном козырьке. В реальности попадались только чеки, пустые пачки, мелочь, треснувшие очки, детская игрушка с оторванной лапой и чужая расческа с запутавшимися волосами.

Каждая находка казалась оскорблением.

Нужен был один маленький металлический предмет.

Город предлагал мусор.

Двор за двором. Улица за улицей. Дверца открывается — пусто. Следующая заперта. Третья не открывается вовсе, потому что её перекосило ударом. Четвёртая открывается

слишком легко, но внутри всё залито чем-то тёмным, и заглядывать глубже не хочется.

Солнца почти не было видно, но жара всё равно давила. Странная, плотная, безветренная. Воздух лип к коже, голубоватый туман держался низко между машинами, и от него асфальт казался мокрым, хотя под подошвами скрипела сухая пыль.

По идее, уже давно должна была появиться жажда.

И голод.

Хотя бы слабость.

Но тело молчало.

Ни сухости во рту, ни пустоты в животе, ни дрожи в коленях. Только напряжение под кожей, будто внутри натянули слишком тонкую струну. Даже усталость приходила как-то неправильно: не из мышц, а из головы.

Наверное, стресс.

Так проще было думать.

Организм испугался, не понял, что ещё жив, и решил отложить обычные потребности на потом. В прежнем мире такое объяснение показалось бы смешным. В новом — почти разумным.

Через какое-то время захотелось бросить поиски.

Просто идти.

Пусть долго. Пусть ноги сотрутся в кровь. Пусть придётся ночевать где-нибудь в подъезде или в разбитой аптеке. Всё лучше, чем снова тянуть ручку очередной мёртвой машины

и находить внутри только чужой мусор.

И тогда, уже почти на выходе из очередного двора, взгляд зацепился за старую тёмную машину.

С первого взгляда — ничего особенного. Даже наоборот: вид у неё был жалкий. Задняя дверь с правой стороны держалась криво, будто её когда-то почти вырвали. Бампер висел низко. На лобовом стекле расплзлась длинная трещина. Одного зеркала не было.

Но колёса стояли ровно.

Салон не выгорел.

Машина была развёрнута носом к выезду.

Самое главное — водительская дверь открылась.

Внутри пахло пылью, нагретым пластиком и старой тканью. На пассажирском сиденье валялась куртка, под ногами перекачивалась пустая бутылка. Замок зажигания зиял пусто.

Никакого ключа.

Конечно.

Несколько секунд пришлось просто сидеть за рулём, положив ладони сверху. Руль оказался горячим и шершавым. Чужое сиденье неприятно пружинило под спиной. Перед глазами — приборная панель, серый двор и выезд между двумя бетонными клумбами.

Теперь оставалось понять, как заставить всё это ехать.

В голове всплыли фильмы.

Там люди срывали крышку под рулём, соединяли какие-то

провода, проскакивала искра, двигатель оживал. Всё занимало меньше минуты и выглядело так, будто любая паника автоматически делает человека специалистом по угону.

В жизни пластиковая крышка не хотела поддаваться.

Большой кухонный нож, завёрнутый в полотенце и взятый из дома почти машинально, пришлось достать из сумки. В руке он выглядел нелепо. Слишком большой. Слишком домашний. Вещь для хлеба, овощей и обычных ужинов, которую страх назначил оружием.

Теперь ножом ковыряли пластик под рулём.

Крышка треснула только с третьей попытки. Один край отломился, второй повис, открывая спутанный пучок проводов. Их оказалось слишком много. Гораздо больше, чем положено в кино. Цветные, грязные, местами стянутые изоляцией, совершенно непонятные.

Пальцы дрожали.

Лезвие соскальзывало.

Пластик крошился.

Где-то щёлкнуло, но машина не ожила. Потом мигнул один значок на панели и тут же погас. Потом появился неприятный запах нагретой изоляции. От страха стало жарче, хотя пота почти не было.

Ничего не получалось.

Машина молчала так упрямо, будто тоже решила остаться частью мёртвого города.

— Да что ты не заводишься?!

Крик сорвался сам.

Он ударился о стены двора и вернулся коротким, злым эхом. Ладонь с силой хлопнула по рулю. Потом ещё раз. Бесмысленно, глупо, но остановиться сразу не вышло.

Злость оказалась проще страха.

Случайное движение. Рука задела один из оголённых концов. Что-то коротко щёлкнуло, вспыхнула маленькая искра, и двигатель под капотом вдруг кашлянул.

Девушка застыла.

Машина дёрнулась всем корпусом, будто проснулась от удара. Двигатель захлебнулся, почти заглох, потом снова закашлялся и неожиданно загудел — неровно, хрипло, но живо.

Приборная панель засветилась.

— Что?..

Слово вышло почти беззвучным.

Получилось.

Не тогда, когда пыталась вспомнить хоть что-то полезное. Не когда аккуратно перебирались провода. Не когда в голове судорожно прокручивались чужие сцены из фильмов.

Получилось после крика.

После злости.

После случайности.

Можно было назвать это удачей. Высшими силами. Старой машиной, которая просто оказалась достаточно простой и достаточно живой.

Но мысль уже пошла дальше.

Зрение. Лестница. Слишком лёгкий подъём. Отсутствие жажды. Отсутствие голода. Теперь — машина, ожившая после вспышки ярости.

Слишком много мелочей.

Слишком много совпадений.

Если начать думать об этом прямо здесь, можно так и остаться во дворе, слушая хрип мотора и собственное дыхание. Сейчас был транспорт. Была цель. Нужно было ехать.

Первые метры вышли ужасными.

Машина рванула вперёд, едва не ткнулась в бордюр. Нога слишком резко нажала на тормоз, корпус бросило к рулю. Сзади что-то лязгнуло — та самая оторванная дверь или бампер. Пришлось вдохнуть, выдохнуть, вспомнить, как держать руль, как не давить на педали всем весом, как смотреть не под колёса, а чуть дальше.

Потом получилось выехать со двора.

На большой улице пришлось остановиться.

Не из-за препятствия. Просто город впереди заставил замереть.

Вот он — настоящий конец мира.

Раньше эти слова казались бы слишком громкими. Сейчас в них не было ничего лишнего. Асфальт треснул длинными рваными линиями, местами вспучился, будто под ним что-то росло и ломало дорогу изнутри. Светофор висел на одном проводе, покачиваясь без ветра. Витрины магазинов

были выбиты. Вдалеке часть фасада лежала поперёк проезжей части, закрывая половину улицы. Между домами тянулось всё тот же голубой туман — не дым, не пар, не пыль. Что-то чужое.

Может, это только здесь.

Мысль появилась упрямо, почти детски.

Может, один район. Один город. Одна область. Может, где-то уже работают службы, собирают людей, поднимают вертолёты, передают новости. Может, другие страны не пострадали. Может, помощь уже едет.

Но если бы помощь была, за это время появился бы хоть какой-то знак: сирены, самолёты, радио. Хоть что-нибудь.

Только хрип двигателя и дорога, которая больше не обещала привести туда, куда надо.

Ехать оказалось тяжело.

Навыки действительно остались, но в них было слишком мало уверенности. Приходилось объезжать провалы, тормозить перед завалами, лавировать между брошенными машинами. Иногда голубой туман становился таким плотным, что дорога исчезала на несколько метров вперёд. Тогда скорость падала почти до шага, пальцы сжимали руль до боли, а каждый звук под колёсами казался предупреждением.

Один раз машина заглохла.

Сердце провалилось вниз. Несколько попыток — и двигатель снова ожил. Уже не чудом, а капризно, с хрипом, будто согласился дать ещё немного времени.

Район Натт встретил неожиданной целостью.

Здесь тоже было пусто. Слишком пусто. Но дома стояли ровнее, окна у многих квартир оставались целыми, деревья во дворе не были вывернуты с корнем. Детская площадка выглядела почти обычной.

Квартира Натт находилась на первом этаже.

Раньше это казалось удобным. Теперь — подозрительно простым. Ключей не было, но первый этаж давал шанс: заглянуть в окна, проверить, есть ли движение. Если придётся — разбить стекло.

Хуже уже не станет.

Наверное.

Машина осталась у подъезда. Сумка легла на плечо. Кухонный нож снова был внутри, завёрнутый в полотенце, но ближе к руке. Доставать его не хотелось. С ножом в ладони стало бы слишком очевидно, что прежняя жизнь закончилась окончательно.

Первое окно — кухня.

Стол. Занавеска. Угол холодильника. Чашка у раковины.

Ни движения.

Второе — гостиная.

Диван. Полка. Тёмный экран телевизора.

Пусто.

Третье — спальня.

Край кровати. Шкаф. Неподвижная штора.

Никого.

Четвёртое — маленькая комната Дэна, которую Натт называла кабинетом, хотя чаще всего там стояли коробки, документы и вещи, которым не нашлось места.

Стол. Стул. Стопка бумаг.

Тишина.

Ком в горле поднялся снова, но теперь в нём было меньше страха. Больше злости. На пустые окна. На закрытую дверь. На необходимость стоять под квартирой родных людей и заглядывать внутрь, как вор. На то, что любимые лица превратились в варианты: живы, ушли, исчезли, умерли.

Каждый вариант был болью.

Под ногами нашёлся камень.

Первый удар по кухонному окну оставил только паутину трещин. Второй разбил стекло с резким, почти неприличным звоном. Двор будто вздрогнул от этого звука, хотя во-круг по-прежнему ничего не двигалось.

Осколки пришлось выбивать рукавом. Сначала внутрь полетела сумка. Потом получилось забраться самой — неловко, цепляясь коленом за подоконник, стараясь не порезать руки, чувствуя под подошвами мелкий хруст стекла.

Квартира встретила чистотой.

И это было неправильно.

Идеальная квартира идеальной Натт.

На кухне всё стояло на своих местах. Полотенце ровно висело на ручке духовки. Баночки со специями были расставлены по размеру. На столе лежала салфетка с аккуратно по-

догнутым краем. Даже в конце света здесь сохранился порядок, от которого раньше становилось тепло, а теперь хотелось кричать.

— Натт? Ты тут?

Голос прозвучал слишком живым.

Ответом стала тишина.

— Дэн?

Имя её мужа повисло в воздухе и растворилось.

Никто не ответил.

Конечно.

Комнаты проверялись медленно, хотя уже было понятно. Коридор. Гостиная. Спальня. Кабинет. Ванная. Даже шкафы. Даже пространство под кроватью, хотя там мог прятаться только страх.

Пусто.

Может, хотя бы коты.

У Натт и Дэна было два кота. Один всегда спал на подоконнике с видом хозяина квартиры. Второй прятался под креслом и появлялся только на звук холодильника. Вечно недовольные, пушистые, наглые, живые.

Теперь не было и их.

Миски стояли у стены. Сухой корм рассыпался рядом маленькими коричневыми шариками. Вода в миске испарилась почти полностью, оставив мутный след по краю. Шерсть на диване осталась, но самих котов — нет.

И только тут пришло настоящее понимание.

Птиц ведь тоже не было.

С самого пробуждения — ни одной вороны на проводах, ни голубей у мусорных баков, ни воробьёв в пыли. Ни собак во дворах. Ни кошек под машинами. Ни насекомых у разбитых витрин.

Никого.

Город опустел не только от людей.

Живое исчезло глубже.

От этой мысли в чистой кухне стало холодно, хотя жара никуда не делась.

Но была ещё одна странность.

Пепла в квартире не оказалось.

На улицах серый налёт лежал почти везде. В подъездах, на машинах, на подоконниках, в трещинах асфальта. В других местах он казался частью воздуха, чем-то мерзким и неизбежным.

Здесь — обычная пыль.

Домашняя.

Тонкая.

Без того ощущения, будто она когда-то была чем-то живым.

Может, это хороший знак.

Может, Натт и Дэн ушли раньше. Может, успели выбраться. Может, забрали котов. Может, поэтому нет пепла, нет крови, нет перевёрнутой мебели, нет следов борьбы.

За эту мысль хотелось схватиться, Но надежда сейчас была

плохим спутником.

Слишком легко врала.

В гостиной на полке стояла фотография в рамке. Натт, Дэн и девушка между ними. Все трое улыбались, будто в мире не существовало ничего страшнее неудачных семейных снимков. Натт держала руку на плече. Дэн щурился от солнца и выглядел так, словно вот-вот скажет какую-то глупость, чтобы рассмешить обеих.

Пальцы провели по стеклу.

Лицо Натт осталось под тонким слоем пыли, но всё равно было живым. Родным. Почти невозможным.

Рамка отправилась в сумку.

Не как доказательство. Не как вещь, которую нужно сохранить для порядка. Просто если больше не получится встретиться, пусть хотя бы это лицо останется рядом. Пусть не исчезнет вместе с пустыми комнатами, запахом чистого белья и аккуратно сложенными полотенцами.

Некоторое время получилось просто сидеть на диване.

Слёз не было.

Это тоже казалось неправильным. Боль должна была разорвать, согнуть, заставить задыхаться. Но внутри будто перегорел провод, отвечающий за нормальные реакции. Осталась только усталость без сонливости и один вопрос, который не хотел уходить.

Что дальше?

Куда теперь?

Жить?

Последнее звучало не как желание. Скорее как обязанность. Раз уж сердце бьётся, нужно двигаться. Раз уж ноги слушаются, нужно идти. Раз уж весь город молчит, нужно искать место, где молчание началось.

Станция.

Очаг.

Если где-то и могли остаться ответы, то там. Записи, техника, следы, люди. Хоть что-то, что объяснит, почему город умер, почему нет животных, почему в квартире Натт нет пепла и почему тело продолжает вести себя так, будто ему больше не нужны обычные человеческие вещи.

Бензина в машине было достаточно. Стрелка показывала почти полный бак.

Доехать должно хватить.

Перед уходом взгляд ещё раз прошёлся по квартире. Кухня. Полка с фотографиями. Диван. Миски котов. Закрытая дверь спальни. Всё знакомое и уже чужое.

Выбираться пришлось через разбитое окно. Осколки хрустели под подошвами. Во дворе ничего не изменилось. Машина ждала у подъезда, кривая, грязная, с оторванной дверью, но почти живая.

Двигатель завёлся не сразу.

Потом всё-таки загудел.

Дорога к станции стала дорогой в новое.

Спать не хотелось. Есть не хотелось. Пить тоже. Ничего

уже не хотелось по-настоящему. Как будто вместе с городом остановилась не жизнь, а способность хотеть.

Оставалось только ехать.

Несколько часов тянулись странно спокойно. Машина ползла по разбитым улицам, объезжала провалы, разворачивалась перед завалами, снова искала путь. Иногда приходилось ехать по встречной полосе, иногда — по тротуару, иногда — между двумя брошенными автобусами так близко, что металл скрежетал по боку.

Голубой туман становился гуще ближе к станции.

Он не клубился, как дым. Не рассеивался, как обычный пар. Просто висел в воздухе рваными слоями, иногда открывая дорогу, иногда закрывая её почти полностью. От него всё вокруг казалось подводным: дома, столбы, рельсы, остатки рекламных щитов.

Мысли постепенно выстраивались в планы.

Найти вход.

Проверить, есть ли связь.

Искать документы, записи, работающую технику.

Понять, откуда пошёл пепел.

Найти людей.

Кто-то ещё должен быть. Не могло так случиться, что из целого города осталась только одна. Не могло. В домах, подвалах, больницах, машинах, торговых центрах, на окраинах — где-то обязательно должен был быть кто-то живой.

Эта мысль повторялась много раз.

Слишком много.

Станция появилась ближе к вечеру, хотя нормального вечера больше не существовало. Свет почти не менялся. Небо стало серым, только у горизонта проступал холодный голубой оттенок, будто там горел огонь без тепла.

Сначала из тумана вынырнули рельсы.

Чёрные, искривлённые, местами будто оплавленные.

Потом ограда.

Потом бетонные конструкции, провал входа, остатки навеса. Здесь разрушений было больше. Асфальт вспучился, как после взрыва изнутри. Металл на перилах посинел. Воздух казался плотнее, тяжелее, и каждый вдох проходил через горло с неприятной прохладой.

Машина остановилась за остатками автобусного павильона.

Двигатель лучше было заглушить. Его хрип звучал слишком громко рядом с этим местом.

После тишины в ушах ещё несколько секунд жил мотор. Потом исчез и он.

Пальцы коснулись края полотенца внутри, под которым лежал кухонный нож. Большой, тяжёлый, нелепый. Не оружие даже — напоминание о кухне, о доме, о прежней жизни, где ножи нужны были для еды, а не для того, чтобы подходить к мёртвой станции.

Шаги по асфальту звучали глухо.

У входа что-то было.

Сначала это показалось обломком. Тёмное пятно в голубом тумане. Кусок арматуры. Сломанная стойка. Что угодно, только не человек.

Потом пятно подняло голову.

Девушка остановилась.

Мир на секунду потерял форму.

Человек.

Живой человек.

Первый порыв оказался почти болезненным: броситься вперёд, закричать, спросить всё сразу. Что произошло? Где остальные? Почему нет связи? Почему нет птиц? Почему в квартире Натт чисто? Почему не хочется пить? Почему тело не устаёт так, как должно?

Но радость оборвалась, не успев стать радостью.

Живой человек в мёртвом городе не обязательно означал спасение.

Иногда он мог означать опасность.

Фигура заметила движение и повернулась полностью. Несколько секунд оба просто смотрели друг на друга через туман. Потом незнакомец сделал шаг вперёд. Медленно. Без резких жестов. Будто тоже не был уверен, что видит перед собой настоящего человека.

Расстояние сокращалось.

Рука сама ушла в сумку.

Пальцы нашли рукоять ножа и сжали её так крепко, что заболели суставы. Доставать нельзя. Пока нельзя. Пусть не

видит. Пусть думает, что перед ним просто испуганная девушка, а не испуганная девушка с большим кухонным ножом, который всё равно мог не помочь.

Он подходил ближе.

Уже можно было различить грязную куртку, сбитое дыхание, лицо, слишком обычное для конца света. Руки держались чуть в стороне — не совсем мирно, но и не угрожающе. Взгляд метнулся к машине, потом к сумке, потом снова к лицу.

Молчание между ними стало плотнее тумана.

Страх говорил: назад.

Одиночество говорило: стой.

И где-то глубже, совсем тихо, поднялась мысль, от которой стало почти тепло.

Может, теперь не придётся быть одной.

Может, он знает больше.

Может, станет спутником.

Мысль прожила меньше секунды.

Этого хватило.

Это была четверная ложь.

Глава 5

Мужчина подходил ближе, и с каждым его шагом туман неохотно отдавал детали.

Первое впечатление оказалось ошибочным.

Издаലെка фигура казалась просто тенью у станции — случайным выжившим, таким же растерянным, как остальные должны были быть в этом разрушенном мире. Но вблизи стало ясно: перед ней стоял человек, которого катастрофа не сломала. По крайней мере, не внешне.

Статный, высокий, старше тридцати, но вряд ли старше сорока. На его фоне девушка внезапно почувствовала себя почти ребёнком, хотя двадцать пять лет ещё вчера казались возрастом вполне взрослым. Только вчера осталось в другой жизни. В нынешней реальности цифры потеряли значение. Теперь важнее были не годы, а способность стоять на ногах, когда мир исчезает из-под них; умение смотреть в пустоту и не просить её ответить; воля, которая не даёт страху сесть за руль.

У незнакомца было вытянутое лицо с выраженными скулами, высокий лоб, заметные мимические морщины у глаз и губ. Светлая борода и усы выглядели аккуратнo, но небрежность всё равно проступала — словно раньше за внешностью следили тщательно, а последние сутки сделали такие вещи лишними. Взгляд спокойный, серьёзный, внимательный. Не

тёплый. Не враждебный. Скорее взгляд человека, который сначала считает варианты, а уже потом решает, стоит ли говорить.

Чем ближе подходил мужчина, тем слабее становился привычный страх. Это должно было успокоить.

Вместо страха появилось другое чувство — давящее, густое, почти физическое. Будто сам воздух между ними стал тяжелее. Будто вместе с этим человеком приближался не шанс на спасение, а приказ, ещё не произнесённый вслух, но уже пытающийся лечь на плечи.

Внутри всё резко сопротивлялось.

Пальцы сжали рукоять кухонного ножа, спрятанного в сумке. Суставы ныли, кожа на ладони натянулась, но отпустить оружие нельзя было. Новое тело, странное и слишком спокойное последние часы, теперь било тревогу. Не паникой — яростью. Где-то под рёбрами вспыхнул жар, резкий и почти болезненный, словно организм пытался выжечь чужое влияние изнутри.

Это было не притяжение, не что-то человеческое и тёплое, а подчинение.

Мужчина остановился в нескольких шагах. Достаточно близко, чтобы можно было различить светлые волоски в бороде и сухую трещину на нижней губе. Достаточно далеко, чтобы между ними оставалось место для броска, бегства или ошибки.

— Почему из всех мест ты пришла сюда? — спросил

незнакомец.

Голос оказался низким и ровным. Без угрозы. Без попытки казаться дружелюбным. Но в этой ровности было что-то раздражающее: так говорят люди, которые уже привыкли, что им отвечают.

Девушка не торопилась. Взгляд скользнул к провалу станции, к ржавым перилам, к ступеням, уходящим вниз в густой голубоватый туман. Воздух здесь казался плотнее, чем в городе. Тишина не просто стояла вокруг — она будто держала станцию закрытой ладонью.

— Потому что здесь что-то произошло, — ответила девушка. — И вы, похоже, это знаете.

Мужчина не улыбнулся. Только чуть прищурился.

— Знаю достаточно, чтобы не заходить внутрь второй раз.

— Второй?

— Первый был ошибкой.

Такой ответ не добавлял доверия. Наоборот, заставлял крепче держаться за нож.

— Что там?

— Пусто.

— Тогда почему нельзя зайти?

— Потому что пустота бывает разной.

Слова прозвучали слишком красиво, почти театрально. Девушка скривилась.

— Можно без загадок?

Незнакомец выдержал паузу. Кажется, оценил тон. Потом

коротко кивнул, будто решил говорить проще.

— Вниз ушли шестеро. Вышли двое. Один умер через десять минут. Второй пропал у меня на глазах.

— Пропал?

— Стоял у стены. Моргнул. Его не стало.

— Это невозможно.

— Согласен.

Ответ прозвучал настолько сухо, что спорить стало труднее. Не потому, что девушка поверила. Просто в новом мире невозможное уже слишком часто оказывалось фактом.

Где-то внутри станции скрипнул металл. Звук медленно прокатился по бетону, затем исчез внизу. Нож в сумке стал единственной понятной вещью в радиусе нескольких метров.

— Вы хотите, чтобы я поверила вам на слово? — спросила девушка.

— Нет.

Мужчина достал из внутреннего кармана небольшой расстрёпанный блокнот и сложенный лист. На бумаге была грубая карта города: отмеченные дороги, зачёркнутые кварталы, стрелки, кресты, несколько кругов. Один круг стоял вокруг станции. Второй — далеко на севере, у старой промышленной зоны.

— Это что?

— Места, где ловил сигнал.

— Какой сигнал?

— Повтор. Короткий. На аварийной частоте.

— Голос?

— Нет. Код. Но код человеческий. Его кто-то поставил.

Или оставил.

Он достал старый маленький приёмник с треснувшим корпусом. Включил. Сначала раздалось шипение, потом тонкий треск, затем едва различимый повторяющийся писк: три коротких сигнала, пауза, два длинных, снова пауза.

Девушка слушала, не отпуская ножа.

Сигнал не был спасением. Не был доказательством безопасности. Но в этой мёртвой тишине любой повтор, созданный разумом, звучал почти неприлично живым.

— Где это? — спросила девушка.

— Старый водозабор за северной развязкой. Под ним технический узел. Там автономное питание. Если кто-то собирал выживших, то мог выбрать это место.

— Мог?

— Я не обещаю людей.

— Зато обещаете ответы?

— Нет. Только шанс.

Девушка посмотрела на вход в станцию. Провал чернел между слоями голубого тумана, как раскрытый рот. Можно было пойти туда одной. Можно было потребовать больше объяснений. Можно было вонзить нож в этого спокойного незнакомца, забрать карту и уехать.

Только рука почему-то не двигалась.

Не из доверия. Доверия не было.

Слишком много в этом человеке настораживало: уверенность, сухой голос, странное давление, знание того, о чём он не должен был знать. Но карта была настоящей. Приёмник работал. Станция явно не была местом, куда стоит спускаться без причины. А ещё незнакомец не пытался казаться спасителем.

Спасители обещают безопасность.

Этот предлагал риск, у которого хотя бы было направление.

— Как вас зовут? — спросила девушка.

Мужчина посмотрел внимательно, будто вопрос имел больше веса, чем должен.

— Это важно?

— Если вы хотите сесть в мою машину — да.

— Своё старое имя держишь крепко?

Вопрос ударил неожиданно точно. Прежнее имя всплыло в памяти сразу, но не согрело. Оно потянуло назад: в квартиру, к Натт, к мискам у двери, к разбитому окну, к миру, где люди строили планы и верили, что завтра обязано наступить.

— Не ваше дело.

— Верно, — спокойно сказал незнакомец. — Но старые имена скоро начнут мешать. Они привязаны к людям, которых больше нет. К правилам, которые больше нельзя использовать. Здесь можно назваться заново. Тем, что выдержишь.

Фраза снова прозвучала почти напыщенно, но мужчина

оборвал её сам, не позволяя словам разрастись.

— Меня зови Виктор.

Коротко. Чётко. Без украшений.

После всех разговоров о новых именах такой ответ выглядел почти грубым. И почему-то именно это убедило сильнее. Виктор мог быть опасным, мог скрывать больше, чем говорил, но имя дал просто — как вещь, которую можно взять в руку.

— А тебя? — спросил Виктор.

Девушка не ответила.

Старое имя стояло на языке, но произнести его вслух означало признать, что прежняя жизнь всё ещё имеет власть. А она уже не имела. Не должна была иметь.

— Пока никак, — сказала девушка.

Виктор не стал давить. Только кивнул на дорогу.

— Тогда едем.

— Не командуйте.

— Я предупреждаю.

— Разница?

— Если командую — ты это почувствуешь.

От этой фразы внутри снова поднялся жар. Невидимое давление, едва успевшее ослабнуть, коснулось сознания. Девушка резко шагнула ближе, не доставая ножа, но показывая, что расстояние больше не защищает Виктора от удара.

— Попробуйте — и я проверю, насколько вы смертный.

Впервые в его взгляде мелькнуло что-то похожее на ува-

жение.

— Хорошо, — сказал Виктор. — Без приказов.

Это не было примирением. Скорее временным договором двух людей, которые понимали: одиночество опасно, но доверие ещё опаснее.

Машина встретила их хриплым сопротивлением. Двигатель завёлся не сразу, несколько раз кашлянул, будто передумал жить, затем всё-таки загудел. Виктор сел рядом и бросил взгляд на повреждённую панель под рулём, оголённые провода и сломанный пластик.

— Сама?

— Пришлось.

— Смело.

— Глупо.

— Сейчас это часто одно и то же.

Машина выехала от станции медленно, будто боялась повернуться к ней спиной. В зеркале заднего вида вход ещё долго чернел между слоями тумана. Потом дорога свернула, бетонные конструкции исчезли за домами, но ощущение, что что-то смотрит вслед, осталось.

Город постепенно редел. Многоэтажки сменялись складами, пустыми парковками, длинными заборами, за которыми больше нечего было охранять. Свет не менялся. По ощущениям прошло уже больше суток, но ночь так и не наступила. Небо оставалось серым, у горизонта — холодно-голубым, будто мир застрял между днём и чем-то, что не решалось

стать вечером.

Спать не хотелось.

Это больше не удивляло так остро, но спокойнее от этого не становилось. Тело вело себя как механизм, которому за-были объяснить предел. Ни жажды, ни голода, ни слабости. Только тонкий гул в глубине черепа, похожий на звук далёких проводов под напряжением.

Виктор тоже не просил остановиться. Не говорил о воде, еде, отдыхе. Сидел прямо, проверял карту, иногда коротко указывал направление. Его спокойствие не было пустым. Скорее слишком жёстким, слишком выученным. Такой человек не перестаёт бояться — просто не разрешает страху выходить наружу.

— Давно очнулись? — спросила девушка после долгого молчания.

— Не знаю точно.

— Часы есть?

— Есть. Они идут. День нет.

— Значит?

— Значит, часам я больше не верю.

Ответ был сухой, почти раздражающе спокойный. Но спорить было не с чем.

За городом дорога стала хуже. Асфальт растрескался, на обочинах лежали полосы пепла, будто его снесло невидимым течением. Брошенных машин стало меньше, зато каждая выглядела не как результат аварии, а как следствие нападения.

У одной был сорван багажник. У другой — продавлена крыша. На дверях третьей тянулись глубокие параллельные царапины.

Девушка сбросила скорость.

— Это что?

Виктор посмотрел на следы и стал ещё мрачнее.

— Не останавливайся рядом с такими машинами.

— Почему?

— Потому что иногда оно возвращается туда, где уже ело.

Холод прошёл по спине, но руки на руле остались крепкими.

— Оно?

— Я не знаю, как это назвать.

Дальше ехали молча.

Туман стелился ниже, забивался между полосами дороги и иногда поднимался короткими рывками, словно под асфальтом кто-то дышал. На одном участке пепел лежал странным кругом, идеально чистым внутри. Ни веток, ни мусора, ни следов шин. Только серый ободок и пустая середина. Виктор велел объехать, не объясняя. На другом — отбойник был выгнут наружу, будто в него ударилось что-то тяжёлое и живое. Металл сохранил не вмятину, а глубокие борозды.

— Мы точно едем к людям? — спросила девушка.

— Мы едем к сигналу.

— Это не одно и то же.

— Я знаю.

Чем дальше они уходили от города, тем мрачнее становилась дорога. Не из-за темноты — ночь всё ещё не наступала. Мрачность собиралась из деталей: пустые посты у развязок, перевернутый автобус на обочине, пятна на асфальте, не похожие ни на масло, ни на кровь, царапины на крышах машин, слишком высокие для человека и слишком глубокие для животного.

Первая остановка произошла внезапно.

Сначала пришёл звук.

Это был не рёв и не крик. Нечто среднее между разорванным металлом и живым горлом, протянутым до предела. Низкий, влажный, рваный звук прокатился по трассе, ударился о пустые машины, прошёл через салон и будто застрял под рёбрами.

Все внутренние инстинкты взвыли одно и то же: газ.

Не тормозить.

Не смотреть.

Уехать.

Виктор резко поднял руку.

— Стой.

— Нет.

— Стой. Оно может быть впереди.

— А если сзади?

— Тогда мы уже опоздали.

От такой честности хотелось ударить его локтем в лицо. Но логика была. Проклятая, холодная логика.

Машина замедлилась. Тормоза скрипнули. Двигатель захрипел на холостом ходу. Туман впереди дрогнул.

Сначала показалось, что из серой пелены выходит человек на четвереньках. Потом пропорции распались.

Тело было худым, жилистым, с серо-розовой кожей, натянутой на выступающие кости. Длинные непропорциональные руки почти доставали до земли, большие лапы раскрывались и сжимались, показывая острые кривые когти. Позвоночник выгибался под кожей рваной линией. Плечи торчали высоко, неправильно, будто скелет внутри собирали наспех и без знания человеческой формы.

Голова напоминала то ли мутировавшую крысу, то ли обезьяну из большого кошмара: маленькие светящиеся глаза, огромные уши, плоский нос и широко раскрытая пасть с крупными жёлтыми зубами. Слюна тянулась вязкими нитями и падала на асфальт, где тут же темнела.

Существо замерло посреди трассы.

Машина тоже.

Время сжалось до узкой полосы между вдохом и движением.

— Теперь газ, — сказал Виктор.

Педаль ушла вниз. Двигатель взвыл. Машина рванула вперёд.

Тварь метнулась в сторону с невозможной скоростью, но не убежала. Длинное тело скользнуло по асфальту, оттолкнись задними лапами, и через мгновение чудовище удари-

лось о капот.

Металл прогнулся.

Пасть раскрылась у лобового стекла.

Жёлтые зубы щёлкнули так близко, что звук прошёл по нервам, как нож по стеклу. Существо вскарабкалось выше, когти с мерзким скрежетом впились в крышу. Машину бросило влево. Виктор схватился за панель, потом резко потянулся к рулю, помогая удержать направление.

— К отбойнику! — рявкнул Виктор.

— Отпусти руль!

— Тогда нас перевернёт!

— Отпусти!

Голос девушки оказался сильнее, чем ожидалось. Не громче — твёрже. Виктор убрал руку.

Тварь била по стеклу. Трещины побежали белыми жилками. Пасть снова раскрылась, и на этот раз стало ясно: ещё удар — и стекло не выдержит.

Но страха не было.

Паники тоже.

Внутри наступила пугающая ясность. Мир сузился до светящихся глаз, скалящейся пасти и одного точного знания: эта тварь не имеет права быть здесь. Не имеет права касаться машины. Не имеет права решать, кто станет добычей.

Девушка подняла взгляд прямо на существо.

Виктор что-то сказал, но слова не дошли. Всё лишнее исчезло. Осталось только желание — тяжёлое, чистое, без ма-

лейшего сомнения. Не просьба. Не мольба. Приказ, рождённый не разумом, а чем-то глубже: сердцем, костями, каждой новой неправильной клеткой.

— Уходи прочь, — произнесла девушка.

Тихо.

Чётко.

Так искренне, будто вместе с этими словами наружу вышла вся воля, которая до сих пор удерживала от падения.

Существо застыло.

Маленькие светящиеся глаза дрогнули. Пасть осталась раскрытой, но звук оборвался. Когти ещё цеплялись за крышу, царапая металл, однако напор исчез. Тварь вдруг опустила голову — не как испуганный зверь, а как тот, кто узнал силу выше собственной.

Потом длинные пальцы разжались.

Тело сорвалось с машины, ударилось о трассу, перекатилось через плечо и бросилось в туман.

Машина продолжала нестись вперёд. Асфальт мелькал под колёсами, двигатель хрипел, треснувшее стекло вибрировало от скорости. Никто не говорил. Даже Виктор, казалось, впервые потерял свою холодную собранность.

Через несколько минут трасса расширилась, а туман отступил к обочинам. Только тогда Виктор произнёс:

— Остановись.

На этот раз спорить не было сил.

Машина съехала к краю дороги и замерла. Двигатель всё

ещё работал, но его звук казался далёким, будто доносился из соседней комнаты. Руки сами отпустили руль. Пальцы дрожали не от страха — от внезапной пустоты.

Впервые за долгое время пришла усталость.

Настоящая. Тяжёлая. Живая.

Она накрыла сразу, как волна: тело стало чужим, веки налились свинцом, мысли начали расползаться.

Виктор смотрел молча.

В этом взгляде больше не было прежней уверенности. Там появилось то, что мужчина явно привык прятать: потрясение. Не восторг. Не благодарность. Скорее осторожный ужас человека, который увидел подтверждение своей самой плохой догадки.

— Что ты сделала? — спросил Виктор.

Ответить хотелось честно.

Но честности не было.

— Не знаю.

Голос прозвучал глухо. Сон поднимался изнутри, не спрашивая разрешения. После всех часов без отдыха, после станции, квартиры Натт, дороги, тумана и твари организм наконец вспомнил, что умеет отключаться. Или новая сила потребовала плату.

Виктор говорил что-то ещё. Про то, что нельзя стоять на открытой трассе. Про водозабор. Про то, что дальше поведёт сам. Слова расплывались, теряли края и превращались в далёкий шум.

Девушка повернула голову к нему.

Прежнее имя всплыло где-то в глубине памяти. Но уже не отозвалось теплом. Оно принадлежало другой жизни. Другому телу. Человеку, который мог откладывать звонки, строить планы на выходные и верить, что завтра обязательно будет похоже на вчера.

Теперь завтра ничего не обещало.

Значит, имя тоже нужно было выбрать заново.

Не красивое.

Не удобное.

Настоящее.

— Зови меня Карма, — успела сказать девушка.

Виктор замер.

А Карма закрыла глаза.

Сон забрал её тяжело, жадно, почти насильно. Но в последнюю секунду внутри осталось ясное знание: это имя не тянет назад. Не просит прежней жизни. Не обещает спасения.

Не врёт.

Это была первая правда.

Глава 6

Карма очнулась не сразу, а будто выплыла из густой, тяжёлой воды, в которой не было ни снов, ни образов, ни времени. Сначала она почувствовала движение: ровное покачивание машины, редкие толчки на разбитом асфальте, низкий гул двигателя, который теперь казался почти живым на фоне мёртвого города. Потом пришёл запах — пыль, холодный пластик салона, старая ткань сидений, металл, немного бензина и слабый след Виктора: дым, кожа, что-то горькое, сухое. Карма открыла глаза и несколько секунд смотрела в потолок машины, не понимая, где находится, пока память не ударила резко и целиком: дорога, тварь на капоте, жёлтые зубы, когти по стеклу, собственный голос, который уже не был похож на её голос, и приказ, после которого существо отступило. Она медленно повернула голову. Виктор сидел за рулём, обе руки держал на ободе, взгляд был направлен вперёд, лицо казалось спокойным, но в этой неподвижности была не расслабленность, а напряжение человека, который слишком долго не позволяет себе дрогнуть.

За окном тянулись окраины города, почти незнакомые в этом новом свете. Серые дома отступали назад, между ними лежали широкие полосы пепла, будто кто-то прошёл по земле гигантской кистью и замазал всё лишнее. Голубоватый туман стал тоньше, но не исчез; он висел низко, цеплялся за

бордюры, за колёса брошенных машин, за пустые остановки, где всё ещё стояли рекламные щиты с улыбающимися лицами людей, которые теперь выглядели непристойно живыми. Карма попробовала сглотнуть и вдруг поняла, что горло у неё не пересохло. После такого сна она должна была проснуться разбитой, голодной, жадно искать воду, но тело молчало. Оно было тяжёлым, будто внутри неё переложили все кости заново, но не требовало ничего обычного. Ни пить. Ни есть. Ни закурить. Сон тоже не ощущался отдыхом; скорее он был похож на обязательную плату, которую с неё сняли без спроса, как налог за то, что она сделала с тварью. Её новая сила не спрашивала, удобно ли ей падать в темноту. Она просто взяла своё.

— Долго я спала? — спросила Карма, и голос вышел хриплым, но не слабым. Виктор посмотрел на неё краем глаза, слишком быстро, будто проверял не только то, проснулась ли она, но и осталась ли собой.

— Минут сорок. Может, чуть больше. Ты отключилась так резко, что я сначала подумал, что ты умерла.

— Спасибо за оптимизм.

— Я не оптимист, — сухо ответил он. — Я просто видел, как умирают. У тебя было иначе.

— И как именно?

— Ты дышала ровно. Пульс был нормальный. Только проснуться не могла. Я тряс тебя за плечо, звал, даже водой пытался плеснуть. Никакой реакции. Как будто тебя выключили.

чили.

— Не меня, — сказала Карма после паузы, сама не понимая, почему выбрала именно эти слова.

Виктор ничего не ответил сразу. Машина объехала лежащий поперёк дороги дорожный знак, смятый так, словно его не сбила машина, а скрутила невидимая рука. Карма села ровнее, поправила ремень безопасности и ощутила под пальцами браслет на запястье. Круглая подвеска была холодной. Она подумала о маме так внезапно, что внутри неприятно кольнуло, но боль не развернулась в привычную панику. Она будто встретила стену. Всё, что было раньше, — работа, телефон, сообщения, вина, отложенные звонки, — находилось теперь где-то за стеклом. Далеко, но не исчезло. Карма посмотрела на Виктора и заметила, что он стал ей менее чувствим, чем был до её сна. Это было странно и даже раздражало: она знала о нём ничтожно мало, он явно скрывал больше, чем говорил, его спокойствие пугало, но теперь между ними лежало нечто общее. Не доверие, нет. Скорее знание, что они оба перешагнули через какую-то черту и обратно не вернуться.

— Ты испугался, — сказала она не вопросом.

Виктор усмехнулся одними губами.

— После того, как женщина без имени приказала твари уйти, а потом назвала себя Кармой и потеряла сознание? Нет, конечно. Обычный день

. — Я не знала, что могу это сделать.

— Это я понял.

— Тогда почему ты смотришь так, будто должен был знать?

— Потому что такие изменения не бывают случайными, — сказал он и на этот раз не ушёл от ответа сразу. — После волны некоторые вещи стали другими. Не только город. Люди тоже. Те, кто остался.

— Ты видел других?

Виктор напряг пальцы на руле, и Карма успела заметить это движение.

— Видел следы. Слышал рассказы. Видел одного человека, который смог пройти через зону, где остальные исчезали. Видел женщину, у которой после вспышки перестали кровоточить раны. Но то, что сделала ты Я не видел.

— А ты? — спросила Карма. — Ты тоже изменился?

Он молчал так долго, что она решила: не ответит. Машина выехала на широкую дорогу, ведущую к северной развязке, и здесь город выглядел особенно неправильным. Пространства стало больше, домов меньше, а тишина шире. На обочинах стояли грузовики, некоторые с распахнутыми дверцами, рядом валялись каски, пластиковые бутылки, чьи-то перчатки, но людей не было, как не было и следов бегства в обычном смысле. Будто все просто вышли из своих машин и растворились, не успев даже испугаться до конца. Виктор наконец произнёс:

— Да. Я тоже чувствую, что во мне что-то изменилось.

Но пока не могу сказать, что именно. Это не сила, которую можно показать. Не искра в руках, не приказ, не исцеление. Скорее ощущение. Я стал слышать опасность раньше, чем она появляется. Понимать, куда не надо идти. Иногда знаю, что сейчас что-то случится, хотя причин для этого нет. И ещё — Он замолчал, будто сам испугался продолжения.

— Ещё что?

— Иногда люди рядом со мной начинают соглашаться быстрее, чем должны. Не все. И не всегда. Но я это замечал.

Карма вспомнила момент у станции: его голос, давление, холодную уверенность, от которой хотелось сделать шаг именно туда, куда он сказал. Потом вспомнила, как внутри неё что-то упёрлось и отказалось подчиняться. Теперь это уже не казалось простым раздражением.

— Ты хотел заставить меня пойти с тобой? — спросила она тихо. Виктор резко посмотрел на неё, но в его лице не было злости.

— Нет. Не так. Я хотел, чтобы ты не убежала в сторону станции и не умерла там, где умерли другие. Но да, возможно, я давил сильнее, чем имел право.

— Удобная формулировка.

— Другой у меня нет. Я не до конца понимаю, как это работает. И мне это не нравится.

— Мне тоже не нравится. Особенно часть, где кто-то может заставить меня соглашаться.

— Ты не согласилась, — сказал он.

— Вот именно это меня и удивило.

Они ещё какое-то время ехали молча, и молчание впервые не было пустым. В нём оставалось место для сказанного, для того, что они оба не могли объяснить, для новых границ, которые приходилось нащупывать вслепую. Карма попыталась понять, чувствует ли голод, но вместо привычного тянущего ощущения в желудке была ровная, почти пугающая тишина. Она провела языком по губам: не пересохли. Никакой жажды. После сорока минут сна тело не просило кофе, воду, еду, сигарету, таблетку от головной боли, душ, кровать. Оно будто ждало не заботы, а следующего приказа. И от этой мысли Карме стало холоднее, чем от вида пустых улиц. Конец света не просто забрал людей, животных, шум и привычный порядок. Он что-то раздал тем, кто остался. Раздал без объяснений, без инструкции, без выбора, будто новая реальность торопилась заселить себя новыми правилами.

— Значит, мы теперь кто? — спросила она, глядя на серую дорогу впереди. — Выжившие с побочными эффектами?

— Хорошее юридическое определение, — сказал Виктор.

— Почти.

— Я серьёзно. Если люди исчезли, а мы нет, если твари появились, если у меня голос работает лучше оружия, а ты можешь чувствовать опасность и давить на чужие решения, значит, это не просто радиация и не массовая галлюцинация.

— Я и не говорил, что это просто.

— Но ты ведёшь себя так, будто давно ждал, что всё станет сложно.

— Я ждал ответов, — произнёс он, и в этих словах впервые послышалось что-то личное.

— Не конца света. Не исчезновения людей. Ответов.

Карма повернулась к нему, но в этот момент впереди показался водозабор. Старое техническое здание стояло за ржавой оградой из металлической сетки, местами продавленной и заросшей сухим бурьяном. До катастрофы на него никто бы не посмотрел дважды: серый бетон, облупившаяся краска, узкие окна под потолком, плоская крыша, трубы, уходящие в землю и к реке, щит с выцветшей надписью о санитарной зоне. Теперь здание выглядело не заброшенным, а затаившимся. Пепел лежал вокруг ровным слоем, но возле ворот был сбит колёсами, и это сразу бросалось в глаза. Кто-то приезжал сюда после волны или незадолго до неё. На цепи ворот висел замок, но не закрытый: дужка была просто продета в звенья, как знак для своих. Виктор остановил машину, заглушил двигатель и несколько секунд сидел неподвижно, прислушиваясь. Карма тоже вслушалась, но услышала только далёкий, едва уловимый гул воды под землёй, будто сердце у этого места всё ещё билось.

— Людей нет, — сказала она.

— Не спеши.

— Я не чувствую никого.

— Ты теперь чувствуешь людей?

— Не знаю, — Карма сама удивилась ответу.

— Просто пусто. Не как на улице. Глубже.

— Тогда держись рядом, — сказал Виктор и взял с заднего сиденья нож, фонарь и старый приёмник. Приёмник потрескивал, но слабый сигнал, ради которого они ехали, здесь стал плотнее: короткие щелчки складывались в почти ритм, будто кто-то пытался достучаться через помехи. Виктор открыл ворота, и они прошли во двор. Под ногами хрустел пепел, на бетоне отпечатались старые следы шин, а у стены валялась пластиковая канистра с открученной крышкой. Карма задержалась у неё, наклонилась, понюхала: вода. Обычная вода, затхлая, но настоящая. И снова не захотела пить.

Входная дверь оказалась металлической, тяжёлой, с облезлой синей краской и табличкой Посторонним вход запрещён. Замок был сорван аккуратно, не грубо: не взломан ломом, а будто открыт человеком, который знал, куда давить. Внутри их встретил холод, влажный и густой, пропитанный запахом ржавчины, старой электрики, сырого бетона и технического масла. Луч фонаря выхватил узкий коридор с трубами вдоль стен; трубы были разных диаметров, красные, синие, серые, покрытые старыми маркировками, стрелками и белёсыми потёками. Где-то глубоко работал насос, но не ровно, а с перебоями: вдох, пауза, металлический толчок, снова вдох. Лампочки под потолком не горели, однако в дальнем конце коридора мерцал аварийный зелёный указатель, и его слабый свет делал стены похожими на внутренности огром-

ной машины. Пепла здесь почти не было. Только у входа тонкая полоска, принесённая с улицы на подошвах тех, кто приходил раньше.

Карма шла за Виктором и не могла отделаться от ощущения, что здание не пустое, хотя людей здесь действительно не было. В помещении водозабора всё было слишком наполнено следами присутствия: на крючке висела рабочая куртка с нашивкой службы эксплуатации, под ней стояли сапоги; на столе в маленькой диспетчерской осталась кружка с засохшим тёмным налётом; рядом лежала пачка дешёвого печенья, раскрытая, но не тронутая мышами, потому что мышей тоже больше не было. На стене висела большая схема трубопроводов, исчерченная красным маркером. Некоторые участки были обведены кругами, рядом стояли даты, последние — за день до вспышки. В углу мигал старый монитор, подключённый к автономному блоку питания; экран то темнел, то показывал таблицу давления в линиях, бессмысленную и живую одновременно. Карма вдруг подумала, что именно так мог выглядеть мир после ухода людей: машины ещё выполняют команды, насосы качают воду, лампочки пытаются светить, журналы ждут подписей, а подписывать уже некому.

— Здесь были люди, — сказала она.

— После волны?

— Не знаю. — Виктор провёл пальцем по столу. На пыли осталась чёткая полоса.

— Но не так давно. Смотри. — Он указал на пепельницу, в которой лежал окурок.

Карма машинально отметила его и почувствовала странное отвращение: когда-то она сама потянулась бы к пачке, если бы нашла её сейчас, а теперь сигарета казалась чужим предметом из чужого тела. Виктор тем временем подошёл к металлическому шкафу с документами. Дверца была приоткрыта, один ящик выдвинут. Внутри лежали папки, журналы, потрёпанные инструкции, но поверх всего — лист бумаги, прижатый разводным ключом, чтобы его не унёс сквозняк. Бумага была сложена пополам, на ней чёрным маркером было написано: Если вы остались — читайте до конца.

Карма взяла лист раньше, чем Виктор успел её остановить. Почерк был быстрым, неровным, местами буквы срывались, но текст читался легко, и от каждой строки внутри становилось всё неприятнее: Взрыв не был аварией в обычном смысле. Контур кластера вышел за расчётные пределы после запуска северного узла. Первичная волна прошла через город в 03:42. Исчезновение основной массы населения подтверждено визуально и по датчикам. Животные также не фиксируются. Те, кто сохранил физическое присутствие после волны, могут проявлять признаки адаптации в течение первых часов или суток. Условное обозначение — Адаптированные. Не вступать в прямой конфликт без необходимости. Фиксировать способности, реакции на туман, регенерацию, изменения восприятия, воздействие голосом, касани-

ем или полем. При появлении агрессивных форм отходить к точкам сбора согласно карте Б-7. Ниже шла строка, уже другим нажимом, будто её дописали позже: Если вы читаете это и ничего не знали заранее — значит, вас не должны были оставить одних. Простите.

Карма перечитала последнюю фразу дважды. Потом медленно подняла глаза на Виктора. Он стоял рядом, смотрел не на лист, а на её лицо, и в этом было признание ещё до слов. Он не выглядел потрясённым. Не побледнел, не выругался, не попытался выхватить бумагу. В нём было напряжение, да, но не шок. Скорее мрачное подтверждение ожидания. Карма почувствовала, как внутри поднимается злость — не огненная, как перед тварью, а холодная, ясная, человеческая.

— Ты знал, что мы найдём что-то подобное.

— Я предполагал.

— Предполагал? — Она почти рассмеялась, но смех вышел бы плохим.

— Здесь написано, что кто-то знал. Не всё, возможно, но достаточно. Знал про взрыв, про волну, про исчезновение, про этих Адаптированных. Знал, что после конца света кто-то останется, и даже придумал название. Как удобно. Люди исчезли, семьи исчезли, дети, животные, целый город, а у кого-то уже были карты, точки сбора и классификация.

— Карма, — сказал Виктор тихо.

— Не надо.

— Не надо что? Замечать? Злиться? Считать, что это

несправедливо? — Она сжала лист так сильно, что бумага хрустнула.

— Моя мать могла быть там. Ник. Тина. Натт. Все могли быть там, где их просто не предупредили, потому что кто-то решил, что не всем положено знать.

— Возможно, они и сами не знали, чем закончится запуск.

— Но готовились.

— Да, — признал он. — Кто-то готовился.

— И ты поэтому не удивлён.

— Я не удивлён, потому что если есть катастрофа такого масштаба, всегда есть те, кто видел её приближение раньше остальных. Это не делает их правыми. Это не делает случившееся справедливым. Но сейчас это уже произошло.

— Удобно говорить, когда ты жив. — Виктор шагнул ближе, но остановился на расстоянии, не пытаясь коснуться её.

— И ты жива. Слышишь? Ты здесь. Ты дышишь. Ты можешь злиться, искать виновных, ненавидеть тех, кто ждал, но всё это будет иметь смысл только если ты останешься живой достаточно долго, чтобы получить ответы. Сейчас главное — не справедливость. Главное — дорога к тем, кто может объяснить, что случилось.

Её раздражало, что он прав. Ещё сильнее раздражало, что его голос больше не давил, как раньше. Он не пытался согнуть её волю, не заставлял соглашаться, просто говорил, и от этого становилось хуже: спорить с честной жестокостью было труднее, чем с манипуляцией. Карма аккуратно поло-

жила записку на стол, разгладила ладонью смятый край и заставила себя вдохнуть. Воздух в диспетчерской был холодный, сырой, с привкусом металла. Где-то за стеной насос снова ударил, будто здание кашлянуло

. — Точки сбора, карта Б-7, — сказала она уже ровнее.

— Значит, должна быть карта.

— Да. И если сигнал шёл отсюда, они могли оставить не только записку.

— Они?

— Те, кто ждал. — Виктор отвернулся к шкафам. — И те, кто, возможно, не успел уйти.

Они начали искать. Карма открывала ящики, перебирала папки, журналы смен, инструкции по аварийному отключению, списки сотрудников, распечатки с печатями, на которых ещё вчера она задержала бы профессиональный взгляд юриста, а теперь видела в них только жалкие остатки старого порядка. Виктор проверял стены, схемы, вентиляционные решётки, нижние полки. В соседнем помещении они нашли комнату отдыха: две раскладушки, аптечку, пустой термос, рацию с треснувшим корпусом и несколько упаковок сухпайка. Карма взяла один пакет в руки, посмотрела на срок годности, потом положила обратно. Есть не хотелось, и это уже начинало пугать сильнее, чем голод мог бы пугать сам по себе. В комнате управления, куда они прошли дальше, всё было ярче и страшнее. Там стояли старые пульта с кнопками, экраны, стойки оборудования, бухты кабелей, и через узкие

окна под потолком падал мутный голубой свет. На бетонном полу темнели следы, похожие на грязь, но грязь давно высохла и растрескалась. У дальней стены висела ещё одна схема города, не официальная, а распечатанная на нескольких листах и склеенная скотчем. На ней красными крестами были отмечены северный кластер, станция, больница, несколько подземных узлов, а за городом — точка с подписью Резерв.

Под картой была приклеена прозрачная папка. Виктор снял её со стены, достал листы, и на этот раз Карма читала вместе с ним, не забирая бумаги в руки. Там был краткий протокол, почти сухой, но от этой сухости становилось ещё хуже: Группа наблюдения переведена на резервные позиции. При подтверждении появления Адаптированных направлять их к объекту Р-12. Самостоятельный выход гражданских не рекомендован. Дороги через северную развязку нестабильны. Основной маршрут закрыт после смещения тумана. Использовать координаты 56.*** / 43.***, далее по старой сервисной трассе до карьера, затем на юго-восток. Пароль для внешнего поста: Контур не замкнут. При отсутствии ответа не приближаться.

— Объект Р-12, — сказала Карма.

— Это там люди? Те самые, кто знал?

— Возможно.

— Опять возможно.

— Это лучше, чем ничего.

— Нет, — она покачала головой. — Это хуже. Ничего —

честнее. А это значит, что где-то есть люди, которые сидели с картами, координатами и паролями, пока остальные смотрели в окна и думали, что у них просто бараклит связь.

— Может быть, они пытались предотвратить это, — сказал Виктор, но сам, кажется, не был уверен. — Может быть, они провалились. Может быть, часть из них погибла первой. Мы не знаем.

— Зато они знали слово Адаптированные.

— Слово не значит понимание. Иногда название дают не потому, что знают, а потому что боятся неизвестного.

— Ты их защищаешь?

— Нет. Я пытаюсь удержать тебя от ошибки. Если мы доберёмся до Р-12 и ты войдёшь туда с этой злостью, тебя могут не пустить дальше порога. Или попытаются запереть. Или убить.

— За то, что мне не нравится их правда?

— За то, что ты можешь приказать твари уйти одним голосом. Для людей, которые готовились к концу света, ты не просто выжившая. Ты переменная, которую они не контролируют.

Карма усмехнулась, но в этом не было веселья. Переменная. Адаптированная. Выжившая. Карма. С каждым новым названием она становилась дальше от женщины в розовом костюме, которая всего несколько дней назад раздражалась из-за совещания, думала о кофе, избегала звонка матери и верила, что город может быть шумным всегда. Она подошла

к карте и долго смотрела на координаты. Путь оказался не коротким. Если верить отметкам, прямой дороги больше не было: северная развязка проходила слишком близко к зоне тумана, станция была помечена чёрным, несколько мостов перечёркнуты. Оставался объезд через промзону, старую сервисную трассу, карьер и лесополосу за городом. На бумаге это выглядело как линия, нарисованная человеком, который хорошо знает местность, но не уверен, останется ли она прежней к утру.

— Это не на пару часов, — сказала Карма.

— Нет.

— Там могут быть твари.

— Да.

— И туман.

— Скорее всего.

— И люди, которые нас не ждут или ждут слишком сильно.

— Именно.

— Тогда почему мы вообще едем? — Виктор посмотрел на карту, потом на неё.

— Потому что все остальные дороги ведут в пустоту.

Они забрали карту, записку, протокол, рабочую рацию, сухпайки и две бутылки воды, хотя Карма снова поймала себя на том, что берёт воду не потому, что хочет пить, а потому что помнит: люди должны носить воду. Перед уходом она задержалась в диспетчерской. Слабый зелёный свет ава-

рийного указателя дрожал на стене, монитор мигал, насосы дышали за бетоном, а бумажная записка Если вы остались — читайте до конца лежала на столе как признание вины, которое никто не собирался произносить вслух. Карма вдруг представила человека, писавшего её: как он торопился, слушал помехи по рации, понимал, что мир уже сломан, и всё равно выбирал слова. Простите. Слишком мало для исчезнувшего города. Слишком много для того, кто мог просто уйти и не оставить ничего.

На улице свет показался резче. Голубой туман висел за оградой тонкими слоями, пепел у ворот был исполосован их следами, а машина стояла там же, немного нелепая, слишком обычная среди всего этого. Виктор открыл багажник, сложил найденное внутрь, затем развернул карту на капоте. Они сверили координаты с его старой городской картой, и стало ясно, что ехать придётся не туда, куда он изначально рассчитывал. Старый путь через развязку был почти самоубийством: слишком близко к станции, слишком близко к месту, где люди исчезали у него на глазах. Новый маршрут уходил в обход, через район складов и заброшенную технологическую дорогу, которая ещё до конца света считалась плохой. Карма провела пальцем по линии, остановилась на отметке карьера и спросила:

- Ты уверен, что машина пройдёт?
- Нет.
- Прекрасно.

— Но пешком мы точно не успеем до темноты, если темнота вообще теперь приходит как положено.

— А если не придёт?

— Тогда это будет не самая странная часть дня.

Они сели в машину. Виктор завёл двигатель не сразу, несколько секунд он просто держал ключ, глядя через лобовое стекло на старое здание водозабора. Карма сидела рядом, чувствуя под курткой сложенную карту, будто это был не лист бумаги, а новый приговор. Ей казалось, что внутри стало слишком тесно от вопросов. Кто знал? Почему молчал? Почему одни исчезли, а другие стали Адаптированными? Что значит фиксировать способности? И самое главное — если где-то действительно были люди, готовые к этому, то могла ли среди них быть хоть одна ниточка, ведущая к маме, Нику, Тине, Натт, к кому угодно из тех, кого она ещё не готова была отпустить. Виктор повернул ключ, двигатель хрипло ожил, и звук машины снова стал единственным доказательством, что движение возможно.

Когда они выехали за ворота, Виктор некоторое время молчал, а потом спросил так спокойно, будто речь шла о простой усталости после долгой дороги:

— Как ты?

Карма посмотрела в боковое окно. Водозабор медленно оставался позади, старое техническое здание уменьшалось, растворяясь в сером свете, и ей вдруг показалось, что они не нашли там путь к людям, а окончательно потеряли пра-

во верить в случайность. Она не хотела пить, не хотела есть, не хотела спать, хотя понимала, что должна хотеть хотя бы что-то. В груди сидела злость, под ней страх, под страхом — пустота, а где-то ещё глубже шевелилось новое чувство, холодное и внимательное, будто та часть её, которая приказала твари уйти, проснулась вместе с ней и теперь слушала мир вместо неё. Карма сжала пальцы на браслете и сказала:

— Всё нормально.

И это была пятая ложь.

Глава 7

Водозабор остался позади, и какое-то время Карма смотрела в боковое зеркало, пока серое техническое здание не растворилось за поворотом. Туман, который ещё недавно висел над территорией, теперь казался просто пятном в воздухе — неправильным, чужим, но не главным. Он появился, как появляются трещины на стекле после удара: не причина, а знак, что удар уже был. Дорога под колёсами шла неровно, машина вздрагивала на выбоинах, и эти короткие толчки почему-то помогали держаться за настоящее. Впереди была промзона, дальше — старый карьер и Р-12, точка на карте, которая могла оказаться спасением, ловушкой или просто очередным местом, где люди придумали себе название, чтобы не сойти с ума.

Карма сидела рядом с Виктором, держала карту на коленях и почти не смотрела на неё. Маршрут она уже запомнила: через складскую линию, потом к сервисной трассе, дальше вниз, к карьеру. Гораздо сильнее её занимало другое. Она пыталась прислушаться к себе так, как раньше прислушивалась к чужой лжи: внимательно, без жалости, вылавливая нестыковки. Но внутри не было привычного хаоса. Не было паники, которая должна была подняться после всего, что произошло. Не было нормального страха, не было настоящего горя. Мир будто стал тише, а вместе с ним тише стала она

сама.

— Я должна быть в ужасе, — сказала Карма, не поворачивая головы.

Виктор сбросил скорость перед разбитым участком дороги и только потом ответил:

— Обычно люди не говорят такие вещи так спокойно.

— Вот именно. Я понимаю, что должна. Головой понимаю. У меня исчез город, я не знаю, что с близкими, я видела то, что не должно существовать, а сейчас еду по пустой дороге и думаю не о них. Думаю о карте, о бензине, о том, где можно развернуться, если впереди завал. Это не нормально.

— Нормальность закончилась раньше, чем мы успели её похоронить.

Карма посмотрела на него. Он произнёс это без попытки утешить, и в этом было больше честности, чем в любой мягкой фразе. Виктор держал руль ровно, но пальцы у него побелели на костяшках. Значит, он тоже не был спокоен. Просто у него это выглядело иначе: не дрожь, не лишние слова, а сухая собранность человека, который не может позволить себе развалиться, пока машина едет.

— Ты боишься? — спросила она.

— Нет.

— И я нет. Не так, как раньше. Я помню, как это должно ощущаться, но самого ощущения почти нет. Как будто мне оставили инструкцию к человеку, но забрали часть деталей.

Виктор молчал несколько секунд. Потом сказал:

— Может, это защита.

— От чего?

— От всего сразу.

Карма усмехнулась, но усмешка вышла пустой.

— Удобная защита. Только я не уверена, что после неё остаётся что-то моё.

Он посмотрел на неё коротко, но внимательно, и снова вернулся взглядом к дороге.

— Остаётся. Ты всё ещё задаёшь этот вопрос.

Ей хотелось возразить, но она не нашла чем. Вопрос действительно оставался. Не боль, не страх, не привязанность к прошлому в той форме, в какой она ждала, но вопрос — да. Значит, какая-то часть прежней Кармы ещё была здесь. Или новая уже училась притворяться прежней настолько хорошо, что разница становилась неважной.

Они ехали дальше. За окнами город распадался на промзону: длинные склады, бетонные заборы, остовы рекламных щитов, служебные проезды, где асфальт вспучился и пошёл трещинами. На одном перекрёстке лежал перевернутый мотоцикл, рядом валялась каска с треснувшим визором. Чуть дальше, у обочины, стоял автобус с открытыми дверями. Внутри никого не было, только на поручне болтался детский брелок, раскачиваясь от сквозняка. Карма отметила это взглядом и почти сразу поймала себя на том, что отметила именно как деталь маршрута, а не как трагедию.

— Мы должны остановиться, — сказал Виктор, когда они

миновали ряд складов с выбитыми окнами.

Карма опустила взгляд на карту.

— По маршруту лучше не останавливаться до развилки.

— Я не про маршрут. Нам нужны еда, вода, лекарства.

Всё, что найдём.

Она медленно повернулась к нему.

— Нужны?

Виктор нахмурился.

— Что значит нужны?

— То и значит. Ты голоден?

Он не ответил сразу. И именно эта пауза сказала больше, чем слова. Виктор будто впервые за всё время проверил это не привычкой, а честно: есть ли пустота в желудке, сухость во рту, слабость в мышцах, дрожь от недоедания. Его лицо стало жёстче.

— Нет, — сказал он.

— Я тоже. И пить не хочу. Не по-настоящему. Мы сколько уже едем, бегаем, дерёмся, теряем кровь, дышим этой дрянью? Часы? Больше? У меня должны трястись руки. У тебя должна болеть рана. А новые шрамы зажили так, будто их и не было.

Виктор машинально коснулся места, где ещё недавно была свежая травма. Под одеждой осталась только тонкая полоса новой кожи. Он ничего не сказал, но Карма увидела, что ему не нравится это молчаливое подтверждение.

— Лекарства могут пригодиться позже, — произнёс он

уже менее уверенно.

— Могут. Если мы вообще всё ещё устроены так, что они на нас действуют.

— Ты предлагаешь ехать вслепую к Р-12 без запасов?

— Я предлагаю не врать себе, что мы останавливаемся из-за еды.

Это задело. Не сильно, но достаточно, чтобы Виктор резко посмотрел на неё.

— А из-за чего тогда?

Карма выдержала его взгляд.

— Из-за твоего чутья. Ты хочешь остановиться не потому, что нам нужны консервы. Ты просто чувствуешь, что там что-то есть.

Машина проехала ещё метров двадцать, прежде чем Виктор затормозил у обочины. Справа стояло небольшое административное здание при складе: два этажа, облупившаяся вывеска, стеклянная дверь с трещиной от угла до угла. Рядом — парковка, несколько брошенных машин и узкий проход к служебному входу. Ничего особенного. Ровно такое место, которое раньше никто бы не заметил.

— Ненавижу, когда ты права, — сказал Виктор.

— Ты слишком часто это говоришь для человека, который ненавидит.

Он не улыбнулся, но уголок его рта дрогнул.

— Мы заходим ненадолго. Смотрим документы, рации, карты, любые упоминания Р-12. Если найдём еду и аптечку

— берём. Если нет — не геройствуем.

— То есть остановка всё-таки за информацией.

— Теперь да.

Карма кивнула. В этом было что-то почти нормальное: спорить о причине остановки, поправлять друг друга, делать вид, что решение принято рационально. На секунду это напомнило старый мир — не теплом, а привычной структурой. Два человека, проблема, маршрут, риск. Только в старом мире у них не заживали раны за минуты, а чьё-то чутьё не становилось поводом лезть в заброшенное здание.

Они вышли из машины. Воздух снаружи пах мокрым бетоном, пылью и железом. Туман здесь был слабым, почти незаметным, серой дымкой между дальними корпусами. Он не шевелился, не лез к ним, не притворялся живым. Просто висел над промзоной, как след после пожара, которого никто не видел. Виктор взял монтировку, Карма — нож и фонарик. У входа она остановилась и посмотрела на разбитую дверь: стекло треснуло наружу, не внутрь.

— Кто-то выбегал, — сказала она.

— Или выкинули.

— Оптимистично.

— Практично.

Внутри было тихо. Холл встретил их пылью, перевёрнутым стулом и стойкой охраны, за которой валялась открытая папка с пропусками. На стене висел план здания, половина листа была сорвана. Виктор сразу пошёл к стойке, проверяя

ящички, Карма посветила по полу. Следы были. Старые и новые, человеческие и не совсем: где-то подошвы, где-то смазанные пятна, будто кто-то тащил мокрую ткань. На плитке виднелись бурые капли, но крови после последних часов она уже не боялась так, как должна была.

— Здесь недавно были, — сказал Виктор.

— И ушли не все.

Он поднял глаза.

— Почему ты так решила?

Карма указала фонариком на коридор. В конце, у двери с табличкой Архив, сидела девушка.

Сначала она показалась обычной. Молодая, в грязной куртке, с тёмными волосами, прилипшими к лицу. Она сидела на полу, спиной к стене, одна нога вытянута, другая согнута. Голова была опущена, пальцы лежали на плитке. Но чем дальше Карма смотрела, тем очевиднее становилось: обычным там было только первое впечатление. Под кожей девушки что-то двигалось. Не снаружи — внутри. Тонкие волны проходили по шее, по запястьям, под тканью рукавов. Будто тело стало мешком, в котором кто-то осторожно перекладывает живую верёвку.

Виктор сделал шаг вперёд и тут же остановился.

— Эй. Ты нас слышишь?

Девушка подняла голову. Глаза были открыты, взгляд — осмысленный, но очень далёкий, как у человека, который видит их через толщу воды. Губы дрогнули.

— Не подходите, — сказала она.

Голос у неё был тихий, почти нормальный. От этого стало хуже.

Карма медленно подняла руки, показывая, что не собирается нападать.

— Мы можем помочь.

Девушка засмеялась одним коротким выдохом.

— Нет. Уже нет.

Виктор бросил на Карму предупреждающий взгляд: молчи, не обещай лишнего. Но Карма не собиралась обещать. Она смотрела на руки девушки. На внутренней стороне её ладони раскрылась тонкая красная линия, будто кожа сама разошлась без ножа. Из пореза выступила кровь — не каплей, а нитью. Нить потянулась вниз, коснулась плитки и осталась вытянутой, как живая.

— Виктор, — тихо сказала Карма.

— Вижу.

Девушка зажмурилась, будто ей было больно не от раны, а от самого факта, что они это увидели.

— Я сказала не подходить.

Виктор поднял монтировку чуть выше, но не угрожающе, а готовясь.

— Мы уйдём. Только скажи, здесь есть документы по Р-12? Карты? Связь?

При словах Р-12 взгляд девушки стал резче. На секунду она будто вернулась. В глазах появилось узнавание, страх,

отчаянное желание успеть.

— Не главный вход, — прошептала она. — Не идите через главный. Они проверяют не всех. Они

Её тело выгнулось. Под кожей на горле прошла волна, толстая и быстрая. Девушка ударилась затылком о стену и открыла рот в беззвучном крике. Из носа у неё потекла кровь, но не вниз — она поднялась, распалась на несколько тонких лезвий и зависла в воздухе перед лицом.

Виктор резко шагнул перед Кармой.

— Назад.

Она успела отступить всего на полшага. Девушка сорвалась с места слишком быстро. Не как человек, который встает после слабости, а как натянутая пружина, которую отпустили. Кровь вокруг неё вытянулась дугами, затвердела на лету в тёмные гибкие полосы и ударила по стойке охраны. Дерево треснуло, папки разлетелись, одна из красных нитей прошла там, где секунду назад была голова Виктора.

— Прячься! — крикнул он.

И это было не просто слово. Карма почувствовала приказ телом раньше, чем поняла смысл. Он вошёл в неё не звуком, а силой, тяжёлой и горячей, как рука между лопаток. Мир на миг сузился до одного действия: спрятаться. Не решить, не оценить, не согласиться — выполнить. Ноги сами рванули в сторону, плечо ударилось о край стойки, она упала за неё на колени и только там осознала, что впервые Виктор приказал ей так, что она не смогла не подчиниться. Его голос зацепил

не слух, а что-то глубже, ту часть, где у человека ещё нет гордости, спора и выбора.

Карма вжалась в стойку, но смотрела сквозь щель между разбитыми панелями. Виктор стоял посреди холла, один против девушки, и его лицо изменилось. Исчезла усталость, исчезло раздражение, осталась голая воля. Он смотрел на неё так, будто удерживал не взглядом — руками.

— Стой, — сказал он.

Девушка замерла. Не полностью: её пальцы дёргались, кровь вокруг продолжала шевелиться, но тело остановилось. Одна нога была выставлена вперёд, плечо перекошено, голова наклонена слишком резко. Она дрожала, сопротивляясь приказу, и этот дрожащий силуэт был страшнее атаки. Потому что Карма видела: человек внутри неё слышит. Но управляет уже не только человек.

— Опустит руки, — приказал Виктор.

Медленно, рывками, девушка начала опускать руки. Кровавые ленты вместе с ними провисли, коснулись плитки, заскользили по полу, оставляя мокрые следы. Она плакала без звука. Слезы смешивались с кровью у верхней губы, и взгляд её метался между Виктором и Кармой, словно она пыталась предупредить их чем-то, на что у неё не осталось слов.

— Не двигайся, — сказал Виктор. — Дыши. Слушай меня. Ты остаёшься на месте.

На несколько секунд это сработало. Настоящих, драгоценных секунд. В холле стало слышно, как где-то капает вода,

как шуршит пыль в разбитом дверном проёме, как Карма дышит слишком ровно для происходящего. Потом девушка улыбнулась. Не своей улыбкой. Уголки губ поднялись несимметрично, кожа на щеке дёрнулась, под глазами прошла тёмная волна.

— Она не держится, — прошептала Карма.

Виктор услышал.

— Держится, — ответил он, не оборачиваясь. — Ещё держится.

Но это была неправда, и они оба это поняли в один момент. Девушка резко дернула головой, будто рвала невидимую верёвку. Кровь на полу взметнулась шипами. Виктор успел уйти в сторону, один шип пробил стену за ним, второй рассёк рукав на его предплечье. Кровь Виктора выступила тонкой линией, и девушка повернулась к ней так быстро, как зверь поворачивается на запах.

— Не смей, — сказал Виктор.

Она замерла на долю секунды, и этой доли хватило, чтобы он ударил монтировкой по ближайшей кровавой ленте. Та разлетелась брызгами, но тут же собралась снова. Девушка бросилась вперёд. Теперь она почти не походила на человека: движения были человеческими по форме, но не по смыслу, слишком ломаными, слишком быстрыми, будто тело спорило само с собой и всё равно продолжало атаковать.

— Ляг! — приказал Виктор.

Карма уже лежала за стойкой раньше, чем поняла, что

приказ снова касался её тоже. Что-то свистнуло над головой, ударило в стену, осыпало её стеклянной крошкой. Она должна была дрожать. Должна была зажмуриться, молиться, просить, чтобы Виктор справился. Но вместо этого внутри поднималась другая ясность. Холодная, простая, почти оскорбительно чистая.

Девушка убьёт его. Не может убить, не если он ошибётся. Убьёт. Через секунду, через две. Его приказы задерживают её, но не останавливают. Разум девушки слишком далеко, чтобы цепляться за слова надолго. Виктор силён, но он пытается командовать тем, что уже не до конца человек.

Карма поднялась из-за стойки. Виктор увидел это боковым зрением и резко крикнул:

— Не выходи!

Приказ ударил по ней, заставил колени подогнуться, но на этот раз что-то внутри сопротивлялось. Не разум, не гордость. То самое плотное желание жить, которое за последние часы стало её новым центром. Только теперь оно было направлено не на неё одну. Если Виктор умрёт, она тоже почти наверняка не дойдёт до Р-12. Если эта девушка продолжит существовать ещё хотя бы несколько секунд, всё закончится здесь, в пыльном холле заброшенного склада.

Девушка уже бежала на Виктора. Кровь вокруг неё раскрылась тёмным венцом, лезвия тянулись к его горлу, к груди, к лицу. Виктор поднял руку, собираясь приказать снова, но Карма поняла: не успеет.

И тогда слово пришло само.

— Взорвись!

Она не знала, почему именно оно. Не умри, не остановись, не исчезни. Это слово было грубым, почти неправильным, но в нём не было ни одной лишней части. Карма не пыталась выглядеть милосердной даже перед самой собой. Не искала оправдание, не прятала жестокость за красивой целью. Она хотела, чтобы девушка перестала быть угрозой. Хотела, чтобы тело, кровь, лезвия и чужая воля внутри этой несчастной оболочки разорвались раньше, чем коснутся Виктора.

И в тот же миг Карма поняла: дело было не в слове. Слово только придало форму тому, что уже было в ней. Сила отозвалась не на звук, не на приказ как набор букв, а на желание под ним — настоящее, цельное, без сомнения и лжи. Если бы она попыталась сказать что-то благороднее, если бы оставила в себе хоть крупицу надежды на другой исход, мир мог бы не услышать её. Или услышал бы слабее. Но сейчас она была честна до конца.

Желание стало приказом. Приказ — законом.

Мир подчинился этому желанию с такой буквальной жестокостью, что на миг пропал звук.

Тело девушки разорвало изнутри.

Не огнём, не взрывной волной, как в старых фильмах, а собственной кровью. Красные нити, которые она удерживала вокруг себя, рванули наружу во все стороны, будто кто-то натянул их до предела и отпустил. Стены, пол, стойка охра-

ны покрылись тёмными брызгами. Остатки кровавых лезвий ударили в потолок и рассыпались дождём. Виктор успел закрыть лицо рукой, Карма не закрылась. Несколько горячих капель попали ей на щёку, и она стояла с открытыми глазами, пока в холле снова не появился звук: капли падали на плитку, где-то перекатывалась оторванная ручка двери, тяжело дышал Виктор.

Они посмотрели друг на друга.

В этом взгляде не было вопроса что ты сделала?. Ответ был слишком очевиден. Не было и ужаса, который должен был бы прийти после. Они оба понимали, что произошло, и оба почему-то почти сразу поняли другое: стоять и смотреть друг на друга, как люди из старого мира, уже роскошь. Старый мир позволил бы им упасть на пол, кричать, отрицать, искать виноватых, повторять, что это невозможно. Новый мир не давал им этого времени.

И всё же Карма на секунду задержалась внутри себя, там, где только что что-то открылось. Слово взорвись уже казалось пустой оболочкой. Не оно убило девушку. Оно лишь стало дверью, через которую наружу вышло желание. За этой дверью было что-то огромное, тёмное, пока ещё далёкое, как провал за краем света. Сегодня она лишь случайно коснулась его, грубо и вслепую. Что будет потом, если она научится хотеть так же целно и управлять этим не в страхе, а по собственной воле, Карма не знала. И, возможно, именно поэтому не хотела знать.

Виктор первым опустил руку.

— Ты цела?

Карма провела пальцами по щеке, посмотрела на кровь.

— Да.

— Приказ сработал?

Она поняла, что он спрашивает не о девушке.

— Твой? Да. Первый раз да. Я не решила спрятаться. Я просто спряталась.

Он кивнул, но лицо его стало тяжелее.

— Прости.

Карма посмотрела на него почти с удивлением.

— За то, что спас мне жизнь?

— За то, что заставил.

— Сейчас это разные вещи?

Виктор не ответил. И это было честнее любого объяснения. Для них обоих граница между спасением и насилием стала тоньше, чем должна была быть. Его голос мог заставить её подчиниться. Её слово могло разорвать человека. Они стояли посреди холла, залитого кровью девушки, которая несколько минут назад ещё пыталась предупредить их про Р-12, и понимали: это становится частью правил. Не исключением. Не кошмаром, после которого просыпаются. Правил.

— Нужно найти, что она хотела сказать, — произнесла Карма.

Виктор посмотрел на остатки тела, потом на коридор.

— Да. Быстро.

Они обследовали здание почти молча. Не потому, что говорить было нечего, а потому что каждое лишнее слово теперь стало опасным по-своему. В архиве за дверью, возле которой сидела девушка, оказалось несколько металлических шкафов, часть из них была открыта. На полу валялись папки с маркировкой эвакуация, транспорт, посты внешнего контура. Карма перебирала документы, Виктор проверял коридор и окна. Руки у неё не дрожали. Бумага шелестела сухо и буднично, как будто она снова была в офисе, а не стояла по щиколотку в чужой крови.

В одном из ящичков они нашли то, ради чего, вероятно, Виктор и захотел остановиться. Папка была тонкой, с красной полосой по краю и штампом: Р-12. Временный порядок допуска. Обновление после инцидента на северном секторе. Внутри лежала карта подъезда к карьере, схема внешнего периметра и несколько листов с инструкциями. Главный въезд был перечёркнут жирной линией. Рядом стояла пометка: Не использовать для неучтённых и адаптированных. Риск автоматического отсечения. Ниже был указан альтернативный маршрут: через нижний технический пост, старую насосную линию и сервисный тоннель, который на обычной карте не значился.

— Она говорила про главный вход, — сказал Виктор, заглянув через плечо. — Не идите через главный.

Карма разложила листы на столе.

— Тут ещё коды. Смотри: внешний пароль меняется каждые двенадцать часов, но если связь сорвана, используют последний подтверждённый. Контур не замкнут. Ответ поста: Но держит форму.

— Значит, если нам скажут не так

— Значит, либо пост чужой, либо люди не из Р-12, либо нас проверяют иначе.

Виктор забрал один лист и пробежал глазами строки. Его лицо мрачнело.

— Здесь есть классификация.

«Адаптированные подразделяются на восемь основных групп: сенсорные, регенеративные, кинетические, биологические, голосовые, когнитивные, средовые и неопределённые»

Ниже шли подтипы, написанные уже другим почерком, торопливо, будто классификацию дополняли прямо во время катастрофы. Напротив биологических стояло: Гемокинетические. Высокий риск потери когнитивного контроля при кровопотере или внешнем раздражителе. Рядом — красная отметка: Не вступать в контакт без фиксации конечностей.

Карма посмотрела в сторону холла, где на плитке ещё растекались тёмные лужи.

Виктор прочитал ниже и помрачнел.

— *Здесь есть голосовые.*

Карма медленно перевела взгляд на лист. В разделе было

всего несколько строк: Командные. Внушающие. Неустановленные. При подозрении на прямое воздействие через речь — изоляционный допуск. Не размещать в общем секторе.

Последняя фраза была подчёркнута дважды.

— *Значит, нас там ждут,* — сказала Карма.

— *Или боятся,* — ответил Виктор.

Она не стала спорить. После того, что случилось в холле, второе звучало честнее.

— Гемокинетик, — сказала она.

— Она была человеком.

Карма подняла на него глаза.

— Ты хочешь, чтобы я сейчас упала и начала рыдать?

Виктор сжал челюсть.

— Нет.

— Я тоже не хочу. И не могу. Я понимаю, что убила её.

Понимаю, что она, возможно, ещё была внутри. Понимаю, что она пыталась нам помочь. Но самое страшное даже не это.

— А что?

Карма медленно сжала пальцы, будто всё ещё чувствовала форму того приказа, хотя в руке ничего не было.

— Я не просто сказала слово. Я хотела этого. Полностью. Без сомнений. И, кажется, оно сработало именно поэтому.

Виктор молчал.

— Если бы я соврала себе, если бы попыталась сказать что-то правильное, благородное, удобное наверное, ничего

бы не вышло. Или вышло бы слабее. Не знаю. Но там, в тот момент, я была честна до конца. И мир послушался.

— Карма.

— Я знаю, — перебила она. — Не сейчас. Не надо.

Она снова посмотрела на документы, но буквы на секунду расплылись перед глазами.

— Просто запомни. Моя сила не в словах. Слова — только дверь.

Виктор тихо спросил:

— А что за дверью?

Карма не сразу ответила.

— То, чего я действительно хочу.

Виктор отвёл взгляд первым. Не от отвращения. Оттого, что ему нечего было возразить.

Они нашли ещё несколько полезных вещей: небольшой жетон с номером нижнего поста, пластиковую карту-допуск с треснувшим углом, частично заряженную рацию и сложенный лист с перечнем сигналов. Самым важным оказался короткий протокол для тех, кто прибывает без сопровождения: не подъезжать к прожекторам ближе тридцати метров, выйти с открытыми руками, назвать пароль первым, не скрывать факт адаптации, не демонстрировать способности без приказа старшего поста. Последняя строка была подчёркнута дважды: Р-12 не гарантирует безопасность. Р-12 гарантирует процедуру.

Карма прочитала это и тихо усмехнулась.

— Какая щедрость.

— Процедура лучше, чем хаос.

— Иногда процедура просто красиво оформленный хаос.

— Иногда. Но нам всё равно нужен вход.

Она сложила документы и убрала их в рюкзак. Перед уходом Карма задержалась у двери холла. Там, где была девушка, теперь осталось слишком мало, чтобы назвать это телом, и слишком много, чтобы назвать просто следами. Карма ждала, что хотя бы сейчас что-то поднимется: отвращение, вина, страх перед собой. Ничего. Только ясное понимание факта. Она убила человека. Или существо, которое ещё недавно было человеком. Или человека, которого существо уже почти забрало. Формулировка меняла смысл, но не меняла пустоту внутри.

В машине Виктор долго не заводил двигатель. Он сидел, положив руки на руль, и смотрел на здание через лобовое стекло. Карма пристегнулась, хотя не была уверена, что ремень теперь имеет прежнее значение. Потом достала карту и отметила новый маршрут к нижнему техническому посту.

— Твоё чутьё не подвело, — сказала она. — Мы действительно нашли нужную информацию.

— Да.

— Только способ получения оказался не тем, который можно назвать удачным.

Виктор наконец повернул ключ. Двигатель завёлся не сразу, с хрипом, будто тоже не хотел возвращаться к дороге.

— Если бы мы не остановились, поехали бы к главному входу.

— И нас бы отсекли.

— Или убили.

— Или забрали.

Он выехал с парковки, объезжая разбитые машины. Карма смотрела в окно на промзону, на серую дымку между складами, на пустые окна, которые провожали их тёмными прямоугольниками. Она снова прислушалась к себе. Там, внутри, не было потрясения от убийства. Не было даже настоящего ужаса от того, что её слово стало оружием. Было только странное принятие, будто мир наконец перестал притворяться и показал честные правила: если хочешь жить, тебе придётся становиться страшнее того, что идёт на тебя.

И всё же где-то глубже оставалась мысль, маленькая и упрямая: если она понимает, что это страшно, значит, не всё потеряно. Может быть, вина придёт позже. Может быть, горе догонит её, когда они окажутся за стенами Р-12, если там вообще есть стены. Может быть, все эти чувства не исчезли, а просто отступили, чтобы не мешать ей дойти.

Сервисная трасса к карьеру началась после длинного ряда складов. Дорога пошла вниз, асфальт стал хуже, по краям появились провалы и заросшие канавы. Слева открылся карьер — огромная тёмная чаша, на дне которой стояла мутная вода. Справа тянулись старые опоры, оборванные провода висели почти до земли. Вдалеке мелькнул свет прожек-

тора: белый, ровный, человеческий. Не спасительный, нет. Просто человеческий. После всего этого даже такой свет казался обещанием.

— Нижний пост должен быть за поворотом, — сказала Карма. — По новой схеме — не к шлагбауму, а ниже, к насосной линии.

Виктор кивнул.

— Если нас спросят про адаптацию, не врём.

— Я видела протокол.

— Я не из-за протокола.

Карма поняла. После того, что случилось в здании, ложь стала не просто риском. Она стала слишком тонкой плёнкой над пропастью. Р-12 мог оказаться местом, где их проверят, разоружат, запрут, используют или убьют. Но если там действительно были люди, которые знали про таких, как они, скрывать голос Кармы и приказы Виктора было всё равно что заходить с гранатой в руке и уверять, что это яблоко.

Они подъехали к нижнему посту на последних лучах серого дня. Бетонная будка стояла у старой насосной линии, почти вросшая в склон. Рядом горел прожектор, направленный на пустой участок дороги перед въездом. За сетчатым ограждением виднелись укрепления, кабели, мешки с песком и силуэты людей. Настоящих людей. Вооружённых, настороженных, живых.

Виктор остановил машину ровно за тридцать метров, как было сказано в протоколе. Они вышли с поднятыми руками.

Холодный ветер тянул из карьера сырость, шевелил края документов в рюкзаке Кармы. Красная точка лазерного прицела легла ей на грудь, вторая — на плечо Виктора.

— Пароль! — крикнул голос из-за прожектора.

Карма вдохнула. Виктор ответил первым:

— Контур не замкнут.

Пауза. Потом из темноты донеслось:

— Но держит форму.

Карма почувствовала, как напряжение вокруг них меняется. Не исчезает — просто становится другим. Их не расстреляли сразу. Их услышали. За прожектором кто-то переговаривался по рации, кто-то смещался вдоль ограждения, проверяя сектор. Это было похоже на порядок. На систему. На место, где можно хотя бы на время перестать бежать.

— Адаптированные есть? — спросил тот же голос.

Виктор медленно повернул голову к Карме, но ответила она сама:

— Да. Оба.

Свет прожектора стал ярче, ударил по глазам. Карма не отвернулась.

— Формы?

Она подумала о девушке в холле, о слове, которое вырвалось из неё, о теле, разорванном собственной кровью. Потом о Викторе, чей приказ заставил её спрятаться быстрее страха.

— Неопределённые, или голосовые, наверно.

На посту снова наступила пауза. Долгая, тяжёлая. Затем рация щёлкнула, и чей-то голос произнёс уже не для них:

— Нижний пост вызывает Р-12. У нас двое на внешнем. Оба адаптированные, голосовые. Пароль подтверждён. Запрашиваем изоляционный допуск.

Слово допуск прозвучало почти как спасение. Почти. Карма смотрела на прожектор, на силуэты людей за ним, на бетон, мешки с песком и закрытый въезд, за которым могла быть безопасность. Могла быть еда, лекарства, ответы, стены, сон без дороги под колёсами. Могло быть место, где новый мир хотя бы делает вид, что контролирует себя.

И она вдруг поняла: мысль теперь мы в безопасности уже поднимается внутри, готовая стать облегчением.

Шестая ложь.

Глава 8

Их пропустили внутрь почти без объяснений.

Дверь, за которой должен был находиться вход в Р-12, открылась не сразу. Сначала где-то в стене щёлкнул механизм, потом раздался короткий глухой сигнал, и только после этого створки начали медленно расходиться в стороны. Карма ожидала увидеть людей — охрану, врачей, военных, кого угодно, кто мог бы встретить тех, кто добрался до места, о котором ходили слухи. Но за дверью никого не было.

Только коридор.

Узкий, тёмный, слишком ровный, будто его вырезали внутри камня. Света почти не было, если не считать красных огоньков, которые вспыхивали вдоль стен. Они загорались не постоянно, а рывками: один — впереди, второй — сбоку, третий — у самого потолка. Казалось, кто-то невидимый следит за каждым их движением и передаёт дальше короткие сигналы.

— Идите прямо, — произнёс голос.

Он прозвучал из динамика или из самой стены. Разобрать было невозможно. Голос был спокойным, ровным, без выраженного возраста и пола, оттого ещё более неприятным.

Виктор бросил на Карму короткий взгляд. Она ответила ему таким же. Ни он, ни она не сказали вслух то, что оба подумали: отступать уже поздно.

Они пошли вперёд.

За спиной дверь закрылась с тяжёлым металлическим звуком, от которого внутри неприятно сжалось. Карма невольно обернулась, хотя понимала, что это ничего не изменит. Вход исчез за гладкой стеной, будто его там никогда и не было.

Коридор начал уходить вниз почти незаметно. Сначала это ощущалось только по тому, как изменился шаг: пол стал чуть наклонным, а тело будто само подалось вперёд. Потом заложило уши. Воздух стал плотнее, холоднее, в нём появился запах сырого металла и чего-то стерильного. Карма провела языком по губам и почувствовала привкус пыли, хотя сам коридор казался чистым.

— Мы спускаемся, — тихо сказал Виктор.

— Я заметила, — ответила Карма так же тихо.

Говорить громче не хотелось. Здесь любой звук казался лишним, будто мог привлечь внимание того, что наблюдало из темноты. Красные огни вспыхивали всё чаще, иногда выстраиваясь в линию вдоль стен, иногда исчезая совсем. В такие моменты оставалась только темнота и мерный звук их шагов.

— Остановитесь, — снова произнёс голос.

Карма остановилась почти сразу. Виктор сделал ещё полшага и замер рядом. Впереди загорелась тонкая полоса света, очертившая контур новой двери. Она открылась без скрипа, бесшумно, слишком мягко для такого тяжёлого сооружения.

За дверью было помещение.

Большое, тёмное и глубокое. Не комната в привычном смысле, а скорее зал, где потолок терялся во мраке. Воздух здесь был другим: резкий запах антисептика, лекарств и холодного пластика ударил в нос так внезапно, что Карма поморщилась. Этот запах был слишком знакомым и одновременно неуместным. Он напоминал больницы, процедурные, стерильные кабинеты, в которых люди обычно стараются не задерживаться.

На стенах и полу вспыхнули огни.

Сначала белые. Потом голубые. Потом снова красные. Они не просто освещали помещение, а двигались, перескакивали с места на место, будто живые. Один луч скользнул по руке Кармы, задержался на запястье и исчез. Другой прошёл по лицу Виктора, отразился в его глазах и растворился в темноте. Несколько маленьких точек вспыхнули у груди Кармы, затем спустились ниже, словно отмечая что-то невидимое.

Она дёрнулась, но заставила себя остаться на месте.

— Это что ещё такое? — спросил Виктор.

Ответа не было.

Огни двигались быстрее. Они будто изучали их тела, одежду, дыхание, температуру, реакцию. Карме показалось, что красные точки не просто смотрят, а что-то объясняют своим появлением: здесь проверено, здесь замечено, здесь записано. От этого ощущения стало холодно, хотя помещение не было ледяным.

Виктор напрягся. Карма видела, как он сжал пальцы в кулак. Она не знала, готов ли он ударить по стене, по воздуху или по тому, кто всё это устроил, но очень надеялась, что он сдержится. В этом месте любое резкое движение могло стать ошибкой.

— Проверка завершена, — произнёс голос.

Огни погасли почти одновременно.

Темнота вернулась на секунду, а потом впереди открылась ещё одна дверь. За ней появился свет — не яркий больничный и не красный технический, а настоящий дневной свет. Карма не сразу поняла, почему он кажется таким неправильным. Может быть, потому что они только что спускались вниз. Может быть, потому что снаружи уже давно не существовало нормального дня. Или потому что этот свет был слишком ровным, без утренней мягкости и вечерней усталости.

Они вышли.

И оказались на улице.

Карма остановилась так резко, что Виктор едва не столкнулся с ней плечом. Перед ними был город.

Не руины. Не полуразрушенная база. Не серые корпуса, брошенные после аварии. Настоящий город — небольшой, на первый взгляд почти обычный. Дома стояли ровными рядами, улицы были чистыми, кое-где горели вывески, а над тротуарами тянулись тонкие линии проводов или датчиков. Окна были целыми. Двери закрывались не досками, а нор-

мальными замками. На углах виднелись указатели, аккуратные и понятные, как будто кто-то действительно заботился о том, чтобы здесь можно было жить.

И это пугало сильнее, чем разрушения.

Пока они искали Р-12, мир вокруг выглядел раненым. Пустые трассы, покосившиеся здания, брошенные машины, туман, который забирался в щели и делал всё чужим. Там было понятно, что случилось что-то страшное. Здесь же всё выглядело так, будто катастрофа прошла мимо. Или будто город успел договориться с ней раньше остальных.

Карма подняла голову.

Над Р-12 висел вечный день.

Солнца не было видно, но свет стоял повсюду, ровный и выцветший. Туман тоже был здесь, но не такой плотный, как снаружи. Он держался выше крыш, цеплялся за углы домов, стекал тонкими белыми полосами между зданиями, но будто не решался опуститься ниже. Город словно находился под невидимым куполом, который не защищал полностью, но удерживал самое худшее на расстоянии.

В центре возвышалась арена.

Её было невозможно не заметить. Огромное круглое сооружение из тёмного материала, с широкими входами и высокими стенами. Оно не выглядело праздничным или спортивным, как старые стадионы. В нём было что-то тяжёлое, военное, почти древнее. Даже на расстоянии Карма почувствовала, как внутри поднимается напряжение. Арена не

приглашала зрителей. Она предупреждала.

Рядом с ней стояло здание, совсем другое по форме, но не менее важное. Широкое, строгое, с высокими окнами и колоннами, оно отдалённо напоминало парламент. Не красивый, не роскошный, скорее функциональный и холодный. Такое здание не нуждалось в украшениях, чтобы все понимали: решения принимаются там.

Виктор тоже смотрел на центр города.

— Значит, это Р-12, — сказал он.

— Похоже на то.

— Слишком целое место для мира, который разваливается.

Карма не ответила сразу. Она заметила движение в окнах ближайшего дома. Кто-то стоял за стеклом, но отступил, как только она повернула голову. На другой стороне улицы дверь приоткрылась и тут же закрылась. Город был не пустым. Он просто не спешил показывать своих жителей.

— Нам надо понять, где мы оказались, — сказала Карма.

— И кто здесь главный.

— И почему нас пустили так легко.

— Нас не пустили легко. Нас проверили.

Виктор нахмурился.

— Ты про эти огни?

— Не знаю. Но мне не нравится, что мы уже что-то прошли, а нам никто не объяснил, что именно.

Они продолжили говорить тихо, почти не шевеля губами.

Так разговаривают люди, которые не знают, сколько у стен ушей. Карма пыталась держаться спокойно, но внутри всё было слишком напряжено. Р-12 должен был стать ответом. Местом, где можно узнать, что произошло. Но чем больше она смотрела на ровные улицы, чистые фасады и огромную арену, тем сильнее казалось, что ответ здесь есть, только он может им не понравиться.

К ним подошли двое.

Карма заметила их не сразу. Они появились с боковой улицы и двигались уверенно, будто знали, что новички уже стоят именно здесь. Оба были в одинаковых закрытых костюмах тёмно-серого цвета. Ткань плотно облегла тело, но не настолько, чтобы можно было легко рассмотреть фигуру. Лица скрывали гладкие маски с затемнёнными вставками. Ни выражения глаз, ни возраста, ни даже цвета кожи.

Только по росту, движениям и голосам можно было понять, что один из них парень, а вторая — девушка.

— Добро пожаловать в Р-12, — произнесла девушка.

Её голос был неожиданно звонким. Ярким, почти солнечным. Он плохо сочетался с костюмом, маской и городом, где всё казалось рассчитанным заранее. В этом голосе было столько жизни, что Карма на мгновение растерялась.

Парень рядом с ней говорил спокойнее.

— Вы прибыли через внешний вход. Состояние стабильное. Первичная проверка пройдена.

— Состояние? — переспросил Виктор.

— Ваше, — ответил парень.

— Вы всегда так встречаете людей?

Девушка чуть наклонила голову, и Карме показалось, что под маской она улыбается.

— Не всегда. Но вы пришли сами, а не были доставлены патрулём. Это уже хороший знак.

— Патрулём? — повторила Карма.

— Об этом позже, — мягко сказала девушка. — Меня зовут Оливия. Мы покажем вам город и объясним основные правила. Не все сразу, конечно. Первый день и так обычно бывает тяжёлым.

Карма посмотрела на второго сопровождающего.

— А вы?

Он ответил не сразу. Пауза была короткой, но заметной.

— Пока это не важно.

— Для вас, может быть.

Оливия быстро вмешалась, не меняя бодрого тона:

— Не обращайтесь внимания. Он не грубит, просто у него такой способ общения с новыми людьми.

Парень никак не отреагировал.

Они повели Карму и Виктора по улице. Город раскрывался постепенно. С одной стороны стояли жилые дома — простые, серые, одинаковые, но не безликие. На некоторых балконах сушилась одежда. У входов стояли контейнеры, подписанные аккуратными символами. В одном окне Карма увидела горшок с растением, бледным, но живым. Эта ме-

лочь почему-то задела сильнее всего. В мире, где туман поглотил дороги и города, кто-то всё ещё поливал цветок.

С другой стороны тянулись административные корпуса. У каждого был номер, обозначение и цветная полоса у входа. Люди встречались редко. Некоторые проходили мимо быстро, не задерживая взгляд на новичках. Другие, наоборот, смотрели слишком внимательно, но тут же отворачивались, стоило Карме посмотреть в ответ. Почти у всех были браслеты или метки на рукавах. На некоторых — такие же закрытые костюмы, как у Оливии и её спутника.

— У вас тут все так ходят? — спросил Виктор, кивнув на их одежду.

— Нет, — ответила Оливия. — Костюмы носят сопровождающие, сотрудники внешнего сектора, часть медиков и те, кто работает с нестабильными проявлениями. Обычным жителям они не нужны.

— Обычным жителям, — повторила Карма. — А вы нас кем считаете?

— Новыми адаптированными, пока не доказано обратное. Это слово снова прозвучало слишком спокойно.

— Адаптированными? — Виктор остановился. — Так вы называете людей, которые изменились?

— Да, — сказал парень. — После аварии у части людей появились проявления. Разные по силе, форме и последствиям. Старые определения не подходили. Поэтому в Р-12 используется термин «адаптированные».

— Красиво звучит, — заметила Карма. — Почти не страшно.

— Термины нужны не для красоты, — ответил он.

Оливия указала на арену, к которой они подошли ближе. Теперь сооружение казалось ещё крупнее. У его стен были широкие ворота, а рядом несколько входов поменьше. Над одним из них горела надпись: «Тренировочный сектор». За стенами доносился глухой удар, потом ещё один, будто что-то тяжёлое столкнулось с металлом. Карма невольно напряглась.

— Это не просто арена, — сказала Оливия. — Здесь проходят тренировки адаптированных. Контроль проявлений, работа в группах, проверка устойчивости, моделирование опасных ситуаций.

— То есть людей здесь учат пользоваться силами? — спросил Виктор.

— Тех, кто может учиться, — ответил парень. — И тех, кому необходимо научиться, чтобы не навредить себе или другим.

Карма посмотрела на тёмные стены арены. Слово «тренировки» звучало почти безобидно, но сама арена не казалась местом, где просто учатся. Она выглядела так, будто уже видела боль, страх и то, как человек перестаёт владеть собой.

— А если кто-то не хочет? — спросила она.

Оливия на секунду замолчала.

— Тогда с ним разговаривают.

— А потом?

— Потом зависит от риска, — ответил парень.

Виктор усмехнулся без веселья.

— Понятно. Очень гостеприимно.

— Гостеприимство не отменяет безопасность, — спокойно сказал тот.

Они пошли дальше, к зданию рядом с ареной. Оно становилось всё внушительнее с каждым шагом. Широкая лестница вела к высоким дверям. У входа стояли люди в форме, но без оружия на виду. Возможно, оружие им было не нужно. В Р-12 это предположение казалось вполне реальным.

— А это? — спросила Карма, хотя уже догадывалась, что здание не может быть обычным.

Оливия подняла руку, будто представляла самое важное место города.

— Сердце Р-12.

— Сердце города? — уточнил Виктор.

— Да. Отсюда идёт управление секторами, распределение задач, координация патрулей, работа с данными, исследования и обучение. Если коротко — всё, что поддерживает Р-12 живым.

Карма посмотрела на окна здания. Они были тёмными, хотя за ними наверняка кто-то работал.

— Значит, у вас тут правительство?

— У нас тут необходимость, — ответил парень.

— Удобное слово.

Оливия повернулась к Карме.

— Мы понимаем, как это выглядит. Но Р-12 существует потому, что каждый здесь делает что-то полезное. Кто-то работает в жилом секторе, кто-то в медицине, кто-то на кухнях, кто-то в технических отделах, кто-то тренируется или помогает другим адаптированным. Без распределения город долго не продержится.

— И выбора нет? — спросил Виктор.

— Выбор есть, — сказала Оливия. — Но он не бесконечный. Сейчас мир не в том состоянии, чтобы каждый мог жить только для себя.

Карма не стала спорить. Не потому что согласилась, а потому что не знала достаточно. В этом городе всё было устроено слишком аккуратно, и именно это мешало понять, где заканчивается порядок и начинается контроль.

Парень посмотрел на Оливию.

— Тебе не кажется, что мы уже достаточно их нагрузили? Им нужно отдохнуть и поесть.

Оливия кивнула, но Карма опередила её:

— В этом нет необходимости.

Оба сопровождающих повернулись к ней.

— Не хотите есть? — уточнила Оливия.

— Нет. Разве что помыться. Это было бы неплохо.

Виктор покосился на неё. Он явно хотел сказать, что после всего, через что они прошли, отказаться от еды странно. Но промолчал.

Оливия и парень переглянулись. Маски скрывали лица, но пауза была достаточно выразительной.

— Усталости тоже нет? — спросил парень.

Карма задумалась. Усталость была, но не такая, какой должна быть. Тело болело местами, одежда неприятно липла к коже, голова была тяжёлой от количества событий, но настоящего желания лечь и отключиться не было. Голод тоже будто стоял где-то далеко, за стеклом.

— Не так, как должно быть, — ответила она.

— Возможно, смешанный подтип, — сказала Оливия уже более тихо. — Или реакция после внешнего воздействия.

— У вас такое бывает? — спросил Виктор.

— Бывает почти всё, — ответил парень. — Просто не так часто.

Виктор нахмурился ещё сильнее.

— Тогда почему нас не обследуют нормально? Вы не знаете, кто мы. Не знаете, что мы принесли с собой. Может, мы заражены, нестабильны или опасны для вашего города.

— На данный момент угрозы не обнаружено, — сказал парень.

— На данный момент? — повторила Карма.

— Вас уже проверили.

Она медленно повернулась к нему.

— Когда?

— Пока вы спускались.

На секунду стало очень тихо. Даже шум города будто от-

ступил. Карма снова вспомнила тёмное помещение, красные точки, белые лучи, свет, который бегал по коже, как чужие пальцы. Тогда ей казалось, что их просто провели через странную систему безопасности. Теперь стало ясно: всё было гораздо глубже.

— Это была проверка? — спросила она.

— Первичная диагностика, — уточнил парень. — Температура, внешние повреждения, признаки заражения, уровень нестабильности, реакция на сканирование, базовые показатели проявления. Этого достаточно, чтобы впустить вас в город под наблюдением.

— Под наблюдением, — повторил Виктор. — Отлично.

— Вы бы предпочли, чтобы вас не пустили?

Виктор ничего не ответил.

Карма тоже промолчала. Вопрос был неприятно точным. Снаружи их ждали туман, разрушения и неизвестность. Здесь — правила, скрытые проверки и люди в масках. Выбор был, но не тот, который хочется иметь.

После этого их повели в один из корпусов неподалёку от центрального здания. Внутри было светло и прохладно. Коридоры пахли чистотой, бумагой и слабым озоном от техники. На стенах висели информационные панели, схемы города и таблицы, которые Карма сначала приняла за медицинские инструкции. Но стоило подойти ближе, как она поняла: это было описание нового мира.

Оливия остановилась у большой панели с заголовком:

«Классификация адаптированных».

— Вам нужно хотя бы общее представление, — сказала она. — Не для отчёта. Для собственной безопасности.

На панели были разделы, оформленные сухо и понятно.

На таблице была показана общая классификация адаптированных. В самом верху стояло одно слово — «Адаптированные», а от него расходились основные ветви типов. Схема выглядела сухо и официально,

Самой большой веткой были стихийные — адаптированные, чьи способности связаны с управлением природными силами, средой или физическими явлениями. Внутри этой группы выделялись подтипы: пирокинетические — огонь и высокая температура, гидрокинетические — вода и влага, аэрокинетические — воздух и давление, геокинетические — земля, камень и грунт, электрокинетические — ток и молния, термокинетические — тепло и холод, металлокинетические — металл. Рядом с каждым подтипом коротко указывалось, чем он опасен: пожаром, разрушением поверхности, сбоями техники, удушьем, обморожением, перегревом или повреждением конструкций Р-12.

Отдельным блоком стояли биологические. К ним относились гемокинетические, связанные с кровью, тканевые, влияющие на мышцы, кожу, кости и восстановление тела, а также органические, работающие с живыми структурами, ростом, разложением и изменением органики. Этот раздел выглядел особенно неприятно, потому что почти все преду-

преждения касались прямого воздействия на живых людей.

После них шли голосовые — адаптированные, чья сила проявлялась через звук, речь, частоту или вибрацию. В таблице было указано, что такие способности могут оглушать, сбивать концентрацию, влиять на состояние человека или заставлять его реагировать на команду.

Рядом находились когнитивные. Их описание было самым расплывчатым: восприятие, память, внимание, эмоции, решения. Такие адаптированные воздействовали не на среду и не на тело, а на то, как человек думает, чувствует и воспринимает происходящее.

Последними были неопределённые — те, чьё проявление ещё не удалось отнести ни к одному типу. Рядом с ними стояли пометки о повторной диагностике, наблюдении и ограниченном допуске до уточнения.

В нижней части таблицы отдельно был указан допуск к арене. Он зависел не от самого типа адаптации, а от стабильности проявления, уровня контроля, реакции на стресс и риска для окружающих. Напротив некоторых категорий стояли отметки: «допущен под наблюдением», «только после тренировки», «ограниченный режим» или «допуск запрещён». Арена здесь выглядела не как место для испытания силы, а как фильтр: туда отправляли только тех, чьи способности уже можно было проверить, не разрушив половину сектора.

— Вы всё это уже знаете? — спросила Карма.

Оливия повернулась к ней.

— Не всё. Но достаточно, чтобы не начинать каждый раз с нуля.

— Когда вы успели? — спросил Виктор. — После аварии прошло не знаю. Несколько дней? Неделя?

Парень молчал пару секунд, будто решал, насколько мягко стоит отвечать.

— Месяц.

Карма не сразу поняла слово.

— Что?

— Уже около месяца мир находится в состоянии вечного дня и тумана, — сказал он. — Для внешних территорий время ощущается нестабильно. Люди часто ошибаются в сроках. Особенно те, кто долго был вне защищённых зон.

Виктор шагнул ближе к панели, будто хотел найти там подтверждение или опровержение.

— Месяц? Этого не может быть.

— Может, — ответила Оливия, и её голос впервые стал менее ярким. — У многих такая реакция. Снаружи дни не разделяются нормально. Нет ночи, нет привычных ориентиров, сон сбивается, память начинает склеивать события. Иногда люди уверены, что прошло два дня, а на самом деле — две недели.

Карма стояла неподвижно.

Месяц.

Это слово не укладывалось в голове. Она помнила доро-

гу, туман, разговоры с Виктором, страх, редкие остановки, обрывки сна. Но месяц? Где были эти дни? Почему тело не помнило их как месяц? Или помнило, просто она не хотела признавать?

Она посмотрела на свои руки. На грязь под ногтями, на кожу, ставшую бледнее в этом ровном свете. Всё это могло принадлежать человеку, который прошёл через месяц. И всё равно внутри что-то сопротивлялось.

— В Р-12 ведут календарь? — спросила она.

— Да, — ответил парень. — И часы. Насколько это возможно.

— Насколько возможно?

— После аварии не всем механизмам можно верить.

Эта фраза прозвучала хуже, чем могла бы. Карма вдруг подумала, что они попали не просто в город, где выжившие собрали порядок из обломков. Они попали в место, которое уже успело столкнуться с вещами, о которых она и Виктор ещё даже не догадывались.

Экскурсия продолжилась, но теперь Карма слушала иначе. Оливия говорила про жилые сектора, общие кухни, медицинский корпус, распределение одежды и душевые, про то, что новичкам первые дни не дают тяжёлых задач. Про запрет выходить за пределы города без допуска. Про объявления, которые иногда звучат по громкой связи, и про сигналы тревоги, которые нужно запомнить сразу.

Карма старалась удержать всё в памяти, но информация

ложилась неровно. Слишком много нового. Слишком много правил. Слишком много спокойствия в голосах тех, кто всё это объяснял. Чем спокойнее они говорили, тем сильнее хотелось спросить, сколько людей погибло, пока эти правила появились.

На одной из улиц им навстречу прошла группа подростков. Пятеро, может шесть человек, все в одинаковой тренировочной одежде. Один держал руку у груди, будто боялся отпустить что-то невидимое. У другой девушки волосы слегка шевелились, хотя ветра не было. Самый высокий парень шёл в перчатках, и от его пальцев время от времени срывались слабые искры. Никто из сопровождающих не удивился.

Карма проводила их взглядом.

— Они тоже адаптированные?

— Да, — ответила Оливия. — Группа начального контроля. Сегодня у них, скорее всего, теория и малый зал.

— Малый зал — это звучит почти утешительно, — сказал Виктор.

— Лучше малый зал, чем улица, — спокойно ответил парень. — Проявление, случившееся без подготовки, редко заканчивается хорошо.

Карма не спросила, что именно он видел. По голосу было понятно: достаточно.

К концу обхода город стал казаться не меньше, а больше. Сначала он выглядел компактным, но за ровными улицами скрывались сектора, переходы, внутренние дворы, тех-

нические входы и лестницы вниз. Р-12 жил не только на поверхности. Под ним, вероятно, находилось ещё что-то — те коридоры, залы, системы проверки, склады, лаборатории или укрытия, о которых новичкам не рассказывают в первый день.

Наконец Оливия остановилась возле развилки.

— Теперь вас разместят.

Виктор сразу посмотрел на Карму.

— Вместе?

— Нет, — сказал парень. — В разных домах. Это стандартное первичное размещение.

— Почему? — спросила Карма.

— Наблюдение проходит точнее, если новички первые сутки находятся отдельно. Кроме того, вам нужно восстановиться без взаимного влияния.

— Мы не влияем друг на друга, — сказал Виктор.

— Вы не можете этого знать.

Ответ был спокойным, но окончательным.

Карма почувствовала раздражение. Не резкое, не вспышкой, а тяжёлое, упрямое. Ей не нравилось, что их разделяют. Не нравилось, что всё уже решено. Не нравилось, что каждое правило здесь звучит так, будто спорить с ним бессмысленно.

Оливия шагнула к Виктору.

— Я провожу вас в жилой сектор Б. Там душ, чистая одежда, место для сна. Если захотите поесть — вас проводят в

столовую. Вечером будет короткий опрос, ничего сложного.

— Опрос, — повторил Виктор. — Конечно.

Он посмотрел на Карму. В его взгляде было предупреждение и вопрос одновременно.

— Всё нормально? — спросил он.

Карма хотела ответить честно: нет, ничего нормального. Их впустили в подземный город, проверили без согласия, объяснили, что прошёл месяц, и теперь разводят по разным домам. Но честный ответ ничего бы не изменил, только дал бы сопровождающим ещё один повод записать их реакцию.

— Нормально, — сказала она. — Разберёмся.

Виктор кивнул, но не выглядел успокоенным.

— Если что-то будет не так

— Я найду способ дать знать.

Оливия не перебивала. Парень тоже. Но Карма была уверена: они слушали каждое слово.

Виктор ушёл с Оливией по левой улице. Её звонкий голос ещё какое-то время доносился издалека, объясняя ему что-то про сектор, расписание и правила обращения к дежурным. Потом голоса стихли.

Карма осталась со вторым сопровождающим.

Некоторое время они шли молча. Ей не хотелось первой начинать разговор, но молчание рядом с ним было не спокойным, а плотным. Он двигался размеренно, не оглядываясь, будто точно знал, что она идёт следом. Его костюм не шуршал, шаги почти не звучали. В этом человеке было что-

то раздражающе закрытое. Даже Оливия в маске казалась живой, а он — частью системы.

Они свернули на более тихую улицу. Здесь дома были ниже, окна шире, а у подъездов стояли скамейки. На одной из них сидела пожилая женщина и чистила какой-то металлический прибор тонкой щёткой. Она подняла глаза на Карму, задержалась взглядом на её грязной одежде, потом молча вернулась к своему занятию. Чуть дальше мальчик лет десяти рисовал мелом на асфальте круги. Когда Карма проходила мимо, один из кругов сам собой дрогнул и растёкся тонкой линией, хотя ребёнок не касался его рукой.

Карма обернулась.

Мальчик быстро стёр рисунок рукавом.

— Не смотрите так долго, — сказал её сопровождающий.

— Почему?

— Новые люди пугают детей.

— А дети, которые двигают мел без рук, не должны пугать новых людей?

Он чуть повернул голову.

— Вы быстро привыкнете.

Карма усмехнулась.

— Не уверена, что хочу.

— Хотеть необязательно.

Эта фраза окончательно ей не понравилась.

Они подошли к одному из домов. Он выглядел просто: три этажа, светлые стены, широкая дверь, над входом табличка с

номером сектора. Внутри пахло чистым бельём и тёплой водой. После лекарственного запаха подземного зала это было почти больно приятно.

— Здесь вы проведёте первые сутки, — сказал он. — Комната на втором этаже. Душ в конце коридора. Одежда будет внутри. Дверь не запирается снаружи, но выход из сектора для вас пока ограничен.

— То есть я могу ходить только там, где мне разрешат.

— Да.

— Вы даже не пытаетесь сделать это менее неприятным.

— Неприятная правда полезнее приятной лжи.

Карма посмотрела на него внимательнее. Маска по-прежнему скрывала лицо, но теперь ей почему-то захотелось узнать, что за ней. Не из симпатии. Из раздражения. Из желания понять, человек перед ней или просто голос Р-12, которому выдали тело.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Он остановился у лестницы.

— Это важно?

— Ты знаешь моё имя. Я хочу знать твоё.

Он молчал достаточно долго, чтобы Карма решила: не ответит. Потом всё же сказал:

— Зови меня Стефан.

Голос прозвучал нехотя. Будто имя было не подарком, а уступкой.

Карма повторила его про себя.

Стефан.

Красивое имя. Слишком красивое для человека в закрытом костюме, который говорит правилами и не считает нужным объяснять больше необходимого. Наверное, выдуманное. Здесь вообще всё могло быть выдуманным: имена, должности, дружелюбные голоса, спокойные улицы, даже ощущение безопасности. Новая жизнь требовала новых названий, и Р-12, похоже, умел раздавать их щедро.

— Настоящее? — спросила она.

— Достаточно настоящее.

Они поднялись на второй этаж. Коридор был пустым, светлым и тихим. Стефан открыл дверь в небольшую комнату. Внутри стояла кровать, узкий шкаф, стол, стул и раковина у стены. На кровати лежал аккуратный комплект одежды: серые штаны, футболка, мягкая кофта, бельё, полотенце. Рядом — маленькая упаковка с мылом, зубной щёткой и расчёской.

Карма замерла на пороге.

После дороги всё это казалось почти роскошью. Чистая ткань. Вода. Кровать, на которой можно лечь, не проверяя сначала, не ползает ли рядом что-то в тумане. Но вместе с облегчением пришло другое чувство. Если людям дают чистую одежду и комнату, им легче забыть, что они всё ещё не свободны.

— Через час за вами зайдут, — сказал Стефан. — Если захотите есть, сообщите дежурному на первом этаже. Если

станет плохо, нажмите кнопку возле двери. Если проявление начнёт выходить из-под контроля, не пытайтесь скрыть это.

— А если я просто захочу выйти?

— До вечернего допуска — только с сопровождением.

Карма прошла внутрь и коснулась пальцами полотенца.

Мягкое. Сухое.

— Виктор будет в порядке? — спросила она, не оборачиваясь.

— Оливия умеет работать с новичками.

— Это не ответ.

— Это лучший ответ, который у меня есть сейчас.

Она повернулась к нему.

— Ты всегда так говоришь?

— Как?

— Будто каждое слово прошло проверку перед тем, как выйти наружу.

Стефан помолчал.

— А вы всегда задаёте вопросы, на которые ещё не готовы услышать ответы?

Карма хотела возразить, но не нашла, что сказать сразу. В этом и была проблема с Р-12. Здесь всё раздражало именно потому, что не выглядело бессмысленным. У каждого правила была причина. У каждого отказа — объяснение. У каждой стены — назначение. И от этого становилось только хуже.

Стефан сделал шаг назад.

— Отдыхайте. Первый день в Р-12 редко бывает лёгким.

— Для вас это звучит как обычная фраза.

— Для нас это обычная фраза.

Он вышел, оставив дверь приоткрытой.

Карма ещё несколько секунд смотрела на пустой проём. Потом подошла и закрыла дверь сама. Щелчка замка не было. Он не соврал: дверь действительно не запиралась снаружи. Но Карма уже понимала, что в Р-12 замки не всегда нужны. Иногда достаточно правил, наблюдения и города, из которого человеку пока некуда идти.

Она сняла грязную куртку и положила её на стул. Ткань была покрыта пылью, пятнами и следами дороги. Карма провела рукой по рукаву и вдруг почувствовала, насколько устала от этого запаха — дыма, сырости, тумана, старого страха. Ей захотелось смыть всё сразу. Не только грязь, но и последние дни. Или месяц. Или сколько бы времени на самом деле ни прошло.

В ванной в конце коридора вода оказалась горячей.

Карма стояла под душем дольше, чем собиралась. Вода стекала по волосам, по плечам, по царапинам, заставляя кожу щипать. Сначала она просто мылась. Потом упёрлась ладонями в стену и закрыла глаза.

Месяц.

Вечный день. Туман. Адаптированные. Арена. Сердце города. Первичная диагностика. Смешанный подтип. Раздельное размещение. Стефан.

Слишком много слов для одного дня. Слишком много но-

вых названий для вещей, которые ещё вчера — или месяц назад — не должны были существовать.

Когда она вернулась в комнату, чистая одежда показалась чужой, но удобной. Карма села на край кровати и прислушалась. За стеной кто-то тихо говорил. В коридоре прошли шаги. Где-то снаружи прозвучал короткий сигнал, после которого город снова стал обычным, ровным, сдержанным.

Она подошла к окну.

Отсюда была видна часть улицы и дальний край арены. Туман висел над крышами, а свет не менялся. Ни вечернего тепла, ни заката, ни обещания ночи. Только бесконечный день, в котором люди построили город и сделали вид, что так можно жить.

Карма подумала о Викторе. О том, как он сейчас, задаёт ли Оливии слишком много вопросов, дали ли ему комнату, злится ли он так же сильно. Потом подумала о Стефане. О его паузе перед именем, о спокойном голосе, о фразе «достаточно настоящее». Он раздражал её. В этом было даже что-то удобное: легче злиться на одного конкретного человека, чем на целый город.

Она решила, что запоминать его не имеет смысла.

Стефан был просто сопровождающим. Человеком в костюме, частью первого дня, одним из тех, кто объясняет правила и исчезает, когда новичок перестаёт быть новичком. Наверняка он не станет важным. Не для неё. Не в этом городе, где каждый уже носит чужие секреты и слишком акку-

ратно подбирает слова.

Карма отвернулась от окна и села на кровать.

Да, запоминать его не было никакого смысла.

Это была седьмая ложь.

Глава 9

Карма поняла, что браслета нет, когда машинально хотела поправить его, как делала сотни раз раньше, и только потом поняла, что пальцы попали в пустоту. Она стояла посреди небольшого помещения с выданной сумкой у ног, в чужой серой футболке, пахнувшей складом, порошком и чем-то металлическим, и смотрела на левое запястье. Кожа там была светлее, тонкая полоска от привычного давления ещё держалась, но самого браслета не было.

Сначала она просто не поверила. Провела пальцами по запястью, будто вещь могла стать невидимой, потом проверила карманы, внутренний шов куртки, боковой отдел сумки. Ничего. Она вспомнила дом Натт, улицу с серым пеплом, кровь гемокинетички, коридор пропускного пункта и не смогла понять, где именно потеряла его. Возможно, он соскользнул ещё там, за пределами Р-12, когда тварь услышала её голос и ушла. Возможно, он лежал сейчас в чьём-то пластиковом лотке между чужими ножами, батарейками, ключами и обрывками старой жизни.

Она ждала, что почувствует злость. Или хотя бы страх. Браслет был последней вещью от матери, последним тёплым доказательством того, что до волны у неё была жизнь, где была усталая пятница, были сообщения без смысла и планы, которые казались важными. Но вместо этого внутри распра-

вилось странное облегчение. Почти физическое. Как будто с запястья сняли не украшение, а тонкий крючок, за который её всё время тянули назад, в дом, в старые голоса, в лица, которые приходилось вспоминать правильно, с болью и благодарностью.

Карма медленно опустила руку. Облегчение было неправильным, и именно поэтому оно оказалось настоящим. Без браслета мысли перестали возвращаться к семье по кругу, перестали цепляться за мамину фразу о вещах, которые должны быть рядом. Она не стала свободной, нет, это было бы слишком красиво и слишком глупо, но в голове появилось место для других целей. Понять, что с ней. Понять, что такое Р-12. Выяснить, почему Виктор так спокойно шёл сюда, будто возвращался не в убежище, а в хорошо знакомую систему. Узнать, как далеко может зайти её голос, прежде чем перестанет быть её.

Она села на край кровати. Матрас был узкий, жёсткий, с больничной чистотой, от которой хотелось не спать, а лежать ровно и не мешать. На стене напротив висела пластиковая панель с тремя кнопками: свет, вызов, блокировка звука. Последняя кнопка ей не понравилась больше остальных. На столе лежала тонкая папка с правилами проживания, стакан, две таблетки в прозрачном блистере и бумажная салфетка с логотипом Р-12. Логотип был сделан так аккуратно, что становилось неприятно: круг, разделённый на двенадцать секторов, и тонкая линия в центре, похожая на иглу.

Карма подтянула к себе свою старую сумку. Та выглядела нелепо в этой стерильной комнате: грязная молния, вытертая ручка. Она расстегнула её и начала выкладывать вещи на покрывало, не торопясь, почти деловито, как разбирала бы материалы дела перед заседанием. Пачка влажных салфеток, уже сухих по краям. Фотография найденная в доме у Натт. Фотография была чуть согнута, на углу засохло что-то бурое, и Карма провела по этому месту большим пальцем, не понимая, хочет стереть пятно или проверить, настоящее ли оно.

Потом появилась серёжка. Карма нашла её тогда в грудке камней, в спешке, среди перевернутого дома и битого стекла, и была уверена, что это серёжка Тины. Сейчас уверенность осыпалась. У Тины было столько дешёвых украшений, что она сама не помнила половину, а эту Карма могла видеть на ней один раз или вообще придумать, потому что очень нужно было найти хоть что-то, принадлежащее не пустому дому, а живому человеку. Она положила серёжку рядом с фотографией.

Телефон Ника оказался тяжелее, чем она помнила. Разбитый экран, след от удара на углу, чехол с дурацкой наклейкой, которую он приклеил после спора с Тиной и потом принципиально не снимал, хотя наклейка почти сразу начала отклеиваться. Карма нажала кнопку включения, скорее по привычке, чем с надеждой. Экран не загорелся. Она повернула телефон в руках, посмотрела на чёрную поверхность и попыталась вызвать хоть что-нибудь: его голос, его раздра-

жающее ты опять драматизируешь, его запах сигарет, мятой жвачки и дешёвого парфюма, который он покупал в переходе, потому что разницы никто не чувствует, кроме снобов. Ничего.

Не было ни кома в горле, ни дрожи, ни слёз. Перед ней лежали вещи, которые месяц назад могли бы разорвать её на части, а теперь просто занимали место на сером покрывале. Фотография, серёжка, телефон. Улики из дела, в котором пропали все потерпевшие, все свидетели и сам суд.

Где-то глубоко стало больно. Не остро, не по-человечески, не так, как должно болеть от потери. Эта боль была другой, странно глухой. Она родилась не из страха потерять себя и не из ужаса перед тем, что она больше не умеет любить. Карма почти с раздражением поняла, что не боится этого. Потерять себя звучало слишком драматично для человека, который за последние дни приказал твари уйти и смотрел, как человек разлетается от её желания. Боль была из-за другого: из-за того, что старая жизнь оказалась легче, чем ей казалось. Её можно было сложить на покрывало в три предмета, посмотреть на них сухими глазами и убрать обратно. Не потому что они ничего не значили, а потому что значение осталось там, в месяце, который кто-то вырезал из мира. Оно не перешло за ней сюда.

Карма аккуратно вернула вещи в сумку. Фотографию положила между страницами папки с правилами, сама не зная зачем. Серёжку завернула в салфетку. Телефон Ника сунула

во внутренний карман, где раньше носила документы. Потом сняла футболку и застыла перед зеркалом.

Зеркало было слишком чистым и, скорее всего, не только зеркалом. Карма посмотрела на своё отражение без особого интереса и только через пару секунд заметила то, что должна была заметить раньше. На коже не было ни одной свежей царапины. Ни одной. Локоть, который она ободрала о бетон, был гладким. Плечо, куда попал осколок, не болело и не имело даже бледного следа. На ребре не осталось синяка от удара в машине. Она повернулась боком, подняла руку, провела пальцами по коже. Никаких шрамов. Её тело выглядело так, будто последние дни оно не проживало, а стирало.

Татуировки тоже изменились. Линии на предплечье, раньше чёткие, тёмные, почти злые, стали мягче, серее, будто краска уходила под кожу и растворялась там без спроса. Карма наклонилась ближе к зеркалу. У неё возникло мерзкое чувство, что тело не лечит себя, а редактирует. Убирает лишнее. Исправляет следы. Стирает всё, что не нужно новой версии.

Она легла на кровать поверх одеяла, не выключая свет. Спать не хотелось, хотя тело должно было требовать отдыха. И именно это вернуло её к вопросу, который зацепился ещё на пропускном пункте. Когда она приказала твари уйти, сон накрыл её сразу, грубо, без предупреждения, как мешок на голову. Тогда она даже не успела испугаться собственной силы. Голос сказал, мир послушался, а потом её выключило.

Но с девушкой за пределами Р-12 всё было иначе. Она спасла себя и Виктора, приказала — нет, не приказала, захотела так сильно, что это стало законом, — и усталость не пришла. Не было провала, не было темноты, не было дрожи. Был только звук, кровь, чужое тело, которое перестало быть телом, и её ровное дыхание.

Где проходила грань? В словах? В размере угрозы? В том, кого она трогала — тварь или человека? Или дело было не в силе, а в цене, которую кто-то назначал каждый раз по-разному? Карма закрыла глаза, но мысль продолжала двигаться внутри, как игла под кожей. Если способность забирала силы за один приказ и не забирала за другой, значит, она не была простой. Значит, существовали правила. Плохие, скрытые, чужие правила, и ей придётся понять их раньше, чем Р-12 решит понять их за неё.

Она не заметила, как прошло время. В комнате не было часов, телефон не работал, а свет за окном оставался одинаковым. Р-12 умел лишать день формы. Карма успела принять душ, надеть выданные тёмные брюки и тонкий свитер, который кололся у шеи, дважды прочитать первые страницы правил и возненавидеть пункт житель обязан содействовать в определении общественно полезного направления. Потом в дверь постучали. Не резко, не официально, а костяшками, почти по-домашнему, и это почему-то показалось самым подозрительным.

Она открыла не сразу. За дверью стоял мужчина в обыч-

ной одежде: тёмная рубашка без знаков, расстёгнутая у горла, прямые брюки, мягкие ботинки, в которых можно ходить бесшумно и долго. Карма секунду смотрела на него и не узнавала. Без костюма, без той выверенной официальности, с которой он встретил их раньше, он выглядел моложе и опаснее. Потом он сказал:

— Если ты решила умереть от скуки, предупреждаю, в Р-12 это тоже надо согласовать.

Голос поставил всё на место. Стефан.

Карма опёрлась плечом о косяк и позволила себе рассмотреть его внимательнее, потому что он всё равно пришёл за ней и всё равно знал, что она смотрит. Бледное, почти фарфоровое лицо с чёткими, немного острыми чертами; тёмные волосы зачёсаны назад, но несколько прядей выбились у висков и затылка, нарушая слишком аккуратный образ ровно настолько, чтобы это выглядело не случайностью, а хорошей привычкой. Глаза тёмные, спокойные, внимательные, с прямым холодноватым взглядом человека, который не спешит делать выводы, потому что обычно всё равно оказывается прав. У внешнего угла глаза тянулся небольшой шрам, тонкий, светлый, и он неожиданно делал лицо не красивее даже, а живее. Мужественнее, подумала Карма, и тут же внутренне усмехнулась. Конечно. Мир закончился, браслет потерян, на коже исчезают татуировки, а её мозг решил составить список мужчин, которые могли бы быть её идеальным типом. Особенно прекрасно, что первый кандидат уже успел вести себя

как самодовольный сотрудник похоронного бюро с доступом к секретным этажам.

— Ты без костюма, — сказала она вместо приветствия.

— Я заметил. Очень непривычное чувство, но держусь.

— Я сначала не поняла, кто ты.

— Это самый добрый отзыв о моей внешности за неделю.

Обычно говорят хуже и при свидетелях. Собирайся, Карма, нам нужно продолжить знакомление.

Она не сдвинулась.

— Слово знакомление здесь означает экскурсию, допрос или что-то с иное?

Стефан посмотрел на неё так, будто вопрос был не глупым, а полезным.

— Сегодня без этого, если не испортите статистику. Вам нужно пройти первичное распределение, определиться с направлением, понять, чем вы можете быть полезны городу, и выбрать дом, в котором будете жить. Комната временная, для новоприбывших. Здесь держат людей, пока не станет ясно, кто они такие.

— Удобно. А если не станет?

— Тогда их держат в другом месте.

Он сказал это ровно, без угрозы, но Карме хватило. Она взяла сумку, потом передумала и оставила её у кровати. Уже в коридоре спросила:

— Где Виктор?

Стефан шёл рядом, не впереди и не позади, и это раздра-

жало сильнее, чем если бы он командовал.

— На своей процедуре.

— Это не ответ.

— Это самый безопасный ответ из доступных. Вы пришли вместе, да, и я понимаю, что после дороги люди начинают путать совместное выживание с близостью. Но здесь у вас будет своя жизнь, а у него своя. Р-12 плохо переносит привязки, которые возникли в панике.

— Как гуманно. То есть город спасает людей и сразу объясняет им, что они друг другу никто.

— Город не спасает чувства, Карма. Он спасает функциональность. Чувства, если выживут, обычно сами находят, где им стоять.

Она хотела ответить резко, но слова застряли. Стефан был прав, но слишком легко сказал то, что она сама уже начала понимать. Виктор довёл её до Р-12. Она довела его. На этом договор мог закончиться без подписи, без ссоры и без прощания. В старом мире за такое было бы обидно. В новом это называлось логистикой.

Коридоры жилого сектора оказались шире, чем ей показалось изначально. Стены светлые, пол матовый, не скользкий, каждые двадцать метров — камеры под потолком, спрятанные плохо, будто Р-12 не считал нужным притворяться. Люди попадались редко. Кто-то нёс стопку белья, кто-то разговаривал у панели расписания, одна женщина с маленьким мальчиком остановилась, когда увидела Карму, и быстро от-

вела ребёнка в сторону. Мальчик всё равно обернулся. У него были совершенно седые ресницы.

— Он родился таким? — тихо спросила Карма, когда они прошли дальше.

— Нет.

— Спасибо за развёрнутость.

— Пожалуйста. Я берегу ваши силы перед бюрократией, она здесь опаснее детей с седыми ресницами.

На выходе из сектора им попала группа людей у автомата с горячей водой. Трое мужчин и две девушки, все примерно её возраста, может, чуть старше. Они замолчали слишком поздно. Карма успела услышать обрывки: та самая, за контуром, говорят, она ее разорвала. Одна из девушек, высокая, с выбритым виском и тонкой цепочкой в ухе, посмотрела прямо на Карму и не отвела глаз.

— Что, уже легенда? — спросила Карма, остановившись.

Стефан даже не повернул головы, но его рука легла ей на локоть. Не схватила, а просто оказалась там, как предупреждение.

— Идём.

— Они обсуждают меня.

— Люди обсуждают даже суп, если он странного цвета. Не повышайте им качество утра.

Высокая девушка усмехнулась.

— Мы просто хотели посмотреть, как выглядит человек, который командует чужими кишками.

Карма почувствовала, как внутри что-то коротко и горячо щёлкнуло. Не злость даже, а готовность. Воздух будто стал ближе к губам. Стефан слегка сжал её локоть, и голос его остался спокойным, но стал другим — ниже, без насмешки.

— Не сейчас. Это тупая болтовня, а тупая болтовня не стоит первого нарушения протокола. Вы ещё даже дом не выбрали, будет некрасиво начинать с дисциплинарного сектора.

— Ты всегда так заботливы?

— Нет. У тебя удачный день.

Он повёл её дальше, и Карма пошла, хотя каждый шаг давался с неприятным усилием. Ей хотелось обернуться и сказать что-нибудь такое, после чего девушка больше не улыбалась бы. Это желание было маленьким, злым и опасно ясным. Она почти физически почувствовала, как слово могло бы родиться на языке, и от этого стало холодно. Стефан отпустил её локоть только за поворотом.

— Ты заметила? — спросил он.

— Что я хотела нахамить?

— Что ты хотела не нахамить.

Карма промолчала. Он не стал развивать тему, и за это она была ему благодарна ровно две секунды, после чего они вышли в широкий переход со стеклянной стеной, откуда открывался вид на внутреннюю часть города. Р-12 не был похож на бункер, каким она представляла его снаружи. Он дышал, двигался, перестраивался. Внизу шли люди, проезжали

маленькие грузовые платформы, на крыше соседнего корпуса двое в защитных очках крепили солнечные панели, хотя солнца как такового не было видно. В центре, за несколькими рядами зданий, поднимался парламент — высокий светлый комплекс с наклонными фасадами, похожий одновременно на административное здание, суд и храм для людей, которые больше не верят в богов, но верят в пропуски.

У следующего перехода Карма увидела Виктора. Он шёл навстречу по другой стороне коридора, рядом с рыжей девушкой, внешность которой странно совпадала с её голосом ещё до того, как она заговорила: яркая, выразительная, будто нарисованная широкой кистью. Волосы у неё были цвета меди, собраны небрежно, на лице россыпь веснушек, губы быстрые, глаза зелёные и слишком живые для стерильного света Р-12. Она что-то рассказывала Виктору, активно двигая руками, а он слушал с тем самым закрытым выражением, которое Карма уже успела выучить.

— Оливия, — сказал Стефан, проследив за её взглядом.

Виктор заметил её. Карма увидела это точно: взгляд задержался, узнал, оценил расстояние, Стефана рядом, её одежду, её лицо. И всё. Он не кивнул, не остановился, не изменил шага. Оливия тоже посмотрела на Карму, улыбнулась легко, будто они могли быть представлены на вечеринке, и пошла дальше. Через несколько секунд они разминулись.

Карма не обернулась. Это оказалось проще, чем должно было быть. Даже неприятно проще. Виктор добрался сюда,

как и хотел. Возможно, он всегда знал, что дальше дорога расходится. Возможно, был к этому готов ещё тогда, когда обещал помочь ей дойти. Теперь они не связаны ни тварями, ни дорогой, ни общей опасностью. Р-12 разрезал их молча, без ножа, одной процедурой.

— Вот видишь, — сказал Стефан почти мягко. — Иногда система просто экономит людям длинные разговоры.

— А иногда делает вид, что это забота.

— Тоже верно. Но в твоём случае длинный разговор всё равно был бы плохим. Вы оба не из тех, кто умеет прощаться красиво.

Карма посмотрела на него.

— Ты меня знаешь полчаса.

— Дольше.

Он сказал это слишком буднично. Карма остановилась бы, если бы двери парламента не открылись перед ними с мягким щелчком, и поток людей не втянул их внутрь.

Внутри парламент пах не властью, как она почему-то ожидала, а кофе, нагретой пластиковой проводкой и влажной бумагой. Здесь было много света, стекла и людей с планшетами. Никто не бегал, но все двигались быстро, с выражением лиц, на которых спешка давно стала постоянной чертой. На стенах висели не портреты руководителей, а схемы секторов, графики распределения энергии, списки смен, обновления по внешнему контуру.

Стефан подвёл её к стойке отдела распределения. Жен-

щина за стеклом даже не спросила имя, просто взглянула на экран.

— Карма. Первичная аттестация, блок четыре. Сопровождающий указан. Подпись не требуется.

— Очень люблю, когда за меня всё уже решили, — сказала Карма.

— Милая, если бы за вас всё решили, вы бы сейчас не стояли у моей стойки. Вам бы уже выдали форму и лопату. Проходите в третью дверь.

Стефан тихо хмыкнул.

Тестирование оказалось не похоже на школьные экзамены или психологические анкеты, хотя от обоих взяло самое неприятное. Карму посадили в комнату с гладким столом, стеклянной панелью и камерой в углу. Голос из динамика не представился и просил выполнять задания без уточняющих вопросов. На экране появлялись схемы, тексты, последовательности, карты, чужие инструкции, фрагменты законов Р-12, списки ресурсов, короткие видеозаписи конфликтов. Ей нужно было за минуту понять принцип сортировки, за тридцать секунд найти ошибку в протоколе, выбрать из пяти плохих решений то, которое убьёт меньше людей, запомнить расположение двадцати символов и восстановить его после помех. Один тест показывал миниатюрную модель сектора после аварии: не хватало энергии, медицинский блок просил приоритет, очистка воды падала, внешний датчик фиксировал туман. Карма распределила ресурсы, потом че-

рез две секунды изменила решение, отключив освещение в жилых коридорах и оставив питание на насосах. Экран мигнул зелёным.

Она проходила задания быстро, почти без эмоций. Юридическая привычка выхватывать главное из грязного массива информации оказалась полезнее, чем она думала. Факты, риски, сроки, слабые места формулировок. В одном блоке ей дали спор двух жителей о доступе к медикаментам, и Карма поймала себя на том, что мысленно готовит не ответ, а позицию для обеих сторон, автоматически отмечая, где каждый врёт, где боится, где пытается продавить жалость. В другом блоке нужно было прочитать инструкцию по работе очистного узла и повторить порядок действий. На третьем пункте она поняла, что инструкция специально написана плохо, с пропущенным условием, и сказала это вслух. Камера чуть слышно повернулась.

В какой-то момент ей стало странно от скорости происходящего. Ещё вчера она шла по мёртвому городу, а теперь сидела в чистой комнате и доказывала невидимому голосу, что способна принимать решения для нового общества. Всё было слишком быстро, почти неприлично. Но, возможно, именно так теперь и работал порядок. Нельзя медлить, если мир приходится собирать заново не из красивых идей, а из воды, света, еды, охраны, людей с нестабильными способностями и тумана, который может прийти даже тогда, когда двери закрыты.

После последнего задания экран погас. Динамик щёлкнул.
— Ожидайте результатов.

Динамик молчал. Камера тоже. Она осталась одна.

Ожидание оказалось хуже тестов. Пока на экране были задания, она могла делать вид, что всё под контролем. Теперь мысли вернулись туда, где их никто не занимал. К силе. К голосу. К тому, что ей придётся показывать. Р-12 не мог оставить её способность в графе по словам выжившей. Они захотят увидеть. Записать. Измерить. Сравнить с чужими данными. Возможно, уже сравнили, если Стефан действительно знал о ней раньше, чем она о нём. Карма посмотрела на свои руки. Обычные руки. Чистые ногти, тонкие пальцы, кожа без царапин. Ничего в них не объясняло, почему слово, произнесённое ею, могло стать приговором.

Она попробовала вспомнить ощущение перед приказом твари. Не страх, нет. Там было что-то первобытное, тяжёлое, как камень в груди. Уйти было не просьбой и не командой. Это было единственным вариантом мира, который она могла принять. С девушкой всё было иначе. Там не было слова уми, не было даже чёткой фразы, которую можно положить на бумагу. Было желание остановить её, убрать угрозу, разорвать момент до того, как кровь доберётся до Виктора. Но результат получился таким, будто мир выбрал самый буквальный и самый жестокий способ выполнить не произнесённое до конца.

Дверь открылась без стука. В комнату вошла женщина лет

под сорока, хотя по лицу Карма поняла, что возраст здесь тоже мог быть неточным. Деловитая, строгая, с ухоженными тёмными волосами, собранными низко на затылке, в костюме цвета графита и с тонкими часами на запястье. Не украшение, а инструмент. Она держалась так, будто в старом мире руководила отделом, где люди боялись не крика, а спокойного переделайте.

— Карма, меня зовут Анна. Я отвечаю за финальную часть вашей первичной аттестации.

— Звучит так, будто первые части были разминкой.

— В некотором смысле так и есть. Интеллектуальные и социальные тесты показывают, куда человека можно направить. Но у адаптированных есть ещё один параметр, который нельзя проверить за столом.

— Если вы сейчас скажете душа, я уйду.

Анна посмотрела на неё без улыбки, но и без раздражения.

— Нет. Управляемость.

Карма медленно поднялась.

— Честно. Мне уже почти нравится местная прямота.

— Это ненадолго. Пройдёмте на арену.

Слово упало ровно, без театральности. Анна уже развернулась к выходу, будто приглашала её не на проверку способности, а в бухгалтерию за пропуском. Карма пошла следом. В коридоре Стефана не было. Это почему-то напрягло сильнее, чем его присутствие.

Дорога к арене проходила через нижние уровни парламента, затем по длинному переходу с жёлтой разметкой на полу. Здесь город звучал иначе. Меньше голосов, больше механизмов. Вентиляция гудела под потолком, за стенами что-то глухо двигалось, в воздухе стоял запах озона, резины и нагретого металла. На дверях появлялись предупреждающие знаки: только с допуском, активные испытания, не входить при красном сигнале. Анна шла быстро, но не оглядывалась, уверенная, что Карма не отстанет и не сбежит. В этом тоже была власть.

— Что именно от меня потребуется? — спросила Карма.

— Сначала наблюдение, потом контактная проверка. Никто не будет требовать максимального проявления без подготовки.

— А если моя способность не включается по расписанию?

— Тогда мы зафиксируем это как особенность первичного контроля.

— Вы всё называете так, будто оно уже лежит у вас в таблице.

— Почти всё действительно лежит в таблицах. Это помогает не сходить с ума.

Арена открылась за массивными дверями, и Карма на секунду забыла, что собиралась сказать. Она ожидала зал. Большой, опасный, возможно, с трибунами. Вместо этого перед ней оказался целый комплекс под высоким куполом, разделённый прозрачными силовыми перегородками на сек-

ции разного размера. В одной секции мужчина стоял босиком на металлической платформе, и вокруг его рук вращались каменные осколки, подчиняясь маленьким движениям пальцев. В другой девушка в защитной маске выдыхала тонкую струю белого пара, и всё, чего пар касался, покрывалось инеем. Дальше подросток с бритой головой разогнался и исчезал на два метра, появляясь с хлопком воздуха и падая на маты, где инструктор лениво ставил отметки в планшете. Где-то справа женщина подняла ладонь, и манекен сложился внутрь, будто его сжала невидимая рука.

Звуки накладывались друг на друга: команды тренеров, удары, короткий смех, предупреждающие сигналы, треск разрядов, глухой хлопок защитного поля. Люди здесь выглядели иначе, чем в коридорах. Не спокойнее и не свободнее, а честнее. На арене никто не притворялся обычным. У каждого была своя деформация мира, и каждый учился делать её полезной или хотя бы не смертельной для соседей.

Карма увидела Стефана почти сразу. Он стоял у края одной из секций, разговаривая с техником, и держал в руках тонкие перчатки с металлическими вставками. Увидев её, он что-то сказал технику, тот быстро отошёл. Стефан направился к ней без спешки, всё в той же тёмной рубашке, только рукава теперь были закатаны до локтей. На коже предплечий виднелись тонкие светлые линии старых ожогов или шрамов, и Карма вдруг подумала, что его гладкое лицо обманывает. Остальное тело, возможно, помнило куда больше.

— Вы быстро, — сказал он.

— Я старалась провалить тесты, но, кажется, система любит токсичных отличниц.

— Система вообще любит людей, которые читают условия задачи до конца. Их мало, они ценятся.

Анна остановилась рядом с ними.

— Стефан будет вашим спарринг-партнёром на первичной проверке. Задача — оценить реакцию на угрозу, устойчивость к давлению и возможность безопасного выхода из проявления.

Карма посмотрела на него.

— Вы шутите.

— Иногда, но сейчас нет, — сказал Стефан. — И прежде чем ты начнёшь возмущаться, уточню: я не буду тебя убивать, калечить или доводить до красивого нервного срыва. Наша цель — понять, что именно запускает твою способность.

— А если её запустит желание, чтобы вы заткнулись?

— Тогда мы получим ценные данные, а я — долгожданный отдых.

Анна протянула Карме тонкий датчик. На секунду Карма машинально посмотрела на левое запястье, туда, где раньше был мамин браслет. Пустая полоска кожи показалась чужой. Новый датчик был холодный, без памяти. Она застегнула его сама.

— Правила простые, — сказала Анна. — Не покидать

сектор, не снимать датчик, не использовать словесные команды за пределами обозначенного сценария без предупреждения. Если услышите сигнал остановки, прекращаете действие немедленно.

Карма усмехнулась.

— Вы правда думаете, что я умею прекращать?

— Нет. Поэтому проверка и нужна.

Стефан открыл проход в секцию. Пол внутри был тёмный, пружинящий, с круговой разметкой и несколькими металлическими стойками по краям. В потолке двигались линзы камер. Карма вошла первой, чувствуя, как зал постепенно отдаляется за прозрачной стеной. Снаружи люди продолжали тренироваться, но звук стал глуше. Анна осталась у пульта. Стефан встал напротив, на расстоянии десяти шагов, надел перчатки и пошевелел пальцами, проверяя посадку. Он выглядел слишком спокойно для человека, который собирался стать угрозой.

— Что мне делать? — спросила Карма.

— Сначала ничего. Просто стой и не пытайся выглядеть храбрее, чем есть. Это обычно мешает.

— А ты будешь выглядеть умнее, чем есть?

— Мне не надо стараться.

Она хотела ответить, но в этот момент воздух изменился. Волосы на руках поднялись, в зубах появилась тонкая металлическая дрожь. Стефан опустил плечи, сделал один короткий вдох, и свет над ареной мигнул. Где-то далеко ударил

гром, хотя над ними был купол, стены, уровни бетона и металл. Потом молния сорвалась с его правой руки.

Не просто вспышка. Не киношная красивая линия. Это был бело-синий удар с рваным краем, настолько яркий, что Карма моргнула уже после того, как он врезался в одну из металлических стоек. Грохот прошёл через пол и грудную клетку, а стойка раскалилась по верхнему краю. Второй разряд ударил в другую сторону, точно, почти лениво, будто Стефан не выпускал силу, а ставил подпись. Третий расколол воздух между ними и ушёл в потолочный поглотитель, заставив защитное поле вспыхнуть сеткой.

Карма застыла. Все её мысли, которые ещё секунду назад пытались выстроить план, испарились. Она видела перед собой не насмешливого проводника, не мужчину с фарфоровым лицом и шрамом у глаза, не идеальный тип, который крайне невовремя обнаружился в городе после конца света. Она видела мощь. Чужую, точную, дисциплинированную мощь, от которой пахло грозой и горячей пылью. Стефан стоял в центре этой грозы совершенно спокойно, и от этого было страшнее, чем от самого грома.

— Твоя очередь, Карма, — сказал он, и голос его прошёл сквозь затихающее электричество почти мягко. — Не надо побеждать. Просто покажи, где у тебя начинается край.

Она открыла рот и не произнесла ни слова. Впервые за всё время ей действительно не пришло в голову, что делать дальше. Она была слабее, а Р-12 оказался сильнее. Где-то

между потерянным браслетом, пустотой над фотографией, равнодушным взглядом Виктора и молниями Стефана возникла новая, очень удобная неправда. Она звучала почти разумно: будто ей ещё позволят самой выбрать, кем стать.

Эта ложь не нуждалась в номере на полях и не просилась в красивую фразу. Она раскатилась по арене вместе с громом, восьмая по счёту и первая по-настоящему взрослая: Карма вдруг поняла, что выбор уже начался, только спрашивать её никто не собирался.

Глава 10

Карма стояла в круге разметки и смотрела на почерневшую стойку, в которую несколько секунд назад ударила молния. Металл ещё держал тепло, воздух пах озоном, сухой пылью и перегретой изоляцией. Защитная стенка перед секцией медленно гасила остаточное свечение. За соседними перегородками тренировка продолжалась почти без паузы: кто-то отрабатывал броски каменных осколков, кто-то падал на мат, инструктор у дальней линии делал пометки на планшете. Всё выглядело слишком рабочим для места, где только что рядом с ней прошёл разряд, способный прожечь человека насквозь.

Стефан стоял напротив спокойно, без показного превосходства. Электричество больше не срывалось с его рук, только тонкие голубые вспышки иногда проходили под кожей предплечий, как остаточный ток по скрытой проводке. Он показал не угрозу, а уровень контроля, и от этого Карме стало неприятнее, чем если бы он просто пытался её напугать. Пугать было бы понятнее.

— Продолжаем, — сказала Анна через динамик. Её голос был ровным, почти усталым. — Карма, вы остаётесь в круге. Стефан не приближается без команды. Воздействие только первого уровня. Если появится боль, потеря ориентации, провалы в памяти или давление в голове, вы сообщаете сра-

зу.

Карма посмотрела на стекло наблюдательной арены. За ним различались силуэты людей, но лица скрывал отражающий слой. Её снова поставили в центр схемы, где все остальные знали правила лучше неё. Это было даже не унижительно. Хуже. Это было буднично.

— Если я ничего не почувствую, это тоже нужно сообщать? — спросила она.

— Да. Отсутствие реакции тоже результат.

— Удобно.

Стефан чуть повернул голову к ней, но не улыбнулся. В прошлые минуты он говорил больше, пытался снизить напряжение короткими замечаниями, но сейчас, кажется, тоже понял, что у Кармы кончается терпение. Он выглядел собранным и внимательным, не как человек, которому интересно посмотреть на новую способность, а как тот, кто знает, как быстро проверка может стать аварией. Это тоже раздражало. Простая угроза была бы честнее, чем осторожность, встроенная в чужой протокол.

Из пола между ними поднялась небольшая платформа. На ней стоял серый металлический куб с потёртой маркировкой. У куба были царапины по углам и следы старых ударов, будто до Кармы его уже много раз просили быть полезным в чужих экспериментах.

— Объект один, неживой, без автономной системы, — сказала Анна. — Задача: заставить его сдвинуться к краю

платформы. Используйте прямую команду.

Карма посмотрела на куб. Он ничего в ней не вызывал. Ни страха, ни злости, ни желания доказывать. Только раздражение от того, что все ждут реакции на предмет, который не имел к ней никакого отношения. Куб был кубом.

— Сдвинься к краю, — сказала она.

Куб остался на месте. Где-то у пульта коротко пискнул прибор. Анна выдержала паузу, потом велела повторить. Карма повторила тем же тоном, уже без надежды на результат. Ничего не произошло. Она попыталась поймать ощущение, которое было на трассе, когда слово стало не просто звуком, а единственной возможностью выжить. Тогда приказ вышел из неё сам, без расчёта и подготовки. Сейчас перед ней стоял металлический куб, и заставить себя по-настоящему хотеть его движения было невозможно. Она могла произнести нужные слова хоть сто раз, но внутри они оставались пустыми.

Платформа опустилась, и вместо неё из пола поднялся манекен. Белый пластиковый торс с шарнирными руками, гладкая голова без лица, на груди красная мишень и несколько датчиков под прозрачной лентой. Никаких лишних деталей, никакого имени, никакой попытки сделать его похожим на человека больше, чем требовалось для теста. И всё равно на гладкую голову было неприятно смотреть.

— Объект два, имитатор биомеханики, без сознания и болевой реакции, — продолжила Анна. — Задача: заставить

манекен опуститься на колени.

Карма задержала взгляд на мишени. Манекен был почти человеком и совсем не человеком, и это создавало странное сопротивление. Приказывать кубу было бессмысленно, приказывать этой вещи — неприятно.

— На колени, — сказала она.

Манекен не двинулся. Карма повторила команду, тише и жёстче. Результата не было. Стефан стоял за своей линией и не вмешивался. Его молчание давало понять, что он тоже не видит в происходящем настоящего триггера. Анна, наоборот, будто подтверждала заранее известную гипотезу.

— Фиксируем отсутствие реакции на неживые объекты без угрозы, — сказала она. — Переходим к контролируемому взаимодействию с адаптированным партнёром. Стефан, первый уровень, дистанция сохраняется.

Стефан поднял правую руку. Разряд собрался у него в ладони тонкой синей нитью, прошёл между пальцами и погас, не сорвавшись наружу. Карма почувствовала, как тело напряглось раньше мысли. Она знала, что он не целится в неё, но тело не доверяло этому знанию. Оно помнило звук удара по металлу, вспышку, горячий воздух у лица.

— Твоя задача — остановить меня, — сказал Стефан. — Не сильнее. Просто остановить. Если не получается, говоришь сразу.

— А если получится слишком хорошо?

— Я скажу.

Он поднял руку снова. Разряд ударил в стойку справа от неё, на безопасной дистанции, но достаточно близко, чтобы воздух хлопнул и в ушах стало глухо. Карма вздрогнула, но не вышла из круга.

— Остановись, — сказала она.

Стефан не остановился. Второй разряд прошёл по нижней дуге и ударил в пол у линии разметки. Искры коротко расползлись по покрытию и тут же погасли. Карма заставила себя не сделать шаг назад. Страх было меньше, чем нужно для силы. Раздражения — больше. Она понимала, что её проверяют, подбирают условия, смотрят, где в ней находится рычаг, и именно это делало каждый новый разряд не опасностью, а чужим нажимом на закрытую дверь.

— Ещё раз, — сказала Анна.

Стефан на этот раз не сразу поднял руку. Он посмотрел в сторону арены.

— У неё нет реакции на угрозу, которую она считает управляемой.

— Это не ваш вывод, — ответила Анна.

— Это наблюдение.

— Продолжайте.

Стефан подчинился, но Карма увидела, что ему это не нравится. Третий разряд прошёл выше, по дуге над её плечом, не касаясь, но близко. Волосы у виска поднялись, во рту появился металлический привкус. Она резко вдохнула и сказала:

— Остановись.

Слово прозвучало крепче, чем раньше, но силы в нём не было. Стефан опустил руку сам, по собственной воле, и тем самым только подтвердил: её приказ не сработал. Анна молчала несколько секунд, и в этой паузе Карма почувствовала, что следующий этап будет не техническим. Воздух за стеклом изменился. Люди наверху что-то обсуждали без микрофона, силуэты смещались, один из экранов на пульте сменил цвет с серого на жёлтый.

— Переходим к контекстному стимулу, — сказала Анна.

Стефан повернулся к стеклу. В его голосе не было резкости, но появилась граница.

— Нет. Сначала медицинская оценка после трёх разрядов.

— Показатели в норме.

— Я сказал не о показателях.

— Протокол продолжается. Уровень угрозы не повышается.

Карма посмотрела на него, потом на стекло. Она не знала, что означает «контекстный стимул», но само слово показалось хуже молнии. Угрозу можно увидеть. Контекст — это когда решают за тебя, какая часть твоей боли должна стать инструментом.

— Мне не нравится это слово, — сказала Карма.

Анна не ответила. Она дала знак оператору, и боковая панель арены открылась. Из стены бесшумно выехал прозрачный контейнер на низкой платформе. Внутри лежали три

предмета: телефон Ника, серёжка, найденная у руин дома Тины, и фотография с Натт и Дэном. Их не бросили как попало и не спрятали в коробку, наоборот, разложили слишком аккуратно, с той сухой точностью, которая делала происходящее ещё хуже. Каждый предмет лежал отдельно, под тонким фиксатором, будто был не личной вещью, а образцом для лабораторного анализа.

Карма смотрела на контейнер несколько секунд и не двигалась. Внутри не было резкой вспышки, не было красивой ярости, не было желания закричать. Сначала появилось только очень холодное понимание: кто-то вошёл в её комнату, открыл то, что не должен был открывать, взял то, что не принадлежало Р-12, и теперь поставил перед ней как часть испытания. Они не просто нарушили порядок. Они решили, что её согласие не требуется, если предметы можно использовать для результата.

— Вы взяли это из моей комнаты, — сказала Карма.

Анна не ответила сразу. Она посмотрела на показатели, потом на контейнер, будто пыталась выбрать формулировку, которая будет звучать достаточно нейтрально.

— Предметы были временно изъяты для контекстного стимула. Повреждение не планировалось.

— Я не спрашивала, планировали ли вы повреждение. Я сказала, что вы взяли это из моей комнаты.

Стефан стоял у боковой линии и не вмешивался. До этого он следил за сектором как за рабочей зоной, но теперь

его внимание изменилось. Он смотрел не на контейнер, а на Карму, будто ждал не взрыва, а момента, когда обычные слова перестанут быть обычными.

— Да, — сказала Анна. — Доступ был санкционирован. Карма медленно перевела взгляд с контейнера на стекло.

— Кем?

— Руководителем испытания.

— То есть вами.

Анна выдержала паузу.

— Да.

Это признание ничего не исправило. Телефон, серёжка и фотография всё ещё лежали внутри контейнера, отделённые от неё прозрачной стенкой, фиксаторами и чужим решением. Карма не думала о том, почему эти вещи важны, не перебирала в голове имена и не позволяла памяти увести её из настоящего момента. Сейчас имело значение только одно: они были у неё, а Р-12 забрал их без разрешения.

— Не трогайте, — сказала она.

Слово вышло негромким. Даже слишком спокойным. Но арена отозвалась сразу.

Не только подставка. Всё вокруг. Лезвия в соседней секции замерли в воздухе, платформа под контейнером остановилась с едва заметным перекосом, свет моргнул, погас на долю секунды и вернулся более холодным. Защитная стена вспыхнула белой сеткой, а потом сетка застыла, как рисунок на стекле. Даже дальние звуки арены будто провалились в

ватную прослойку. Мужчина с камнями за соседней перегородкой выронил один осколок; тот ударился о пол и остался лежать, хотя секунду назад должен был снова подняться. Инструктор с планшетом поднял голову, замер, а потом медленно убрал стилус в нагрудный карман.

Карма не двигалась. Она почувствовала приказ не как удар, а как давление изнутри наружу. Будто в груди раскрылась тяжёлая дверь, и за ней оказалось не слово, не голос, а чистое намерение. Не трогайте. Не присваивайте. Не решайте за меня, что является болью.

Стефан повернулся к ней медленно, осторожно.

— Карма.

— Не сейчас.

— Посмотри на меня.

— Не командуй.

— Я прошу.

Просьба не ударила по ней, не вошла под кожу, не попыталась согнуть. Она просто прозвучала рядом, и Карма смогла перевести взгляд с контейнера на него. Стефан стоял ближе, чем должен был по разметке. Манжеты на его перчатках мигали красным. По краям металлических вставок шли мелкие искры, но он не собирал разряд. Его лицо оставалось собранным, только у виска выступила капля пота, очень неуместная среди холодного света и застывших механизмов.

— Ты держишь не только платформу, — сказал он тихо.

Карма не сразу поняла. Потом почувствовала. Да. Она

удерживала не подставку. Она удерживала секцию. Стену. Свет. Часть системы безопасности, которая пыталась решить, авария это или нет. Где-то под полом гудели блоки стабилизации, но гул не мог развернуться в действие. Пространство вокруг неё стало слишком плотным.

— Я не знаю, как отпустить, — сказала она.

И впервые в голосе появился страх. Небольшой, но настоящий.

— Тогда не отпускай всё сразу, — сказал Стефан. — Только дыши. Я рядом. Не приближаюсь.

— Я дышу.

— Слишком поверхностно.

Карма хотела ответить, но в этот момент где-то сверху взвыла тревога. Не громко, не как пожарная сирена, а тонко и настойчиво. Красная полоса света пробежала по основанию секции. За стеклом Анна говорила с кем-то быстро и без микрофона. Техник с карандашом за ухом уронил карандаш, попытался поймать, не поймал и посмотрел на пол так, будто эта мелочь окончательно испортила ему смену.

Боковая дверь открылась.

В секцию вошла Оливия.

Без маски. Без того закрытого костюма, в котором Карма впервые видела её на улице Р-12. На ней был серый медицинский комбинезон с закатанными рукавами, поверх — короткий белый халат, явно надетый наспех и застёгнутый только на две кнопки. Медные волосы были собраны в небрежный

узел на затылке, из которого выбилась прядь и прилипла к щеке. Веснушки под резким светом казались темнее, а на переносице краснел след от защитных очков. На груди висел бейдж: «Оливия Рейн. Медицинский блок / адаптация». Рядом с бейджем была приколотая маленькая эмалевая булавка в виде облезлой белой лисы; один глаз у лисы был стёрт до металла.

— Оливия, сектор не очищен, — прозвучал голос Анны из динамика.

— Я вижу, — ответила Оливия, не повышая голоса. — Отключите внешний звук. Сейчас не надо говорить с ней через динамик.

— Протокол требует связи с сектором.

— Связь оставьте мне. Динамик выключите.

Пауза длилась всего пару секунд. Потом динамик щёлкнул и замолчал. Тревога осталась, но стала тише, будто её перевели в другой контур.

Оливия остановилась не слишком близко. Ровно на таком расстоянии, чтобы Карма не почувствовала себя зажатой. Стефан чуть сместился в сторону, освобождая ей линию взгляда, и это движение было маленьким, но точным. Карма заметила это и не стала отворачиваться.

— Карма, — сказала Оливия. — Я не буду подходить без твоего согласия.

Карма смотрела на неё и молчала.

— Ты слышишь меня нормально? Без искажения?

— Слышу.

— Хорошо. Я не пришла тебя отключать. Я пришла вывести тебя отсюда.

— Они взяли мои вещи.

— Да, — сказала Оливия. Без оправданий. — Взяли.

Карма моргнула. Такой ответ сбил сильнее, чем если бы Оливия начала защищать Р-12.

— И это нормально?

— Нет. Это было ошибкой.

Стефан стоял сбоку, его перчатки продолжали мигать красным. Оливия коротко посмотрела на них.

— Стефан, правую руку не закрывай. Я вижу перегрев.

— Сейчас не важно.

— Важно. Просто не первым пунктом.

Он чуть отвёл руку в сторону и больше не спорил. Карма с раздражением поняла, что от этой короткой, спокойной перепалки дышать стало немного легче. Оливия не говорила «успокойся». Не называла её состояние «эпизодом». Не пыталась сделать вид, что ничего серьёзного не произошло. Она стояла среди застывшей арены и обращалась к Карме так, будто та всё ещё человек, а не сбой в системе безопасности.

— Я не могу остановить это, — сказала Карма. — Я не знаю, где оно заканчивается.

— Тогда не будем искать конец сразу, — сказала Оливия.

— Отделим одно от другого. Сначала свет. Потом платфор-

му. Вещи останутся с тобой.

— Вы уверены?

— Нет. Но это безопаснее, чем пытаться отпустить всё разом.

Карма снова посмотрела на контейнер.

— Я хочу, чтобы они вернули это.

— Вернут. Я заберу контейнер в медблок при тебе. Никто не будет вскрывать его без тебя.

— Почему я должна вам верить?

Оливия не ответила сразу. Быстрый ответ прозвучал бы как заготовка.

— Не должна. Доверься не мне, а порядку ближайших действий. Ты не держишь всю секцию одна. Я не трогаю тебя и не даю приказов. Стефан стоит там, где ты его видишь. Контейнер едет с нами. Медблок рядом, без арены и динамика. Пять минут. Потом решишь дальше.

Карма слушала. Слова не давили. Они раскладывали пространство на понятные части: она, Оливия, Стефан, контейнер, медблок. Пять минут. Не Р-12 целиком. Не весь день. Пять минут можно было выдержать.

Карма сделала вдох. Не по счёту, не по команде. Просто вдох. Воздух вошёл с трудом, будто грудная клетка была заперта изнутри. Она попыталась отделить свет от контейнера. Не вещи. Не телефон Ника, не серёжку, не фотографию. Только лампы в потолке. Пусть светит. Свет не виноват. Лампы мигнули. Белая сетка на защитной стене дрогнула, ли-

нии поплыли и исчезли. Где-то в соседней секции каменный осколок приподнялся на сантиметр и с тихим стуком снова упал.

Карма почувствовала, что под полом снова заработал один из блоков стабилизации. Гул развернулся осторожно, не сразу. Давление в груди осталось, но стало не таким широким. Оно больше не занимало всю арену.

— Теперь контейнер, — сказала Карма.

— Не контейнер, — мягко ответила Оливия. — Платформу под ним. Вещи остаются твоими. Платформа может двигаться.

Карма закрыла глаза на секунду. Перед внутренним зрением вспыхнул экран телефона Ника, серёжка в пыли, фотография под прозрачным фиксатором. Она открыла глаза обратно. Нельзя было уходить туда. Не сейчас. Сейчас нужно было позволить платформе двигаться, не отдавая то, что на ней лежит.

Платформа дёрнулась. Вся арена будто вздрогнула вместе с ней. Стефан сделал едва заметный шаг, но остановился, когда Карма резко посмотрела на него. Оливия не двинулась.

— Нормально, — сказала она. — Ничего не повреждено.

Карма выдохнула, и контейнер медленно поехал к боковой двери. Очень медленно, с короткими паузами, будто механизм проверял каждый сантиметр пути. Но он ехал. Когда контейнер миновал линию разметки и остановился рядом с Оливией, тревога окончательно стихла. Свет стал ровнее. За-

щитные панели разблокировались с сухим щелчком. Люди в соседних секциях зашевелились не сразу, а по одному, будто каждому нужно было отдельно вспомнить, что движение снова разрешено.

Карма пошатнулась. Не сильно, но Стефан заметил.

— Я сама, — сказала она раньше, чем он успел что-то сделать.

Он остановился.

Оливия подошла к контейнеру и проверила фиксаторы. Потом посмотрела на Карму.

— Я беру его за ручку. Только контейнер. Не содержимое. Можно?

Карма кивнула. Оливия дождалась именно этого кивка и только потом подняла контейнер с платформы. Пальцы у неё были тонкие, с короткими ногтями, на одном остался облупившийся след тёмно-зелёного лака. Странная деталь. Карма уцепилась за неё взглядом, потому что облупившийся лак был реальнее протоколов, молний и стеклянных арены.

— Идём в медблок, — сказала Оливия. Потом, чуть тише, добавила: — Это не приказ. Я предлагаю выйти отсюда до того, как здесь станет слишком много людей.

Карма посмотрела на стекло арены. За отражающим слом двигались тени. Анна стояла неподвижно, но Карма чувствовала её взгляд так же ясно, как холод на коже после разряда.

— Она придёт?

— Не сейчас, — сказала Оливия. — Я закрою доступ до осмотра.

Медицинский блок находился недалеко от арены, но идти туда пришлось через технический коридор. Оливия шла рядом с Кармой, не поддерживая её под руку, но достаточно близко, чтобы успеть среагировать. Контейнер с вещами она несла сама, прижав к боку так, чтобы Карма постоянно видела прозрачную крышку. Стефан шёл с другой стороны, уже без правой перчатки. Его ожог выглядел не страшно, но неприятно: тонкая красная полоса, как след от раскалённой проволоки. Карма один раз посмотрела, второй раз уже заставила себя отвернуться. Ей не хотелось добавлять к нему сочувствие. Оно усложняло картину.

В коридоре было менее стерильно, чем в основной части Р-12. По потолку шли открытые кабели, на стенах висели схемы эвакуации, рядом с одной дверью кто-то оставил коробку с использованными датчиками для переработки. На крышке коробки маркером было написано: «НЕ БРАТЬ. ЖИВЫЕ». Ниже другим почерком добавили: «ПРОВЕРЯТЬ ДВАЖДЫ». Здесь город казался не монолитом, а рабочим механизмом, который постоянно чинят на ходу. Карма не знала, лучше это или хуже. Ненавидеть безликую систему было проще, чем место, где у дверей остаются чужие пометки, а врачи спорят с протоколами не ради красивых слов, а потому что видели, чем заканчивается чужая поспешность.

Оливия свернула у серой двери с зелёной полосой. Замок

пискнул, но не открылся. Она приложила бейдж второй раз, без раздражения, только коротко выдохнула носом. На третий раз дверь всё-таки отъехала в сторону.

В медблоке было тихо. Три койки за полупрозрачными перегородками, шкаф с препаратами, диагностическая стойка, экран с показателями. Никаких попыток сделать помещение уютным, но и больничной мёртвости в нём не было. На узкой полке стояла крошечная пластиковая коробка с ватными палочками, а рядом — кружка с трещиной у ручки, аккуратно замотанной прозрачной лентой. Почему-то именно эта трещина окончательно убедила Карму, что Оливия здесь действительно работает, а не просто появилась как часть аварийного протокола.

Оливия поставила контейнер на столик рядом с койкой у стены и развернула его так, чтобы Карма видела все три предмета.

— Здесь. При тебе. Я не открываю, не перекладываю и не трогаю содержимое. Садись. Ложиться не нужно, если не тянет.

Карма села. Койка была жёсткой, покрытие холодным даже через одежду. Это раздражало и одновременно помогало оставаться в настоящем. Оливия закрепила на её пальце датчик, проверила зрачки, пульс, реакцию на свет, затем несколько секунд смотрела на показатели. Пить или есть она не предложила, и Карма отметила это с облегчением. В Р-12 хотя бы знали собственную физиологию: сильные адаптиро-

ванные после проявления не нуждались в воде и еде, их тела работали иначе, и попытка обращаться с ними как с обычными истощёнными людьми была бы ошибкой.

— Показатели стабильные, — сказала Оливия. — Истощения нет, обезвоживания быть не должно. Гул в голове по шкале от одного до десяти?

— Четыре.

— Растёт?

— Нет. Держится ровно.

— Память за последние десять минут цельная?

Карма подумала, прежде чем ответить. Она помнила разряды, куб, манекен, контейнер, стекло арены, Стефана, Оливию, коридор. Всё было на месте, но казалось слишком ярким по краям.

— Да. Только ощущения как после сильного шума.

— Запишу. Тошнота, провалы в зрении, давление за глазами?

— Нет.

Оливия внесла что-то в планшет, потом повернулась к Стефану.

— Руку.

Он сел на соседнюю койку и протянул предплечье. Оливия обработала ожог прозрачным гелем. Стефан не дёрнулся, но челюсть у него напряглась. Карма увидела это и отвернулась, чтобы не смотреть слишком явно. Сочувствие всё равно успело появиться, мелкое и вредное.

— Это из-за меня? — спросила она.

— Нет, — ответил Стефан. — Из-за перегрева перчатки.

— Перчатка перегрелась из-за секции, которую я остановила.

— Частично. Но это не то же самое, что вина.

Оливия закрепила тонкую повязку на его руке.

— На сегодня оба без тренировок и испытаний. Карма — под наблюдение. Стефан — без перчаток минимум шесть часов.

— Достаточно четырёх, — сказал он.

— Шесть, — повторила Оливия. — И контроль через два часа.

Стефан больше не спорил.

Карма посмотрела на контейнер. Теперь, когда вещи были рядом, злость не исчезла, но стала плотнее, спокойнее. Не пожар, а камень. Телефон Ника всё ещё был под фиксатором. Серёжка лежала рядом, маленькая, почти бессмысленная для любого, кто не стоял возле руин того дома. Фотография с Натт и Дэнном была чуть загнута по углу, и Карма заметила это сразу.

— Я хочу забрать их, — сказала она.

Оливия кивнула.

— Заберёшь. Я оформлю возврат из изъятия через медблок. Так их сложнее будет снова забрать без согласования.

— То есть это всё равно нужно оформлять.

— Да. Иначе система оставит их в материалах протокола.

— Они не материалы.

— Теперь это будет записано отдельно.

Карма не удержалась и посмотрела на Стефана. Тот сидел с перевязанной рукой и молчал. Без перчатки он выглядел менее опасным, но не мягким. Просто человеком, которому тоже приказали стоять в чужой схеме, и он знал, где в этой схеме острые края.

— Ты знал? — спросила она.

Он понял сразу.

— Нет.

— Если бы знал?

— Попытался бы остановить до арены.

Ответ был слишком прямым, чтобы его удобно было ненавидеть. Карма коротко кивнула, хотя не собиралась ни прощать, ни благодарить. Сейчас ей хватало того, что он не стал юлить.

Оливия сняла датчик с её пальца.

— Состояние стабильное. Наблюдение ещё час, но не обязательно на койке. Можно остаться здесь. Можно уйти в жилой сектор. Я внесу запрет на повторные тесты до завтрашнего осмотра.

— Анна сможет его обойти?

— Теоретически — да. Практически ей понадобится медицинское обоснование и несколько согласований. Сегодня это займёт время.

Карма опустила взгляд на свои руки. Пальцы не дрожали.

Это почему-то пугало больше, чем если бы дрожали. После того, что случилось, тело вело себя слишком исправно. Ни слабости, ни нормальной усталости, ни желания воды. Только гул в голове и чувство, что внутри неё есть комната, куда она случайно открыла дверь, а теперь боится туда заглядывать.

— Почему я не отключилась? — спросила она.

Оливия перестала печатать. Стефан тоже посмотрел на неё.

— После первого раза я отключилась, — сказала Карма. — После твари. После второго — нет. Сейчас тоже нет. Почему?

Вопрос повис в медблоке тяжелее всех предыдущих. Оливия не стала изображать, что у неё есть готовый ответ.

— Не знаю, — сказала она. — Возможно, тело адаптируется к проявлению. Возможно, первый раз был грубее из-за внешних условий. Возможно, дело не только в силе приказа, а в том, насколько он совпадает с твоим внутренним состоянием. Когда воля цельная, сопротивление меньше. Но это пока предположение.

— Опасное предположение.

— Да. Поэтому я и не запишу его как вывод.

Оливия закрыла планшет и встала.

— Я отпускаю вас обоих. Карма, контейнер забираешь с собой. В жилом секторе тебе должны были назначить постоянную комнату. Я проверю запись после вашего ухода и за-

креплю возврат вещей.

Стефан поднялся первым. Правую руку он держал свободной, не пряча повязку. Карма взяла контейнер. Он оказался легче, чем она ожидала, и от этого внутри неприятно кольнуло. Слишком мало веса для всего, что осталось от людей, которых она искала. Телефон, серёжка, фотография. Три предмета, которые Р-12 сумел превратить в рычаг за одно утро.

У технического выхода Оливия остановила их.

— Карма.

Та обернулась.

— Я не буду оправдывать то, что произошло. Но после сегодняшнего они будут осторожнее. Не добрее. Осторожнее.

— Это должно успокоить?

— Нет. Просто имей в виду.

Карма ничего не ответила. Оливия не стала задерживать её дальше.

Они вышли из медблока. За спиной арена возвращалась в обычное состояние: щиты опускались, пластины убирались в пол, где-то щёлкали реле. Тренировки, наверное, скоро продолжатся. Кто-то снова будет бросать камни, кто-то падать на мат, инструктор снова станет писать в планшете свои пометки. Р-12 умел пережёвывать происшествия и возвращаться к расписанию. Карма пока не знала, вызывает это уважение или тошноту.

Стефан шёл рядом молча. Без перчатки он казался чуть менее собранным, будто у него забрали часть привычной

брони. Карма несла контейнер обеими руками, хотя можно было одной. Ей не нравилось ощущение прозрачного пластика под пальцами. Хотелось открыть его прямо в коридоре, вытащить вещи и спрятать в сумку, но Оливия была права: лучше сначала провести возврат так, чтобы Р-12 не смогла снова назвать их материалами протокола.

Оставался ещё один вопрос. Не закрытый, не мелкий, но отложенный всеми так естественно, будто жильё было чем-то вроде приложения к медицинскому осмотру.

— Стефан, — сказала Карма.

— Да.

— Где я теперь живу?

Он посмотрел на неё. В его взгляде впервые за день появилось что-то похожее на осторожное сочувствие. Не жалость. Жалость она бы заметила сразу. Именно сочувствие, от которого становилось не легче, а сложнее.

— Уже назначили постоянный сектор. Я должен был отвести тебя туда после аттестации.

— После аттестации, которая почти сорвала арену?

— Да.

— Надёжный порядок.

— День вышел тяжёлым, — сказал он. — Но комната должна быть нормальной.

Карма посмотрела на него с подозрением.

— «Должна быть»?

— Я не видел её. Но жилые сектора обычно спокойнее

временных.

— Обычно.

— Да. Это лучшее слово, которое у меня есть.

Они свернули от технических коридоров к жилым уровням. Пространство менялось постепенно: меньше открытых кабелей, больше ровных стен, мягче свет, на полу не разметка, а матовые панели с тонкими линиями навигации. По пути им встретилась женщина с корзиной чистого белья; она остановилась, увидела повязку на руке Стефана, контейнер у Кармы, их лица и молча пошла дальше быстрее. У лифта подросток пытался приклеить отвалившийся номер на стенд объявлений, но клей тянулся ниткой и лип к пальцам. Он тихо выругался, заметил Стефана и тут же сделал вид, что просто рассматривает стенд.

Р-12 жил. Не красиво, не свободно, не счастливо, но жил. Кто-то носил бельё, кто-то чинил указатель, кто-то оставлял пометки на коробках с датчиками. Это мешало ненавидеть город целиком. Очень неудобное свойство.

— У вас тут всегда так? — спросила Карма.

— Как?

— Как будто всё держится на людях, которым некогда объяснять.

— Часто так и есть.

Лифт поднял их на жилой уровень без музыки. Стефан провёл её по длинному коридору с одинаковыми дверями. У каждой — маленькая табличка, узкая световая полоса стату-

са, встроенный замок. Не дом. Слишком аккуратно. Но и не камера. Слишком много попыток сделать пространство пригодным для жизни.

У одной двери он остановился.

— Здесь.

Карма посмотрела на табличку. На ней уже было её имя: «Карма». Без фамилии. Без номера дела. Просто имя, с которым она теперь проходила через их системы. Р-12 успел внести его в базу быстрее, чем успел научиться спрашивать разрешение.

— Быстро, — сказала она.

— Здесь быстро оформляют всё, что можно внести в систему.

Он приложил свой допуск к панели, потом передумал и убрал руку.

— Лучше тебе самой. Иначе замок может привязать доступ ко мне как к сопровождающему.

— Что делать?

— Ладонь к панели. Биометрия уже внесена после регистрации.

Карма посмотрела на замок.

— Конечно.

Стефан не стал оправдываться.

Карма поднесла ладонь к панели. Замок мигнул зелёным. Дверь открылась почти бесшумно, и изнутри пахло прохладным чистым воздухом, новым пластиком, свежевывисти-

ранной тканью и чем-то едва уловимым, похожим на строительную пыль. Комнату явно подготовили недавно. Или очень старались сделать вид, что подготовили.

Она стояла на пороге и не входила. В руках был контейнер. За спиной — Стефан. Позади него — коридор, медблок, арена, Анна, молнии, Р-12, весь этот город, который то спасал, то забирал без спроса. Перед ней — место, которое должно было стать новым домом.

Карме очень захотелось поверить, что сейчас она войдёт, закроет дверь, поставит вещи на стол и хотя бы на несколько часов перестанет быть объектом наблюдения, опасностью, пациенткой, чьей-то гипотезой. Захотелось так сильно, что это почти стало отдельным чувством. За этот день она уже несколько раз ловила себя на мысли: теперь можно выдохнуть, худшее позади, сейчас станет проще. Каждый раз это оказывалось ложью.

— Карма? — тихо сказал Стефан за её спиной.

Она сделала шаг внутрь. На первый взгляд комната была пустой, чистой и безопасной.

Это была девятая ложь за день.

Глава 11

Комната оказалась не такой, какой Карма успела представить её по дороге. После ровных коридоров Р-12, после медицинского блока, арены, чужих голосов и протоколов она ждала увидеть что-то стерильное и временное: узкую кровать, тумбу, металлический шкаф, серые стены и свет, от которого болят глаза. Но за дверью было почти жильё. Именно почти — потому что настоящим домом это место всё равно не становилось. Оно было слишком правильным, слишком заранее подготовленным, слишком аккуратно собранным под человека, о котором здесь знали больше, чем он сам успел понять.

Дверь закрылась за ними мягко, без привычного щелчка замка, и эта мягкость неприятно задела Карму. В Р-12 даже двери старались не звучать как двери. Всё здесь было рассчитано на то, чтобы не раздражать, не пугать и не провоцировать лишних вопросов, но из-за этого становилось только тревожнее. Она задержалась у порога, будто переступила не в комнату, а в ещё один этап проверки, только теперь без арены и наблюдателей за стеклом.

Большое окно занимало почти всю дальнюю стену. За ним открывался внутренний сектор: светлая дорожка между корпусами, низкие клумбы с аккуратно подстриженными растениями, часть соседнего здания и ровное небо, слишком чи-

стое для мира, который давно перестал быть нормальным. Свет падал на пол широким прямоугольником, делая комнату просторнее и теплее. На первый взгляд здесь было спокойно. На второй — слишком спокойно, как в месте, где порядок держится не естественно, а усилием множества людей, приказов и запертых дверей.

Мебели было немного, но всё необходимое имелось. У правой стены стояла широкая кровать с серым плотным покрывалом и двумя подушками, уложенными так ровно, словно ими никто никогда не пользовался и пользоваться не должен. Рядом — прикроватная тумба с маленькой лампой, обычной, включавшейся кнопкой, а не через общую панель. Эта мелочь неожиданно задержала взгляд Кармы. В мире, где почти всё подчинялось системам доступа, даже простая кнопка казалась проявлением доверия. Дальше располагались два шкафа: один высокий, для одежды, второй ниже, с широкими выдвижными ящиками. На дверцах не было ручек; стоило нажать на край — механизм открывался почти беззвучно.

Карма заглянула в первый шкаф и на несколько секунд замерла. Внутри уже висели вещи: несколько комплектов тёмных брюк, рубашки, тонкие свитера, плотная куртка, бельё в запечатанных упаковках. Всё было однотипным, спокойным, практичным и почти точно подходило ей по размеру. Это должно было облегчить жизнь, но вызвало только неприятное чувство: кто-то успел измерить, оценить, подготовить,

вписать её в список потребностей ещё до того, как она решила, хочет ли оставаться.

— Они быстро работают, — сказала Карма, не оборачиваясь.

Стефан стоял у стены, не мешая ей осматриваться.

— Здесь любят готовиться заранее.

— К чему? К тому, что я всё-таки выживу?

Он ответил не сразу. Не потому, что растерялся, а будто выбирал, какую часть правды стоит произнести вслух.

— К тому, что любой, кто проходит адаптацию, рано или поздно должен где-то спать.

Карма закрыла шкаф. Второй оказался заполнен бытовыми вещами: полотенцами, постельным бельём, запасным пледом, коробкой с посудой, аккуратно подписанными пакетами, небольшим аптечным набором. Всё новое, чистое, без запаха прошлого и без следов чужих рук. В левой части комнаты стоял диван, небольшой, светло-серый, с низким столиком перед ним. Рядом тянулся стеллаж, и его содержимое показалось Карме странно живым на фоне остальной выверенности. На полках стояли книги: справочники, старые романы, сборники стихов, несколько потрёпанных томов с пожелтевшими страницами. Бумага. Настоящая, шероховатая, немного потемневшая по краям.

Она провела пальцами по корешкам, и это движение само по себе напомнило прежнюю жизнь, где книги покупали, брали у друзей, забывали в сумках, ставили на полки не по

назначению, а потому что когда-то они что-то значили. Здесь же даже книги выглядели выданными, подобранными, разрешёнными.

У противоположной стены находился круглый стол и четыре стула. Стол казался самым лишним предметом в комнате — слишком домашним для места, где Карма пока не могла представить гостей. Кухонного гарнитура не было: только маленький холодильник под узкой полкой, электрический чайник, закрытая коробка с сухими пайками и короткая металлическая стойка с раковиной, больше похожая на часть лабораторного оборудования, чем на кухню. Над входной дверью висел извещатель — белый круг с красным глазком в центре. Рядом темнела узкая решётка динамика. Карма заметила их не сразу, но, заметив, уже не могла перестать чувствовать это чужое присутствие над головой.

— Камеры есть? — спросила она.

— Внутри жилых комнат нет.

— Ты уверен?

— Да.

— А если соврёшь?

Стефан посмотрел на неё спокойно, без попытки обидеться.

— Тогда ты всё равно не сможешь это проверить.

Карма обернулась. В его голосе не было издёвки, и именно поэтому ответ оказался неприятно честным.

— Утешил.

— Зато не стал притворяться.

Она ещё раз посмотрела на извещатель и отвернулась. Спорить с потолком было глупо.

В углу, возле стеллажа, стоял старый магнитофон с двумя небольшими колонками. Не декоративный, не музейный, а рабочий — с потёртыми кнопками, царапинами на корпусе и крышкой для диска. Рядом лежала пластиковая коробка с музыкальными альбомами. Карма подошла к ней так, будто нашла в комнате не технику, а чей-то оставленный привет из нормального мира. В футлярах были старый рок, джаз, классические сборники, несколько альбомов, которые она знала почти наизусть. Некоторые диски сохранились в оригинальных обложках, другие были подписаны от руки.

— Серьёзно? — Карма подняла один из футляров.

— Что именно?

— У вас тут конец света, город за стеной, монстры, протоколы, арены, а в комнате стоит магнитофон.

— Музыка переживает почти всё.

Она хотела съязвить, но не стала. Стефан был прав, а это раздражало само по себе. Карма перебирала диски медленно, и внутри впервые за долгое время появилось что-то похожее не на боль, а на узнавание. Мир сгорел, изменился, поделился на сектора, протоколы и угрозы, но музыка каким-то образом пережила всё это и теперь лежала в коробке на полке, слегка поцарапанная, но настоящая.

Комната была просторной, но одновременно пустой. Не

холодной, не бедной, не заброшенной — именно пустой, как чистый лист, на котором кто-то уже провёл невидимые линии. Здесь можно было жить, но пока нельзя было понять, насколько эта жизнь принадлежит тебе. Карма представила, как поставила бы у окна растение, бросила бы на диван цветные подушки, повесила бы что-нибудь на стену, нашла бы нормальную лампу, может быть, маленький ковёр, слишком мягкий и непрактичный. Но тут же возник новый, почти нелепый вопрос: можно ли в Р-12 вообще что-то выбрать самому? Можно ли приобрести мебель, вещи, какую-нибудь ерунду не потому, что она положена, а потому что захотелось?

— Здесь можно обставлять жильё? — спросила она.

Стефан чуть приподнял бровь.

— Уже планируешь ремонт?

— Я пытаюсь понять, я здесь живу или меня просто аккуратно хранят.

Он окинул комнату взглядом, будто впервые посмотрел на неё именно так.

— И то и другое. Формально жилой сектор допускает личные вещи. Мебель — по заявке. Что-то можно получить через распределение, что-то обменять.

— Обменять на что?

— На услуги, талоны, внутренние начисления.

— То есть деньги всё-таки есть?

— Не совсем. Денег, как раньше, нет. Есть доступ. Есть

лимиты. Есть полезность.

Карма тихо усмехнулась.

— Прекрасно. Новая экономика: будь полезным — получишь тумбочку.

— Иногда две.

Улыбка появилась у неё почти против воли — слабая, усталая, но настоящая.

— У вас тут ужасное чувство юмора.

— Нам его тоже выдают по лимиту.

Ванная оказалась следующей неожиданностью. Карма открыла дверь без особых ожиданий и остановилась на пороге. Там была полноценная ванна. Не душевая кабина, не короткий поддон с лейкой из стены, не армейское подобие санитарного блока, а настоящая белая ванна, глубокая, гладкая, с широкими краями. Рядом — раковина, зеркало, закрытый шкафчик, аккуратная полка с полотенцами, крючки, корзина для белья и сложенная сушилка в углу. На полке над ванной выстроились флаконы: шампуни, гели для душа, мыло, крем, зубная паста, новая щётка в упаковке, что-то для волос.

После медицинских запахов, пыли арены, напряжения и бесконечного чувства чужого контроля эта ванна выглядела почти неприличной роскошью.

— Вот это, — сказала Карма, входя внутрь, — уже похоже на цивилизацию.

Стефан остался у двери.

— Рад, что P-12 наконец получил одобрение.

Она взяла первый попавшийся флакон, открыла крышку и понюхала. Запах оказался густым, сладким, почти липким — ваниль, фрукты, что-то цветочное и навязчиво бодрое. Карма поморщилась и поставила его обратно.

— Кто выбирает эти запахи?

— Склад.

— Передай складу, что у него проблемы.

— Склад не принимает критику.

Второй флакон пах травами и горечью, уже терпимее. В зеркале Карма поймала своё отражение: бледное лицо, уставшие глаза, спутанные волосы, следы датчиков на коже. В этой ванной, среди чистых полотенец и баночек, она выглядела не человеком, которому дали комнату, а кем-то, кого временно поместили в комфортные условия, чтобы он не развалился раньше принятия решения.

После осмотра они вернулись в комнату и сели на диван. Он оказался удобнее, чем выглядел. Карма опустилась на него осторожно, но почти сразу почувствовала, как тело проваливается в усталость. Не в обычную физическую, от которой болят мышцы и хочется спать, а в ту, что приходит после долгого напряжения, когда слишком долго держишь голос ровным, взгляд собранным, спину прямой, а потом внезапно понимаешь, что больше не стоишь на ногах только усилием воли. Стефан сел рядом, но оставил между ними достаточно расстояния, чтобы его присутствие не казалось вторжением.

За окном кто-то прошёл по дорожке, двое подростков пробежали мимо клумбы, один оглянулся, второй что-то крикнул. Обычная сцена. Почти невозможная.

— Что будет дальше? — спросила Карма.

— В каком смысле?

— В прямом. Я провалила всё, что можно было провалить. Разнесла арену, сорвалась, не прошла ваш тест или что это было. Меня теперь посадят? Усыпят? Отправят обратно в медицинский блок и будут изучать, пока я не стану удобной?

Стефан посмотрел на неё с таким спокойным недоумением, будто она сказала что-то совершенно нелепое.

— Ты правда думаешь, что ты первая адаптированная, которая разрушила часть арены?

Карма моргнула.

— А что, есть клуб?

— Неофициальный. Очень закрытый. Взносы обычно платят бетоном, оборудованием и нервами инструкторов.

— Смешно.

— Я не шучу.

Она всмотрелась в его лицо и поняла, что он действительно не шутит. Это подействовало сильнее, чем ей хотелось признать. Внутри что-то ослабло, не исчезло, но перестало давить так остро. Её провал оказался не концом и не окончательным доказательством того, что она ошибка, которую нужно спрятать подальше. Система уже видела подобное, пе-

реживала и продолжала работать. Это не делало её добрее, но делало ситуацию менее безнадёжной.

— Инструкций к силе никто не выдаёт, Карма, — сказал Стефан. — Ты очнулась в новом теле, в новом мире и с возможностями, которые сама не понимаешь. А потом тебя сразу поставили под давление. То, что ты не смогла красиво выполнить задание, не значит, что ты провалилась.

— А что значит?

— Что тебе нужно учиться.

Она усмехнулась без радости.

— Я уже ненавижу это слово.

— Здесь его любят.

Стефан объяснил, что теперь придётся ждать решения комиссии: данные с арены пересмотрят, отчёты Оливии изучат, показатели адаптации сопоставят с существующими классификациями, после чего Карму распределят. Само слово распределят ей не понравилось. Оно звучало так, будто речь шла не о человеке, а о грузе, мебели или оборудовании.

— И куда, по-твоему, меня распределят? — спросила она.

Он помолчал.

— Если хочешь мою догадку, в подразделение очистки. Не сразу, конечно. Сначала обучение, повторные проверки, работа с контролем.

— Очистки чего?

— Территорий за пределами города. От опустошённых.

Слово повисло между ними. Карма не сразу поняла его,

но уже почувствовала, что хорошего объяснения у него быть не может.

— От кого? — спросила она тише.

Стефан посмотрел на неё внимательнее, будто только сейчас вспомнил, что для неё местные термины ещё не стали привычными.

— Опустошённые — это те, кто не прошёл переход так, как адаптированные. Люди, получившие силу, но потерявшие себя. Сознание, личность, контроль — всё, что удерживало человеческое внутри человеческого тела, исчезло или раскололось. Осталась энергия, иногда очень мощная, но без воли и без способности вернуться.

Карма слушала и смотрела на свои руки. Перед глазами всплывали обрывки увиденного раньше: чужие движения, неправильные силуэты, тела, в которых человек словно закончился, но что-то продолжало идти вперёд. Значит, у всего этого было название. Конечно, у всего должно быть название. Иначе нельзя составить отчёт, отдать приказ, написать регламент и убедить себя, что происходящее поддаётся контролю.

— Значит, они были людьми, — сказала она.

— Когда-то. Если каждый раз думать о том, кем они были, никто не сможет нажать на спуск.

Он не пытался звучать жестоко. От этого было хуже. В его голосе слышалась не теория, а опыт, и Карма вдруг ясно поняла: он не просто знает, что такое опустошённые. Он видел

их достаточно близко.

— А если они всё ещё где-то там? Внутри?

Стефан отвёл взгляд к окну. Молчание длилось дольше, чем любой ответ, и потому ответ стало страшно слышать ещё до того, как он прозвучал.

— Были попытки вернуть их. Медицинские, силовые, когнитивные. Иногда казалось, что удаётся достучаться. Потом человек рядом погибал.

— И вы перестали пробовать.

— P-12 перестал тратить людей на надежду, которая убивала всех вокруг.

Карма встала с дивана и прошла до окна. Снаружи всё ещё было спокойно: дорожка, клумбы, люди, ровное небо. Слишком аккуратное место для разговора о существах, которых когда-то звали по именам, а теперь называли так, чтобы было проще стрелять.

— А если я не захочу? — спросила она. — Или просто не смогу?

— Что именно?

— Чистить. Убивать. Как угодно это назови.

Ответ Стефана прозвучал ровно, без нажима и без утешения:

— Тогда твои способности будут развиваться до тех пор, пока ты не сможешь.

Карма медленно кивнула.

— То есть выбора нет.

— Выбор есть почти всегда. Просто не всегда он между хорошим и плохим. Иногда между плохим и тем, что убьёт больше людей.

— Ты сейчас говоришь как плакат на стене.

Он попытался смягчить это улыбкой, но Карма не ответила. Стефан, кажется, хотел продолжить и объяснить классификацию подробнее: типы сил, уровни допуска, отличия между теми, кто работает на стене, в разведке, в медицине или в очистке. Она увидела это по тому, как меняется его лицо, когда он готовится перейти в режим инструктора. Но он посмотрел на неё внимательнее, оценил усталость, пустой взгляд, пальцы, сжатые на краю дивана, и передумал.

— Не сегодня.

— Что?

— Остальное не сегодня. У тебя и так день выдался паршивый.

— Месяц, — поправила она.

— Тогда тем более.

Карма подошла к коробке с дисками и начала перебирать их уже внимательнее. Названия альбомов возвращали странные, почти бесполезные воспоминания: кафе, где играла похожая музыка; дорогу домой в такси; кухню, на которой можно было спорить ни о чём; вечер, когда самым тяжёлым казалось просто пережить рабочую неделю. В этом новом мире старые песни выглядели не ностальгией, а доказательством, что прошлое не исчезло полностью, просто стало недоступ-

ным, как предмет за стеклом.

— Знаешь, после такого насыщенного дня да и вообще месяца, — сказала она, задержав пальцы на одном футляре, — я бы, наверное, выпила.

Стефан поднял на неё глаза.

— Выпила?

— Да. Как раньше. Просто иногда человеку нужно сесть, выдохнуть и сделать вид, что он управляет хотя бы стаканом.

Он улыбнулся иначе, чем обычно, живее и теплее.

— Всегда готов составить компанию.

— У вас тут есть алкоголь?

— Официально — почти нет. Есть медицинский спирт, технические растворы и очень грустные попытки людей доказать, что человечество не сдаётся.

— Звучит отвратительно.

— Так и есть. Но у меня сохранилась бутылка виски.

Карма прищурилась.

— Виски?

— Настоящего. Старого. В прежнем мире — неприлично дорогого. Сейчас — практически бесценного.

— И ты просто так готов им поделиться?

— Не просто так. Мне нужен свидетель, который подтвердит, что я не выпил его в одиночестве от тоски.

— Благородно.

— Но это будет секрет, — добавил он. — В Р-12 с этим сложно. Не запрещено абсолютно, но если узнают, начнут

задавать вопросы. А вопросы здесь размножаются быстрее плесени.

— Я никому не скажу. Наверное.

— Обнадёживает.

Он поднялся, у двери напомнил про панель связи с дежурным блоком и сказал, что его сектор находится далековато, но он постарается не задерживаться. Карма хотела спросить про Виктора, Оливию, Анну, про комиссию, про него самого, про то, почему он вообще с ней возится. Вопросов было слишком много, и ни один не хотел становиться первым.

— Стефан.

Он обернулся.

— Что?

Она посмотрела на него и вдруг поняла, что если сейчас спросит хоть что-нибудь настоящее, то разговор уже не закончится легко.

— Ничего. Не задерживайся.

— Постараюсь.

Дверь закрылась за ним всё так же мягко, без щелчка.

Оставшись одна, Карма несколько минут стояла посреди комнаты. Она ждала, что сейчас кто-нибудь вернётся и скажет, что произошла ошибка, что это жильё не для неё, что её снова ведут в медицинский блок, на арену или в кабинет, где люди с ровными голосами будут решать, насколько она опасна. Но никто не пришёл. Комната молчала. За окном продолжали двигаться люди, где-то вдалеке прошёл транспорт, свет

оставался прежним. Тогда она подошла к двери и всё-таки заперла её. Панель мигнула зелёным, сообщая, что помещение закрыто. Насколько это было правдой, Карма предпочла не думать.

Она сняла куртку, бросила её на спинку стула, потом зачем-то подняла и повесила в шкаф. Жест был глупым, почти бытовым, но именно поэтому важным. Вещи в шкафу висели слишком ровно, и её куртка среди них выглядела единственным предметом, у которого была история. Потом она открыла холодильник. Внутри стояли две бутылки воды, контейнер с чем-то похожим на салат, несколько упаковок с маркировкой, яблоки, йогурт без названия и маленькая плитка тёмного шоколада. Шоколад показался ей взяткой. Карма закрыла холодильник, так ничего и не взяв. Есть не хотелось. Пить тоже. Тело продолжало жить по новым правилам, которые никто не объяснил: не требовало привычного, не жаловалось усталостью, не напоминало о себе голодом.

После арены она почему-то начала считать ложь. Не чужую, не большую, не ту, которую произносили в кабинетах под видом решений. Свою. Маленькую, удобную, почти незаметную ложь, которой она подпирала себя, чтобы не рассыпаться. Первой было это всего лишь тест, хотя она с самого начала чувствовала, что тестом там и не пахнет. Второй — вещи Ника и Тины ничего не изменят, хотя они изменили всё за одно мгновение. Третьей — я держусь, когда её уже трясло изнутри. Четвёртой — мне никто не нужен, потому что

в тот момент рядом оказались Оливия и Стефан, и без них она, возможно, не вышла бы из арены своими ногами. Пятой — Стефану всё равно. Шестой — Оливия просто вежлива. Седьмой — Анна не страшна, если не смотреть ей в глаза. Восьмой — эта комната моя. Девятой — если дверь заперта, я в безопасности.

Она не проговаривала этот список вслух. Он просто жил где-то на краю сознания, как раздражающий счётчик, который щёлкал каждый раз, когда она пыталась принять удобную неправду за решение.

Новая жизнь раскладывалась в голове по пунктам, будто так её можно было удержать. Первое: её сила зависела не просто от желания, а от искренности желания, от того внутреннего места, где невозможно соврать даже себе. На арене она хотела не победить, не пройти испытание, не впечатлить комиссию. Она хотела, чтобы всё прекратилось. И оно прекратилось, прихватив с собой часть арены. Это было плохо, но в этом была закономерность, которую нельзя игнорировать.

Второе: Стефан оказался сложнее первого впечатления. Не просто проводник с допуском, не просто раздражающий человек, который знает больше и поэтому позволяет себе спокойствие. Он умел говорить прямо, но не добивал этим. Умел шутить там, где другой прочитал бы лекцию. Умел остановиться, когда видел, что следующая порция правды только сломает собеседника. Но кем он был в Р-12 на самом

деле, оставалось неясным. Его слушались. Он знал внутренние порядки, имел доступ, говорил об опасностях так, как говорят люди, пережившие их не по отчётам. Его собственная сила казалась внушительной, и Карма была почти уверена, что видела только малую её часть.

Третье: Оливия. На первый взгляд она была яркой, доброй, почти неуместно живой в этом холодном механизме. Но за мягкостью скрывалась компетентность, которую невозможно было сыграть. На арене Оливия не растерялась, не металась, не искала разрешения у каждого встречного. Она действовала быстро, знала, кому и что сказать, понимала границы протоколов и умела спорить так, чтобы её слышали. Но как она оказалась там так быстро? Карма ведь видела её раньше на улице рядом с Виктором. Или ей хотелось так думать? Нет, память была ясной: Оливия, Виктор, движение, разговор, потом медицинский блок, арена, крики, бетон, свет. Слишком много событий, слишком мало связей между ними. И Виктор — что с ним теперь? Почему она не спросила сразу, когда была в медблоке? Нужно было спросить, пока Оливия была рядом. Но тогда в голове не осталось места ни для кого, кроме собственного страха и чужих решений.

Четвёртое: Анна. Карма не понимала, кто она такая, но уже знала, что от неё стоит держаться подальше. Анна не была просто чиновником или врачом, не была рядовым представителем комиссии. В ней чувствовалась привычка ре-

шать, где заканчивается личное и начинается полезное. Она говорила тихо, но люди рядом с ней становились осторожнее. Даже Стефан. Даже Оливия, при всей своей смелости, подбирала слова. Значит, над Анной тоже кто-то стоял, потому что в системе вроде Р-12 не могло быть пустой вершины. Если существуют протоколы, их кто-то утверждает. Если существуют арены, кто-то решает, кого туда вести. Если существует распределение, значит, где-то есть люди, для которых Карма уже стала не человеком с вопросами, а возможной строкой в будущей таблице.

Мыслей было слишком много. Они цеплялись друг за друга, не давая ни одной оформиться в решение. Стефан. Оливия. Виктор. Анна. Комиссия. Опустошённые. Сила. Вещи Ника и Тины, показанные на арене. Карма не могла понять, почему именно они вызвали такую реакцию, будто кто-то ударил по оголённому нерву. После катастрофы в ней будто что-то замёрзло: она не плакала там, где должна была, не скучала так, как нужно было скучать, не ощущала утраты привычным способом. А потом чужие руки положили перед ней предметы из прошлого, и лёд раскололся мгновенно, некрасиво, разрушительно. Она не понимала себя. И ещё меньше понимала, кем становится.

Чтобы не слушать собственную голову, Карма выбрала один из дисков и вставила его в магнитофон. Механизм щёлкнул, внутри зашуршало, и через несколько секунд из колонок потекла музыка — негромкая, чуть хриплая, с тем

старым звуком, в котором было больше воздуха, чем чистоты. Она села на пол возле дивана, прислонилась спиной к его основанию и закрыла глаза. На несколько минут комната стала почти терпимой. Не домом, нет. Но местом, где можно сидеть на полу, слушать музыку и ждать человека с незаконной бутылкой виски, пока за окном чужая жизнь делает вид, что продолжается.

Она не знала, сколько прошло времени. В P-12 было трудно чувствовать часы: свет не менялся, небо за окном оставалось одинаково ровным, тело не подсказывало усталостью, что день должен закончиться. Музыка успела заполнить комнату мягким фоном, мысли начали расплываться медленнее, и Карма почти позволила себе поверить, что ближайшие полчаса пройдут без новых испытаний.

Именно тогда звук оборвался.

Сначала она решила, что диск сбился. Открыла глаза, подняла голову, и в ту же секунду по комнате прокатился сигнал тревоги. Он был не похож на киношную сирену: не истеричный, не рваный, не панический. Низкий, протяжный, тяжёлый, словно звук шёл не из динамика, а из стен. Свет под потолком мигнул один раз, второй, затем стал холоднее. Красный глазок извещателя над дверью ожил и начал моргать.

Из решётки динамика раздался ровный женский голос, настолько спокойный, что от него становилось хуже:

— Внимание. Объявлен внешний уровень угрозы. Зафиксировано нарушение периметра в северо-восточном секто-

ре. Всем гражданским лицам оставаться в жилых помещениях. Закрыть двери. Не приближаться к окнам. Не использовать внутренние линии связи без необходимости. Подразделениям очистки и группам быстрого реагирования немедленно прибыть к пунктам сбора. Медицинским блокам перейти в режим приёма пострадавших. Техническим службам обеспечить резервное питание защитного контура. Уровень угрозы: нападение опустошённых. Повторяю: уровень угрозы — нападение опустошённых.

Музыка больше не играла. Карма поднялась с пола сначала медленно, потом слишком резко, так что перед глазами на мгновение потемнело. Она посмотрела на дверь, на окно, на панель связи. Стефана не было. Он ушёл за виски, сказал, что его сектор далековато, и эта фраза теперь звучала в голове совсем иначе. Где он сейчас? В коридоре? На улице? Уже на пункте сбора? Или тревога застала его между секторами, где все двери начали закрываться одна за другой? Р-12, только что казавшийся устойчивым, вдруг показал другую сторону: огромный механизм, который при угрозе перестраивается мгновенно, не спрашивая никого, кто оказался внутри.

Карма подошла к панели у двери. На экране уже горела красная строка: **ОСТАВАЙТЕСЬ В ПОМЕЩЕНИИ. ОЖИДАЙТЕ УКАЗАНИЙ.** Она нажала на значок связи, но система ответила жёлтым миганием и сообщением о перегрузке линии. Запрос поставлен в очередь. Очередь во время нападения опустошённых показалась настолько нелепой, что

Карма даже не рассмеялась. В Р-12 бюрократия переживала всё: катастрофу, переход, арены, монстров за периметром и, очевидно, собственную бесполезность.

— Конечно, — сказала она в пустую комнату. — Спасибо.

Она отступила от двери и снова посмотрела на окно, хотя голос только что велел не приближаться. Снаружи вспыхнуло ещё раз, ближе. Вода в бутылке на столе дрогнула мелкими кругами. Магнитофон щёлкнул сам по себе, словно попытался снова запустить диск, но не смог. Сердце Кармы билось быстро, слишком быстро для тела, которое ещё недавно отказывалось нормально чувствовать голод и усталость.

Она попыталась представить опустошённых не как термин, а как реальность, которая сейчас ломилась к периметру: люди, потерявшие себя, сила без воли, движение без смысла, остаток человеческого, из которого вынули центр. Если они прорвались внутрь, жилой сектор переставал быть безопасным, а её комната с ванной, книгами и серыми подушками превращалась в коробку с большим окном.

Первая мысль пришла почти спасительной: она слаба. Она ничего не умеет, не знает маршрутов, протоколов, сигналов, не контролирует собственную силу. На арене она не победила, а сорвалась; не показала мастерство, а устроила разрушение. Если выйдет сейчас, только помешает. Если попытается помочь, может ударить не туда, ранить своих, сломать защиту, создать новую проблему там, где и без неё хватает угроз. Правильнее остаться в комнате, как приказано.

Закрывать дверь. Отойти от окна. Ждать Стефана, дежурных, солдат, тех, кто знает, что делать. Эта мысль звучала разумно, взрослым спокойным голосом. В ней было достаточно логики, чтобы можно было спрятаться.

И счётчик внутри щёлкнул.

Десять.

Карма стояла посреди комнаты и вдруг поняла, что десятая ложь оказалась самой удобной из всех: я ничем не смогу помочь. Ложь не всегда приходит грубой и очевидной. Иногда она выглядит как осторожность. Как здравый смысл. Как усталость, которую нельзя игнорировать. Она говорит правильные слова, пользуется убедительными доводами, укладывает страх в форму ответственности. Ты не готова. Ты только навредишь. Другие справятся лучше. От тебя всё равно нет пользы. Такая ложь не толкает в спину, не кричит, не требует. Она почти заботливая. Почти добрая. Именно поэтому ей так легко поверить.

Но где-то глубже, под страхом, растерянностью и злостью, уже поднималось другое знание. Неприятное, тяжёлое, от которого нельзя было отвернуться. Она не была бесполезной. Она была опасной. Это не одно и то же. Если её сила действительно откликнулась на настоящее желание, если арена разрушилась не от её мастерства, а от внутреннего приказа прекратить происходящее, значит, сейчас она врала себе не потому, что не могла помочь. Она врала потому, что боялась узнать, какой ценой сможет.

Голос из динамика снова повторил приказ сохранять спокойствие, оставаться в помещениях и ожидать дальнейших распоряжений. Карма посмотрела на красную строку панели, затем на извещатель над дверью, который мерцал ровно и безжалостно. Сохранять спокойствие. Конечно. В Р-12 даже страху пытались назначить форму и порядок.

Она сделала шаг к двери, ещё не зная, откроет ли её, но уже понимая, что прежнее оправдание рассыпалось. Быть слабой было бы проще. Быть бесполезной — почти безопасно. Но правда стояла рядом, тяжёлая и холодная: она просто боялась собственной силы больше, чем опустошённых за периметром.

Глава 12

Решение пришло не сразу. Несколько секунд Карма просто стояла напротив двери, слушая, как тревога тяжело гудит в стенах, как голос из динамика снова и снова повторяет приказ оставаться в помещении, как где-то далеко, за корпусами и внутренними секторами, Р-12 уже перестаёт быть почти городом и превращается в крепость. Внутри всё ещё шевелился тот самый осторожный голос, который говорил разумные вещи: она не знает маршрутов, не знает сигналов, не умеет отличать отряд очистки от технической группы, не сможет объяснить, почему вышла, если её остановят. И всё это было правдой. Но не всей. Потому что за этими доводами прятался страх — липкий, умный, очень убедительный. Карма уже почти решила, что останется, что подождёт ещё минуту, потом ещё одну, потом, возможно, придёт Стефан или кто-то из дежурных, и тогда ответственность снова окажется не у неё в руках.

А потом снаружи ударил взрыв.

Он оказался не похож на те вспышки, что она видела через окно раньше. Не далёкий разряд, не глухая работа защитного контура, не контролируемый хлопок силового барьера. Это был настоящий удар — глубокий, тяжёлый, с таким низким раскатом, что пол под ногами на мгновение дрогнул, а стекло окна отозвалось тонким, испуганным звоном. Где-то

в комнате упала пустая коробка из-под дисков, вода в бутылке плеснула к стенкам, свет мигнул и на долю секунды стал почти белым. В этом звуке не было места размышлениям. Он будто выбил из Кармы последнюю попытку спрятаться за осторожностью. Если с этим местом что-то случится, если Р-12 рухнет, если все эти стены, коридоры, комнаты, люди за окнами, медицинский блок, Оливия, Виктор, Стефан, даже Анна с её ледяными протоколами — если всё это перестанет быть, куда ей идти дальше? Обратно в пустой мир, где за туманом стоят опустошённые, а прошлое лежит пеплом под ногами? Она уже была там. И почему-то именно мысль о том, что второго такого возвращения она не выдержит, придала ей силы.

Карма приложила ладонь к панели у двери. Красная строка всё ещё предупреждала: **ОСТАВАЙТЕСЬ В ПОМЕЩЕНИИ. ОЖИДАЙТЕ УКАЗАНИЙ.** Она почти ожидала, что дверь не откроется, что система окажется умнее её порыва и просто удержит её внутри, как удерживают опасный предмет в безопасном контейнере. Но замок отозвался зелёным миганием. Может быть, жилые комнаты действительно не запирали изнутри во время тревоги, а может, её допуск уже был внесён в какой-то список, о котором она не знала. В любом случае дверь отошла в сторону. Карма шагнула в коридор, и уже там поняла, что назад не вернётся. Не сейчас. Коридор был пуст, хотя ещё недавно в Р-12 казалось невозможным пройти хоть куда-то и не встретить людей. Свет горел ава-

рийным режимом, красные полосы тянулись вдоль пола, указывая направление к ближайшим укрытиям, динамики повторяли инструкции, а за стенами глухо работали механизмы блокировки. Город закрывался сам в себе, секция за секцией, но почему-то это делало пустоту ещё заметнее.

На улицу она выбежала через боковой выход, не до конца понимая, как нашла его так быстро. Возможно, память тела успела запомнить маршрут, по которому Стефан привёл её раньше, а возможно, сама система вела её аварийными огнями туда, куда вела всех, кто должен был уходить в укрытие. Только Карма свернула не туда. Снаружи город встретил её тишиной, и эта тишина оказалась страшнее тревоги. Внутренний сектор, который ещё недавно казался почти живым, был пуст. Только мокро поблёскивающие дорожки, закрытые двери корпусов, мигающие красные указатели и туман. Он опустился ниже, гуще, плотнее, словно кто-то накинул на Р-12 синевато-серую ткань. Туман был везде: между зданиями, у земли, над клумбами, в просветах между корпусами. Он стирал расстояния и превращал аккуратный внутренний сектор в то самое пустое заброшенное место, из которого Карма, как ей казалось, уже выбралась. Вдалеке поднимался дым — более тёмный, рваный, не растворявшийся сразу в тумане. Вероятнее всего, именно оттуда донёсся взрыв.

Она побежала к дыму, хотя на каждом шаге в голове вспыхивал один и тот же вопрос: что она, собственно, собирается делать, когда доберётся? На арене всё случилось не потому,

что она знала, как. Она просто приказала миру прекратить боль, и мир послушался слишком буквально. Сейчас нельзя было просто приказать всему взорваться или отступить. Здесь были люди, стены, энергетические узлы, медицинские блоки, укрытия, неизвестные маршруты, чужие жизни, которые легко задеть, если сила снова рванёт вслепую. Может быть, правильнее бежать к Оливии — если есть раненые, там хотя бы можно помочь руками, даже без силы, подавать инструменты, носить воду, держать кого-то за плечи, пока врачи делают свою работу. Или найти Виктора с ним, возможно, решение нашлось бы быстрее, потому что Виктор был из тех людей, рядом с которыми мир ненадолго перестаёт распадаться на хаос и снова становится задачей. Но дым уже тянул её к себе, как ответ, которого она не понимала, и Карма продолжала бежать.

Она не сразу заметила, что бежит слишком быстро. Сначала ей казалось, что расстояние просто меньше, чем выглядело из окна, потом — что страх вытягивает из тела остатки сил. Но дорожки мелькали под ногами с невозможной скоростью, здания смещались по сторонам, туман рвался перед лицом и тут же смыкался за спиной, а дыхание не сбивалось так, как должно было. Тело двигалось легко, почти бесшумно, будто в нём открылась скрытая механика, о которой её забыли предупредить. Карма едва успела испугаться этой лёгкости, как уже оказалась у соседнего сектора. Дым был ближе, но очага взрыва всё равно не видно: туман и си-

неватая дымка висели сплошной стеной, пряча за собой коридоры между корпусами. Она остановилась, слишком резко для такой скорости, и несколько секунд просто слушала. Где-то справа трещал металл. Слева щёлкали короткие ряды. Вдалеке кто-то выкрикнул команду, но звук утонул почти сразу. Карма всматривалась в каждую тень, в каждый силуэт, в каждое движение воздуха, и всё равно не заметила, как к ней подошли люди.

Их было четверо. Карма не знала, как должен выглядеть отряд очистки, но поняла сразу, что это они. Не по нашивкам и даже не по оружию, а по тому, как они стояли. В них не было суеты, хотя тревога ревела над головами. Они держались так, словно пространство вокруг уже разделено на сектора обстрела, линии отхода, мёртвые зоны и возможные направления атаки. Тёмная форма плотно сидела на телах, бронепластины закрывали грудь и плечи, на предплечьях тускло светились узкие индикаторы, у каждого за спиной или на поясе было оружие, но оружие казалось не главным. Главным были они сами — собранные, жёсткие, привыкшие идти туда, откуда остальные должны бежать. Один был высокий и широкоплечий, с коротко стриженными волосами и лицом человека, которому давно надоело удивляться. Второй — старше, сухой, с командирской неподвижностью в плечах. Третий, заметно ниже остальных, казался почти квадратным из-за мощной комплекции и тяжёлой брони; именно на нём взгляд Кармы задержался дольше всего, потому что от него

сразу веяло неприятной уверенностью. Четвёртый был моложе, с быстрыми глазами и рацией у шеи.

— Тебя здесь не должно быть, — сказал старший, даже не повысив голос. В тумане его спокойствие звучало грубее крика.

— Это не твоя работа. Иди домой, — добавил низкий, бросив на неё короткий взгляд, в котором было слишком много раздражения и слишком мало времени на объяснения.

— Нет, — ответила Карма, и сама удивилась тому, как твёрдо прозвучало это слово. Внутри по-прежнему не было плана, не было понимания, не было даже уверенности, что она поступает правильно, но сидеть в комнате и ждать, пока за неё решат, кому жить, а кому исчезнуть в дыму, она уже не могла.

Низкий мужчина усмехнулся, но усмешка вышла сухой, почти злой.

— У нас нет времени на диалоги с тобой. Это приказ. Ты и так сегодня уже сделала достаточно.

Она поняла, что он говорит об арене. Конечно, уже знали. В Р-12 информация распространялась быстрее людей: отчёты, допуски, слухи, короткие фразы в коридорах, чужие выводы, сделанные до того, как она успела понять себя. Карма почувствовала, как внутри шевельнулась злость, но удержала её. Сейчас не место. Сейчас не время доказывать, что она не ходячая авария, хотя, возможно, именно это ей и хотелось сделать больше всего.

— Ладно, — сказала она неожиданно мягко, даже уступчиво. — Я уйду.

Старший задержал на ней взгляд на секунду дольше, будто не поверил, но спорить не стал. Они двинулись дальше почти сразу, растворяясь в тумане не как люди, а как часть боевой машины, уже получившей цель. Карма повернулась в сторону жилого сектора, прошла несколько шагов, дождалась, пока их силуэты исчезнут за углом, и только тогда развернулась. Это было глупо. Рискованно. Почти детски. Но если бы она сейчас действительно ушла, десятая ложь снова стала бы удобной, тёплой и почти неотличимой от благоразумия. Она пошла за ними, стараясь держаться на расстоянии, и с каждым шагом понимала, что в Р-12 очень трудно быть незаметной, когда ты сама не знаешь, от кого прячешься.

Они вошли в корпус, которого Карма раньше не видела. Внутри оказалось большое длинное помещение, больше похожее на переход между секторами, чем на самостоятельное здание. Высокий потолок терялся в полумраке, вдоль стен тянулись закрытые шлюзы и технические панели, под ногами шла широкая металлическая дорожка, а воздух пах озоном, сыростью и горячим пластиком. Где-то за стеной работали насосы или генераторы, гулко и неровно. Отряд впереди двигался быстро, но не бежал; Карма следовала за ними, держась в тени выступающих колонн и всё ещё пытаясь решить, что будет дальше. В голове сменяли друг друга варианты, и каждый рассыпался раньше, чем успевал стать реше-

нием. Если она выйдет к ним открыто, её снова отправят назад. Если спрячется и дожждётся момента, может не успеть. Если попробует применить силу без понимания, повторится арена, только теперь вместо бетона под ударом окажутся люди. Она снова и снова спрашивала себя, чего хочет на самом деле, но ответ не находился. Желание помочь было слишком общим. Сила, как она уже поняла, не любила общих формулировок. Ей нужна была правда, голая и точная, а не благородная фраза.

В конце перехода отряд остановился у массивной двери. Один из мужчин приложил ладонь к панели, второй встал сбоку, третий поднял оружие и коротко проверил коридор за спиной. Дверь открылась не сразу; сначала внутри сработали замки, потом створка сдвинулась, выпуская наружу густой синеватый туман. Карма успела проскользнуть ближе, когда они вышли, и приоткрытая створка оставила ей узкую щель. За дверью снова была улица, но уже не аккуратная дорожка жилого сектора. Это место действительно напоминало сад: широкая площадка между корпусами, ряд низких деревьев с тёмными влажными стволами, разбитые клумбы, декоративные каменные бортики, сейчас вывороченные взрывом, и несколько тонких металлических арок, по которым когда-то, возможно, вились растения. Теперь всё было залито дымом. Земля местами почернела, в воздухе висела пыль, а в глубине сада что-то двигалось — много, рвано, неправильно.

Опустошённых было больше десяти. Карма сразу поняла,

что это уже не те смутные силуэты из рассказов Стефана и не далёкие угрозы за стеной. Они были здесь, внутри, на расстоянии нескольких десятков метров, и от этого слово опустошённые внезапно стало слишком мягким. В них ещё угадывались остатки человеческого строения: руки, ноги, головы, позвоночники, наклон плеч, иногда обрывки одежды, прилипшие к телу или вросшие в кожу. Но всё, что делало человека человеком, исчезло. Одни передвигались на четырёх конечностях, выгнув спины так высоко, что казались ломаными зверями; их пальцы вытянулись в тёмные крючья, а лица вытянулись и провалились, оставив вместо глаз тусклые белёсые пятна. Другие были слишком длинными, суставы у них сгибались не в ту сторону, кожа на руках висела серыми лоскутами, под которыми просвечивали тёмные прожилки энергии. Один опустошённый двигался прыжками, цепляясь за стену корпуса, как насекомое; другой тащил за собой ногу, но при этом бросался вперёд с такой силой, что каменные бортики разлетались от удара. Они не рычали как звери и не кричали как люди. Из их грудей вырывался хриплый, пустой звук, будто воздух проходил через сломанные трубы.

Четверо из отряда очистки вступили в бой без команды, потому что команда, вероятно, была уже дана до того, как Карма успела понять происходящее. Старший поднял руку, и перед ним вспыхнула тонкая золотистая сетка, почти невидимая в тумане. Опустошённый, бросившийся первым, врезался в неё и на мгновение завис, словно муха в стекле, а

затем сетка сжалась, разрезая его тело на светящиеся фрагменты, которые рассыпались пеплом прежде, чем коснулись земли. Второй мужчина, сухой и быстрый, работал иначе: он будто выдёргивал из воздуха короткие белые лезвия и метнул их без видимого усилия. Лезвия входили в тела опустошённых не как металл, а как приказ, оставляя после себя узкие вспышки, от которых тварей выворачивало и отбрасывало назад. Низкий, тот самый, что насмешливо бросил ей про арену, оказался самым грубым и самым впечатляющим. Он ударил ногой по земле, и из-под плит поднялась волна тяжёлой силы; камень треснул, но не разлетелся хаотично, а послушно поднялся вокруг него толстыми плитами, которые он швырял в противников, как щиты и молоты одновременно. Другой двигался почти невидимо: его силу Карма заметила не сразу, только когда один из опустошённых рванулся ему в спину, а вдруг замедлился, словно попал в густую воду. Пространство вокруг него дрожало, задерживая чужие движения на доли секунды, и этих долей хватало, чтобы он бил точно — в шею, в грудь, в суставы, туда, где у этих существ ещё оставались слабые места.

Карма стояла за створкой и смотрела, забыв даже о страхе. Впервые с момента пробуждения она видела силу не как катастрофу, не как неконтролируемый выброс, не как чужую медицинскую категорию в отчёте, а как мастерство. Эти мужчины не просто обладали возможностями — они знали их вес, границы, скорость, последствия. Они не кричали

лишнего, не мешали друг другу, не били туда, где мог оказаться свой. Сетка старшего появлялась ровно там, куда должен был прийти удар. Белые лезвия второго не задевали каменные плиты низкого, хотя пролетали рядом с ними в опасной близости, а последний замедлял врагов не для себя, а для остальных, оставляя им окно, которого без него не было бы. Это было страшно, жестоко, почти нечеловечески точно, и Карма вдруг поймала себя на зависти. Ей тоже захотелось так. Не разрушать всё вокруг от боли и испуга, не быть человеком, которого заранее просят уйти домой, потому что он уже достаточно натворил, а стоять уверенно, знать свою силу, знать своё место в бою и не сомневаться в каждой собственной секунде.

Но даже их мастерства не хватало, чтобы исход стал очевидным. Опустошённых было слишком много, и туман играл на их стороне. Они возникали из него рывками, исчезали между деревьями, бросались с разных направлений, ломали рисунок боя количеством и неразумной настойчивостью. Один прорвался через золотистую сетку, потеряв половину руки, но всё равно кинулся вперёд; второй, рассечённый белыми лезвиями, упал, а затем пополз, подтягиваясь на локтях, пока низкий не размозжил его каменной плитой. Земля содрогалась, воздух трещал от разрядов, пепел смешивался с дымом, и сад, который ещё утром, возможно, был тихим местом между корпусами, превращался в яму, где нормальность умирала окончательно.

И тогда Карма увидела его.

Сначала ей показалось, что в глубине сада идёт человек. Не бежит, не бросается, не ползёт на четырёх конечностях, а именно идёт — прямо, медленно, почти спокойно. Он был выше обычного мужчины, но не настолько, чтобы сразу показаться монстром. Его силуэт сохранял человеческие пропорции: голова, плечи, руки вдоль тела. Но чем ближе он становился, тем яснее было, что человеческое в нём осталось только формой. Кожа напоминала камень — не серую кожу, покрытую пылью, а именно породу, тяжёлую, плотную, с тёмными прожилками, будто по телу прошли трещины и в них застыла ночь. Каждое движение давалось ему без спешки, но земля под ногами едва заметно проседала. Он не смотрел по сторонам, не реагировал на падение других опустошённых, не издавал ни звука. От него веяло чем-то непоколебимым, как от горы, которая решила, что теперь будет идти.

Кто-то заметил его почти одновременно с Кармой.

— Иной! — крикнул он, и в его голосе впервые прозвучало напряжение. — Первый класс! Северная кромка сада!

Старший резко повернул голову, и вся группа изменилась за один удар сердца. Не отступила, не запаниковала, но стала жёстче. Золотистая сетка перед старшим вспыхнула плотнее, второй мужчина убрал белые лезвия ближе к рукам, низкий выругался сквозь зубы, а Марк уже смещался в сторону, будто собирался перехватить траекторию.

— Марк, не вступай сам в бой. Жди, — сказал старший, и это был не совет, а приказ, в котором слышалось понимание: одна ошибка сейчас стоила жизни.

Второй мужчина выхватил рацию, прижал к плечу и заговорил быстро, чётко, не отрывая взгляда от каменного силуэта:

— Центр, это группа Север-четыре. Зона сада, подтверждаю прорыв. Иной опустошённый, первый класс. Требуется подкрепление и тяжёлый контур, повторяю, первый класс, координаты

Он не успел договорить. Каменный опустошённый, до этого двигавшийся медленно, вдруг исчез из того места, где стоял. Не переместился шагом, не бросился как зверь — просто сорвался с места с невозможной для такой тяжести скоростью. Воздух перед ним сжался, туман разлетелся кольцом, и через мгновение удар пришёлся по мужчине с рацией. Звука кости Карма не услышала из-за грохота, но увидела, как тело отлетело в сторону, ударилось о каменную арку и исчезло в дыму. Рация пролетела по земле, ещё живая, шипящая обрывками недоговорённого сообщения.

Марк попытался выполнить приказ и одновременно не выполнить его: он не пошёл в прямую атаку, но вскинул руку, пытаясь замедлить опустошённого. Пространство вокруг каменного тела дрогнуло, воздух стал густым, однако тварь лишь на долю секунды сбавила скорость. Этой доли не хватило. Каменная рука ударила в сторону Марка, и там, где

он стоял, взметнулась земля, пыль и обломки плит. Карма не увидела, куда его отбросило. Не увидела вообще ничего, кроме пустого места и тумана, который сразу сомкнулся над ним. Остались только старший и низкий. Двое против множества и против того, кто, казалось, был создан не для боя, а для того, чтобы проходить сквозь любые попытки его остановить.

Карма смотрела на всё это и понимала: если не сейчас, то уже будет поздно. Не через минуту, не когда придёт подкрепление, не когда она придумает красивое и безопасное решение. Сейчас. Оставшиеся двое тоже не выдержат, даже если будут драться так, как она только что завидовала. А если таких тварей не одна? Если прорыв не только здесь? Если они зашли с нескольких сторон, если где-то другой сад, другой переход, другой жилой сектор, где люди заперты за дверями и слушают тот же спокойный голос из динамика? Карма почувствовала, как мысли начинают разбегаться во все стороны, цепляясь за страх, за варианты, за невозможность охватить весь город сразу. Её сила не помогала, потому что она снова пыталась выбрать действие, не понимая желания. Ударить? Куда? Защитить? Кого именно? Остановить? Всех? Это было слишком много. Слишком широко. Слишком страшно.

И вдруг ответ отозвался где-то внутри не фразой, а ощущением. Если нет защиты, её нужно создать. Не здесь, не только перед двумя мужчинами, не перед одной дверью, не

на одной дорожке, а везде. Не разрушить. Не отбросить. Не наказать. Не доказать. Закрывать. Удерживать. Провести границу между тем, что ещё живо, и тем, что приходит, чтобы выесть жизнь до пустоты. Карма вышла из-за двери, хотя ноги стали ватными, и туман сразу облепил лицо влажной холодной пеленой. Старший заметил её краем глаза и что-то крикнул — кажется, приказал уйти, но его голос утонул в новом ударе каменного опустошённого о золотистую сетку. Сетка треснула. Низкий поднял из земли сразу три плиты и швырнул их в каменное тело, но они разбились о него, оставив лишь мелкие трещины, которые тут же затянулись тёмным светом.

Карма закрыла глаза.

Она начала представлять купол. Не металлический, не стеклянный, не такой, как показывают в старых фильмах, где защита видна всем и сияет над городом красивой полусферой. Нет. Её купол должен был быть почти незаметным для обычного глаза, как воздух, как тонкая разница между вдохом и выдохом. Он должен был подняться из одной точки и уйти вверх, выше корпусов, выше стен, выше тумана, а потом опуститься по периметру Р-12, не ломая его, не сжигая, не давя на людей. Он должен был пропускать тех, в ком ещё есть воля, память, имя, страх, усталость, злость, надежда — всё то несовершенное, из чего складывается живой человек. Обычных людей, если такие ещё остались. Адаптированных, даже опасных, даже сломанных, даже тех, кто сам себе не доверяет. Но не пустоту. Не тех, в ком человек закончился,

оставив после себя только силу без центра.

Она вспомнила комнату с большим окном, серое покрытие, книги на полке, магнитофон, ванну с дурацкими сладкими запахами. Вспомнила Оливию, которая улыбалась так, будто в мире всё ещё есть место мягкости. Виктора, о котором она так и не успела спросить. Стефана, ушедшего за бутылкой виски и оказавшегося где-то между секторами во время тревоги. Ей вдруг захотелось, чтобы все они, где бы ни были, на мгновение почувствовали не её силу, а что-то другое: что над ними есть не только приказ, не только протокол, не только бетон и контур, но и граница, которую кто-то удерживает не из обязанности, а потому что иначе нельзя.

— Барьер, — произнесла она почти беззвучно.

Слово вышло тихим, но мир услышал его так, как на арене услышал приказ прекратить всё. Только теперь желание было другим. Не ярость. Не паника. Не разрушение. Из неё самой, из той точки, где страх наконец уступил место чему-то более ясному, вверх хлынул свет. Он не был ослепительным в привычном смысле; скорее, туман вокруг Кармы вдруг стал изнутри прозрачным, наполненным мягким серебристым сиянием. Свет поднялся тонкой струёй, затем расширился, как дыхание, уходя выше крыш. Карма почувствовала его не глазами, а кожей, костями, самой внутренней тишиной: купол расправлялся над Р-12, медленно и неумолимо, проходил над корпусами, над аварийными огнями, над медицинским блоком, над жилыми секторами, над стенами,

где, возможно, сейчас сражались другие группы. Он не падал тяжестью. Он ложился как пелена, но не та, что прячет и душит, а та, что укрывает. Там, где он касался защитного контура города, старые системы вспыхивали ответным светом, будто узнавали его и уступали место чему-то более глубокому.

В какой-то момент Карма поняла, что купол несёт не только защиту. Это не было отдельным решением, скорее мысль случайно проскользнула вслед за главной: пусть им станет спокойнее. Не счастливо, не легко, не ложно безопасно — просто спокойнее. Пусть люди в укрытиях, прижавшие детей к себе, перестанут на одну секунду слышать только тревогу. Пусть врачи в медицинском блоке не дрогнут руками. Пусть те, кто стоит на стенах, вспомнят, что за их спинами не пустота, а город. И ещё — день и ночь. Странная, почти нелепая мысль, возникшая в самый разгар боя. В Р-12 свет был слишком ровным, время слишком служебным, небо слишком одинаковым. Карма захотела, чтобы под куполом снова ощущалось течение суток, хотя бы слабое: чтобы днём защита была почти прозрачной и пропускала холодное, чистое сияние, а ночью темнела мягкой глубиной, в которой можно поверить, что мир не только выживает, но и засыпает. Чтобы это место не всё время жило в режиме тревоги, не всё время было коридором между одной угрозой и другой. Чтобы в нём снова появился ритм, похожий на прежнюю жизнь, даже если прежняя жизнь уже никогда не вернётся.

Купол опускался долго и одновременно мгновенно. Карма не знала, сколько прошло секунд. Может быть, три. Может быть, целая вечность, в которую поместился весь Р-12. В саду всё замерло не полностью, но как будто стало вязким. Золотистая сетка старшего перестала трещать и вдруг вспыхнула ярче, подпитанная чем-то извне. Низкий мужчина, уже готовившийся принять удар, обернулся и уставился на Карму так, будто впервые увидел не нарушительницу приказа, а источник невозможного. Каменный опустошённый сделал ещё один шаг, потом второй, но третий дался ему иначе. На его груди проступили светлые трещины. Не от удара. Не от внешнего давления. Изнутри. Он остановился, медленно поднял голову, и в пустых провалах его глаз на мгновение отразилось серебро купола. Затем трещины пошли дальше — по шее, плечам, рукам, животу. Камень начал осыпаться, превращаясь не в обломки, а в мелкий серый пепел, тот самый, который Карма уже видела за пределами Р-12. Гора, решившая идти, вдруг оказалась пустой оболочкой, и эта оболочка рассыпалась под собственным весом.

Следом начали исчезать остальные. Те, что цеплялись за стены, срывались вниз уже не телами, а пепельными тенями. Те, что ползли по земле, рассыпались на ходу, оставляя после себя тёмные пятна, которые тут же бледнели. Один опустошённый попытался броситься на старшего, но его лапы растворились прежде, чем он успел коснуться золотистой сетки; другой выгнулся, издав тот самый пустой хрип, и рассыпался

так быстро, что в воздухе осталось лишь облако серой пыли. Барьер не сжигал их яростно. Не рвал, не взрывал, не калечил. Он просто не позволял пустоте сохранять форму внутри границы, которую Карма провела. Там, где ещё был человек, купол проходил мягко. Там, где человека уже не осталось, он становился приговором.

Когда последний из опустошённых исчез, сад не стал тихим сразу. В воздухе ещё висел гул, где-то трещал повреждённый кабель, по камню осыпались мелкие осколки, рация на земле продолжала шипеть. Старший мужчина опустил руку, но не сразу убрал сетку, будто не верил, что бой закончился. Низкий тяжело дышал, держа перед собой раскрошенную каменную плиту, уже ненужную. В тумане кто-то застонал — живой, человеческий звук, и Карма резко открыла глаза. Значит, Марк. Значит, не все потеряно. Мужчина с рацией лежал у арки, слишком неподвижно, и она не смогла понять, жив он или нет. Её радость, только начавшая подниматься, споткнулась об это тело. Защита пришла не вовремя для всех. Она успела не ко всем. Эта правда тоже была здесь, рядом, и от неё нельзя было отвернуться.

Но вместе с ней была другая.

Карма стояла посреди разрушенного сада, в синеватом тумане, под невидимым куполом, который теперь накрывал Р-12, и впервые за долгое время чувствовала не только страх перед собой. Сила больше не казалась одной лишь аварией, спрятанной под кожей. Она не была бесполезной. И не была

только опасной. Да, опасность никуда не исчезла; это понимание осталось в ней тяжёлым камнем. Но рядом с ним появилось новое, почти болезненно светлое чувство: она смогла. Не красиво, не по протоколу, не с разрешения комиссии, не потому, что кто-то объяснил ей правильную последовательность действий. Она сама нашла желание, которое не разрушило, а защитило. Сама провела границу. Сама сделала так, что твари, прорвавшиеся в город, больше не могли идти дальше.

От этой мысли стало так тепло, что на мгновение захотелось заплакать. Не от слабости и не от ужаса, как на арене, а от облегчения, слишком сильного для одного тела. Наконец-то внутри щёлкнул не счётчик лжи. Наконец-то появилась правда, и она была не первой, страшной, той, что говорила: я опасна. Это была вторая правда. Я могу защитить. Карма почти не верила, что такая фраза может принадлежать ей, но она стояла в разрушенном саду, видела пепел там, где секунду назад были опустошённые, чувствовала над городом свой барьер и понимала: да. Это правда. Как же долго она её ждала, даже не зная, что ждёт именно её.

— Что ты сделала? — спросил низкий мужчина, и теперь в его голосе не было насмешки.

Карма посмотрела на него, потом подняла взгляд выше, туда, где купол был невидим, но всё равно ощущался как небо, которое впервые за долгое время решило не падать.

— Кажется, — сказала она тихо, всё ещё не до конца до-

веряя собственному голосу, — я спасла город.

Глава 13

Дальше всё происходило как в тумане, не таком, что стоял за пределами города и лип к коже чужим холодом, а внутреннем, плотном, вязком, будто сознание Кармы решило сжалиться над ней и закрыть большую часть происходящего мутным стеклом. Мысли брали верх над реальностью, обгоняли её, возвращались, застревали на одном и том же месте, а сама реальность доходила до неё только обрывками: серые костюмы отряда очистки, слишком быстрые шаги, резкие команды, чьи-то руки, проверяющие её плечи и лицо, медики, появившиеся будто из воздуха, хотя ещё минуту назад их не было нигде. Она видела, как Марка поднимают на носилки, как один из врачей прижимает ладонь к его шее, как второй что-то говорит слишком тихо, но по движению губ понятно, что ничего хорошего там не было. Видела другое тело, накрытое не сразу, а после короткой паузы, в которой все почему-то успели понять больше, чем произнесли вслух.

Карма не знала имени этого мужчины. Того, кого она не успела спасти. Странная, почти неуместная мысль всплыла сама собой, и от неё стало не легче, а суше внутри. Имя уже ничего не меняло. Имя не возвращало дыхание, не заставляло кровь идти обратно, не отменяло того, что город выжил не полностью. Её хотелось оттолкнуть эту мысль, как отталкивают руку, случайно коснувшуюся больного места,

но она осталась рядом, ровная и неподвижная. Она спасла Р-12. Она не спасла всех. И между этими двумя фактами не было моста, по которому можно было бы пройти, не провалившись.

Кто-то говорил ей идти. Потом — остановиться. Потом снова идти. Она понимала, что её куда-то ведут, понимала даже, что не сопротивляется, хотя могла бы. После того, что произошло с контуром, после того, как город накрыло её волей, мысль о сопротивлении была не просто опасной — она казалась неприличной. Все вокруг двигались осторожнее, чем раньше. Мужчины из очистки держались рядом, но не прикасались без необходимости, и только когда Карма слишком медленно повернула голову, один из них мягко положил ладонь ей на локоть. Не схватил. Не потянул. Просто обозначил направление. В этом было больше страха, чем заботы.

Она всё же спасла город. Эта мысль должна была быть тяжёлой, но светлой. Должна была хоть немного согреть. В прежнем мире за спасение благодарили, наверное. В прежнем мире человеку, который закрыл собой дыру, через которую могло войти нечто страшное, сказали бы спасибо. В Р-12 всё было иначе. Здесь благодарность могла выглядеть как наручники, а безопасность — как клетка с чистыми стенами и правильным освещением. Карма понимала это не полностью, но достаточно, чтобы не ждать простого исхода. Её сила была слишком велика. Слишком заметна. Слишком не по-

хожа на то, что они привыкли измерять, классифицировать, записывать в протоколы. А всё, что не помещалось в протоколы Р-12, сначала пугало, потом изучалось, потом ограничивалось.

В себя она пришла по-настоящему только тогда, когда лифт поднял их на верхние этажи парламента. До этого были коридоры, двери, бледный свет, чужие лица, но всё сливалось. Здесь же пространство изменилось так резко, что сознание, даже измученное, зацепилось за детали. Её сопровождали те двое мужчин из отряда очистки, и в мутной пелене услышанных ранее команд она вдруг вспомнила их имена: Леон и Оскар. Леон был выше, с тёмными волосами и спокойным голосом, которым он отдавал приказы так, будто заранее знал, что его послушают. Оскар почти не говорил, но смотрел внимательнее, не на неё даже, а на пространство вокруг неё, словно ожидал, что опасность может исходить не из Кармы, а из самой возможности её присутствия.

Верхний этаж отличался от всего, что она уже успела увидеть в Р-12. Внизу город пытался казаться живым: там были люди, шум, запах еды, влажный воздух после очистки. Здесь жизни почти не было. Здесь был порядок. Коридор был широким, высоким, с тёмным полом, отполированным до матового блеска, и стенами, на которых не висело ничего случайного. Вместо навязчивой роскоши — дорогая сдержанность; вместо украшений — символы Р-12, выполненные так тонко, что их не сразу замечаешь, но потом уже не можешь раз-

видеть. Свет падал сверху ровно, без теней, и от этого лица охраны казались ещё более неподвижными.

Охраны было много. Слишком много для коридора, где, казалось, никто не должен был нападать. Мужчины и женщины в строгой форме стояли у стен, у дверей, в нишах между колоннами, и все их взгляды были прикованы к Карме. Не открыто, не грубо, но достаточно ясно. Они не смотрели на неё как на спасительницу. Они смотрели как на возможность выпада. Как на человека, которому нельзя позволить сделать резкое движение. Карма впервые за последние часы захотела обнять себя руками, но не сделала этого. Ей показалось, что даже этот жест здесь запишут как признак нестабильности.

— Карма, у тебя есть немного времени прийти в себя. Жди здесь, — сказал Леон, остановившись перед большой дверью.

Дверь была не просто большой. Она была сделана так, чтобы человек перед ней заранее понимал своё место. Тёмное дерево или материал, похожий на дерево, глубокая резьба, тонкие металлические линии, складывающиеся в строгий узор, в котором угадывались контуры города, купола и северной дуги. Не украшение, а заявление. В этом мире власть больше не обещала быть незаметной. Она стояла прямо перед тобой и ждала, пока ты поднимешь голову.

Леон и Оскар вошли внутрь, оставив Карму в коридоре. Она осталась стоять, хотя рядом были кресла, такие аккуратные и жёсткие на вид, что садиться на них не хотелось.

Несколько секунд она слушала собственное дыхание и пыталась понять, дрожит ли у неё тело. Не дрожало. Это было хуже. После всего, что случилось, ей полагалось трястись, плакать, срываться, просить воды или ответов, но внутри снова была та знакомая пустая собранность, от которой Карма всё меньше понимала, где заканчивается она сама и начинается то, что с ней сделал новый мир.

Ждать пришлось недолго. Дверь открылась почти бесшумно, и на пороге появилась Анна. На её строгом лице читалось что-то странное, не похожее на прежнюю холодную уверенность. То ли гнев, то ли обеспокоенность, то ли раздражение человека, чья система только что столкнулась с тем, что не сумела предусмотреть. Анна смотрела на Карму несколько мгновений, будто выбирала, с какой интонации начать, но в итоге просто отступила в сторону.

— Заходите.

Карма вошла, и первое, что её одолело, было не страхом, а масштабом. Кабинет больше напоминал место, где не работают, а принимают решения, после которых у других людей меняются жизни. Он был огромным, но не пустым. Высокие стены, тёмные панели, длинные вертикальные окна, за которыми не было видно города, только глубина искусственного неба и далёкие огни верхнего сектора. Пол застилал тяжёлый ковёр приглушённого серого цвета, гасивший шаги. По бокам стояли стеллажи с закрытыми секциями, старые бумажные книги за стеклом, несколько экранов, сейчас по-

темневших, и большой стол в глубине помещения, слишком массивный, чтобы быть просто предметом мебели. Он отделял сидящего за ним человека от всех остальных так же ясно, как решётка, только выглядел дороже.

За столом сидел мужчина. Карма увидела сначала его взгляд — стальной, спокойный, без видимого усилия подчиняющий пространство вокруг. Потом уже лицо: седина у висков, аккуратные черты, возраст ближе к пятидесяти, хотя определить точно было невозможно. В нём было что-то от людей, которые стареют не из-за времени, а вместе с властью, принимая её в осанку, в жесты, в манеру молчать. Он был опрятен до почти болезненной точности: тёмный костюм, безупречный ворот, руки на столе, ни одного лишнего движения. И всё же за этой изящностью угадывалась сила не кабинетная, не бумажная. Даже сидя, он казался выше большинства людей, которых Карма видела в жизни. Широкие плечи, длинные руки, крупная фигура, собранная так хорошо, будто возраст не позволил себе ни одной вольности.

Леон и Оскар стояли у стены. Анна заняла место чуть сбоку, не за столом, но достаточно близко, чтобы было ясно: она здесь не гость. Карме указали на кресло напротив. Не грубо. Почти вежливо. От этого стало только неприятнее.

— Садись, Карма. Нам есть о чём поговорить, — сказал мужчина.

Его голос оказался ниже, чем она ожидала, и мягче. Не ласковый, нет. В нём была та мягкость, с которой закрывают

дверь перед тем, как начать разговор без свидетелей.

— Сначала представлюсь. Меня зовут Альберт. Я Верховный судья Р-12.

Он сделал паузу, позволяя словам занять место в комнате. Карма кивнула, потому что от неё, очевидно, ждали реакции. Верховный судья. Ещё одна вершина внутри города, ещё один человек, имеющий право решать, что с ней делать. В прежней жизни звание звучало бы почти театрально, слишком громко для реальности. Здесь оно не казалось преувеличением. Здесь весь мир стал достаточно странным, чтобы такие титулы звучали естественно.

— Вы понимаете, зачем вас привели сюда? — спросил Альберт.

— Не совсем, — ответила Карма и сама услышала, как сухо прозвучал её голос. — Предполагаю, из-за того, что произошло в саду.

— Хорошее начало. Тогда расскажите, что именно произошло.

Карма смотрела на его лицо и пыталась собрать события в последовательность, которая имела бы смысл. Нападение. Марк. Опустошённые. Прорыв. Паника. Страх не за себя, а за город, который ещё утром казался ей чужим, холодным, опасным. Слова, которые были не словами. Желание, которое поднялось быстрее мысли. Барьер, сомкнувшийся над Р-12 так, будто она не создала его, а напомнила миру, каким он должен быть.

— Я не знаю, как объяснить, — сказала она. — Они прорывались. Контур не выдерживал. Люди были там, отряд очистки, медики потом Я видела, что если ничего не сделать, они войдут. И я захотела, чтобы город был закрыт.

Анна едва заметно сжала губы.

— Вы захотели, — повторил Альберт. — Не приказали? Не активировали способность сознательно?

— Я сказала — Карма запнулась, потому что слово вдруг показалось слишком маленьким. — Я сказала, чтобы город закрылся. Или чтобы они не вошли. Я не помню точно.

— Постарайтесь вспомнить.

Он произнёс это без нажима, но комната стала теснее. Карма провела ладонью по запястью, где под кожей ещё было жила слабая дрожь силы. Она не хотела вспоминать точно. Точность принадлежала им. Протоколам, заключениям, приказам, изоляторам. То, что случилось, было не точным. Оно было страшным, огромным и честным.

— Я помню не слова, — сказала она. — Я помню, что не хотела, чтобы они вошли. Это всё.

— Этого оказалось достаточно, чтобы изменить состояние защитного контура всего города, — заметила Анна.

— Не изменить, — Карма повернулась к ней. — Усилить. Закрыть. Спасти.

— Вы уверены, что понимаете разницу? — спросил Альберт.

Карма снова посмотрела на него. Вопрос был задан спо-

койно, почти мягко, но за ним стояло совсем другое: понимаешь ли ты, что сделала; понимаешь ли ты, что могла сделать иначе; понимаешь ли ты, что если человек способен закрыть город, возможно, он способен и открыть его. Она поняла. И от этого по спине прошёл холод.

— Я понимаю, что люди остались живы.

— Не все.

Он не повысил голос. Не осудил. Просто положил перед ней факт, как кладут документ на стол. Карма почувствовала, как внутри что-то коротко сжалось, но лица не изменила.

— Не все, — повторила она. — Я знаю.

— Зачем вы это сделали?

Вопрос был странный. Настолько, что она сначала не нашла ответа. Зачем? Потому что они умирали. Потому что за стеной был город. Потому что там были дети, врачи, люди, которых она не знала и, возможно, никогда не полюбила бы, но всё равно не хотела видеть мёртвыми. Потому что опустошённые не должны были войти. Потому что в тот момент выбора не было.

— А что я должна была сделать? — спросила Карма тише.

— Ответьте на вопрос.

— Чтобы спасти город.

— Город, который вы знаете меньше двух дней?

— Да.

— Город, который ранее подверг вас принудительному тестированию?

Карма молчала.

— Город, представители которого ограничивали ваше передвижение, наблюдали за вами, пытались определить степень вашей опасности? — продолжил Альберт, и мягкость его голоса становилась всё тяжелее с каждым словом. — Город, которому вы не доверяете.

— Да, — сказала она. — Этот город.

— Почему?

Карма на секунду закрыла глаза. Хотелось выйти. Хотелось встать и открыть дверь, пройти мимо Леона, мимо Оскара, мимо охраны, вниз по лестницам, наружу, туда, где воздух не пахнет властью. Хотелось убежать так сильно, что в голове мелькнула безумная мысль: если она скажет, двери откроются. Если захочет достаточно честно, коридоры расступятся. И тут же стало страшно уже не от Альберта, а от самой себя.

— Потому что там были люди, — ответила она. — Мне не обязательно доверять системе, чтобы не хотеть, чтобы люди умерли.

В комнате стало тише. Даже Анна не сказала ничего сразу. Альберт смотрел на Карму так, будто впервые услышал не просто показания, а что-то, что можно было оставить в деле отдельной строкой.

— Это правильный ответ, — произнёс он наконец. — Но правильные ответы не всегда делают человека безопасным.

Карма подняла взгляд.

— Я не собиралась никому вредить.

— Опасность редко начинается с намерения вредить.

Иногда она начинается с уверенности, что ты знаешь, как будет лучше.

— У меня не было времени на уверенность.

— И всё же вы приняли решение за весь город.

Она почти усмехнулась, но вовремя остановилась. Смех сейчас выглядел бы неуместно, а всё неуместное здесь, вероятно, тоже записывали. Сидя напротив Альберта, Карма всё сильнее чувствовала себя ребёнком, которого отчитывают не за разбитую чашку, а за пожар, случайно потушенный слишком большим дождём. Её будто отучивали. От спонтанности. От силы. От самой мысли, что в критический момент она имеет право действовать без разрешения.

— Если бы я не сделала этого, вы бы сейчас спрашивали, почему я не помогла, — сказала она.

Альберт чуть наклонил голову, и в этом движении было почти одобрение, но оно не облегчило ничего.

— Возможно. Но тогда мы обсуждали бы вашу пассивность. Сейчас мы обсуждаем способность, которая может повлиять на весь Р-12 без согласования с управлением города. Это разные уровни угрозы.

— Я угроза?

— Да.

Слово прозвучало прямо. Без смягчения. Без попытки обернуть его в формулировки. Карма знала, что оно рано или

поздно прозвучит, но всё равно внутри стало пусто. Она хотела возразить сразу, резко, по-человечески: нет, я не угроза, я спасла вас, я была там, когда ваши стены ломались, я не монстр. Но голос почему-то не поднялся. Может быть, потому что часть её понимала: Альберт говорил не совсем неправду. Она была опасна. Не потому, что хотела разрушения. Потому что не знала границ того, что могла сделать.

— Я человек, — сказала она наконец.

— Одно не исключает другого.

Анна сделала шаг ближе к столу.

— После сегодняшнего происшествия ваше нахождение в городе будет пересмотрено. Вам назначат постоянное наблюдение, ограничение доступа к отдельным секторам и обязательные ежедневные проверки состояния. Любое использование способности вне разрешённого режима будет рассматриваться как нарушение внутренней безопасности.

Карма посмотрела на неё, потом на Альберта.

— То есть я спасла город, и теперь меня будут охранять от города или город от меня?

— И то, и другое, — ответил Альберт.

Ей показалось, что она сидит в этом кабинете больше часа, хотя, возможно, прошло всего несколько минут. Время снова стало ненадёжным, мягким по краям, готовым растянуться там, где ей было страшно. Она устала. Не телом даже — телу она ещё не доверяла, оно могло выдержать больше, чем должно было. Устала от необходимости доказывать, что

не хотела зла. Устала от взглядов, в которых благодарность не успевала родиться, потому что страх был быстрее. Устала от того, что каждый её честный ответ становился ещё одной причиной держать её ближе к замку.

— Я не знаю, как это работает, — сказала Карма. — Вы спрашиваете так, будто у меня есть инструкция. Её нет. Я не проснулась утром с планом стать опасной для вашего города.

— Но стали.

— Нет. Я стала той, кто закрыла контур.

— Вы предпочитаете формулировки, которые звучат мягче.

— Я предпочитаю правду.

Альберт впервые едва заметно улыбнулся. Не тепло. Скорее так, как улыбаются человеку, который сказал что-то интересное, сам не до конца понимая почему.

— Тогда правда в том, Карма, что с сегодняшнего дня ваша жизнь в Р-12 будет проходить под постоянным надзором. Это не наказание. Это мера безопасности.

— Для кого?

— Для всех.

Она хотела ответить, но дверь открылась. Не резко, без удара, но само нарушение этой выверенной тишины показалось почти громким. Карма обернулась, и первое чувство было странным облегчением, хотя она ещё не знала, кого увидит. Спасение или хуже — в Р-12 разница между ними становилась всё тоньше.

На пороге стоял Стефан. Спокойный, собранный, как всегда слишком уверенный для человека, который входит в кабинет Верховного судьи без видимого приглашения. Его взгляд сразу нашёл Карму, задержался на её лице на долю секунды, и в этой короткой паузе было больше вопроса, чем во всём допросе. За ним стоял Виктор.

Карма застыла. Что? Почему он здесь? Почему они вместе? Виктор выглядел иначе, чем тогда, когда вывел её из пустого города и привёл к Р-12. Не слабее, не сильнее — закрытее. Лицо уставшее, но взгляд ясный. Он вошёл следом за Стефаном, и дверь закрылась за ними почти так же бесшумно, как открылась.

— Верховный судья, — сказал Виктор первым. Голос у него был ровный, но Карма услышала в нём напряжение, которое он не показывал лицом. — Я бы тоже хотел высказать своё мнение насчёт силы Кармы.

Альберт не ответил сразу. Он смотрел на Виктора молча, и это молчание было не пустым. В нём было прошлое, о котором Карма ничего не знала, и какое-то право Виктора находиться здесь, которое пока не объяснили. Анна нахмурилась, но не вмешалась.

— Говорите, — сказал Альберт.

— Я был с ней до входа в Р-12. Видел первое проявление её способности. Видел её состояние после. Как никто из присутствующих, я могу подтвердить: она не ищет разрушения и не использует силу ради власти. Её реакция зависит

не от команды, не от расчёта и не от желания подчинить, а от внутреннего импульса, который она сама не контролирует до конца. Это делает её опасной, да. Но это же значит, что давление сейчас только ухудшит ситуацию.

Карма смотрела на него и не понимала, почему от этих слов стало больше. Он защищал её. Но защищал так, как защищают не человека, а сложный механизм, который нельзя бить по корпусу, потому что он может взорваться. Возможно, это было справедливо. Возможно, именно поэтому больно.

— Вы предлагаете оставить всё как есть? — спросила Анна.

— Нет, — ответил Виктор. — Я предлагаю не превращать её в пленника через час после того, как она спасла город.

Альберт перевёл взгляд на Карму. Потом на Стефана, который до сих пор молчал. В его лице не было ни вызова, ни просьбы, но само присутствие рядом с Виктором уже было чем-то вроде позиции.

— И что вы предлагаете, Виктор? — спросил Альберт.

— Отпустить её сегодня. Дать восстановиться. Она уже сказала и сделала всё, что могла. Если продолжать сейчас, вы получите не ответы, а истощение и страх. А страх у неё, как мы все сегодня убедились, не самый безопасный фон для силы.

В кабинете снова стало тихо. Карме вдруг показалось, что она слышит, как далеко в стенах здания работают системы

вентиляции. Мягкий, ровный шум. Город дышал. Город, который она закрыла. Город, который теперь обсуждал, насколько близко к ней можно стоять.

Альберт откинулся на спинку кресла. Движение было небольшим, но сразу изменило равновесие в комнате. Он больше не давил вопросами. Он решал.

— Стефан, — сказал он.

— Да.

— Уведи Карму домой. До дальнейшего распоряжения она остаётся в жилом секторе. Без посещения тренировочных площадок, медблока и административных этажей без сопровождения. Прикрепи к ней охрану, но без демонстративного давления. Мне не нужны слухи о заключении героини дня.

Слово героиня прозвучало почти сухо. Как термин, временно удобный для управления настроением города.

— Понял, — ответил Стефан.

Альберт посмотрел на него чуть дольше.

— И Стефан.

— Да?

— Без самодеятельности.

Впервые за всё время на лице Стефана мелькнуло что-то живое, почти усмешка, но она исчезла быстрее, чем Карма успела понять, была ли вообще.

— Да, отец.

Слово ударило не громко, но точно. Отец. Этот мужчи-

на был отцом Стефана. Верховный судья Р-12, человек со стальным взглядом, человек, который только что спокойно назвал её угрозой для города, был отцом того, кто шутил на арене, кто стоял рядом, когда она пыталась не распасться, кто видел её страх и не сделал вид, что его нет. Ещё одна деталь добавилась к личности Стефана, и от этой детали он не стал понятнее. Наоборот, вся его фигура будто сместилась, получила тень, слишком длинную, чтобы не заметить.

Стефан подошёл к Карме и положил руку ей на плечо. Не властно, но достаточно уверенно, чтобы она поднялась почти автоматически. Ей не понравилось, что тело послушалось раньше мысли, но сил спорить не было. Она встала, чувствуя на себе взгляды всех в кабинете: Альберта, Анны, Леона, Оскара, Виктора. Последний смотрел на неё с чем-то похожим на извинение, но не сказал ничего. Возможно, потому что здесь каждое лишнее слово могло стать материалом для нового допроса.

— Пойдём, — тихо сказал Стефан.

Он вывел её из кабинета быстро, но не резко. Дверь закрылась за ними, отрезав тяжёлый воздух комнаты, и только в коридоре Карма поняла, что всё это время почти не дышала. Охрана по-прежнему смотрела, но теперь рядом был Стефан, и взгляды стали другими: осторожнее, сдержаннее, как будто его присутствие меняло правила того, что можно было показать.

Карма повернула к нему голову.

— Отец?

— Все вопросы потом, — сказал он, не глядя на неё. — После того как доберёмся домой.

— Домой, — повторила она.

Слово прозвучало чужим. В Р-12 у неё была комната. Кровать. Шкаф. Выданная одежда. Наблюдение, которое теперь станет официальным. Домом это не было. Но спорить о словах она устала. Тем более что сегодня слова уже сделали слишком много.

Они спустились ниже, прошли через несколько коридоров, где людей было больше, чем наверху, но разговоры стихали при их приближении так же быстро. Карма замечала это боковым зрением: кто-то останавливался с папкой в руках, кто-то, наоборот, смотрел с таким открытым восхищением, что становилось неловко. Стефан шёл рядом молча. Не пытался утешить, не задавал вопросов, не объяснял отца, Виктора, решение, охрану. И, как ни странно, именно это молчание было самым щадящим из всего, что ей сегодня дали.

Когда они вышли из парламента, Карма сначала не поняла, что изменилось. Воздух был прохладнее. Не стерильно очищенный, не ровный, а почти настоящий, с едва уловимым движением. Свет вокруг стал мягче, глубже. Она подняла голову — и остановилась.

Ночь.

Над Р-12 была ночь.

Не тот вечный выцветший день, к которому она уже нача-

ла привыкать с отвращением и покорностью. Не холодная искусственная равномерность купола. Над городом висело тёмное небо, глубокое, почти бархатное, с рассыпанными звёздами и тонкой луной, такой спокойной и невозможной, что Карма на мгновение забыла обо всём: о кабинете, об Альберте, об охране, о человеке, чьё имя она так и не узнала. Она смотрела вверх и не верила глазам. Звёзды были разными — одни ярче, другие почти незаметные, некоторые собирались в знакомые созвездия, хотя она не могла бы поклясться, что помнит их правильно. Луна висела чуть в стороне, бледная, с мягким неровным краем, и от неё тянулось то самое спокойствие, которого не было в этом городе с момента её появления.

Карма знала, что это не настоящее небо. Знала так же ясно, как знала, что Р-12 стоял под защитой, что за контуром была мёртвая зона, что старый мир не вернулся только потому, что над городом потемнело. Это была имитация, след, отражение, эффект её силы, настройка купола после того, как она закрыла его собой. Она не знала, как именно. Но знала, что каким-то образом ночь появилась из неё. Из того желания, которое было больше страха. Из той части памяти, где ещё существовали окна прежней квартиры, поздние сообщения, сигарета у подъезда, луна над городом, который не нужно было спасать.

— Ты это видишь? — спросила она.

— Вижу, — ответил Стефан.

Он тоже смотрел вверх, но не так, как она. В его взгляде было меньше потрясения и больше настороженности. Для него ночь была не только красотой. Она была последствием. Ещё одним доказательством, что Карма может менять не только границы, но и саму картину мира над головами людей.

— Это я? — спросила она, хотя уже знала ответ.

Стефан помолчал.

— Скорее всего.

Карма усмехнулась еле заметно, без радости. Конечно. Скорее всего. В Р-12 даже чудо сначала называли вероятностью.

Она снова подняла голову. Ночь была как настоящая. Ей очень хотелось так подумать. Даже не подумать — поверить. Сказать себе, что вот оно, небо, вернулось, пусть только над одним городом, пусть ненадолго, пусть после смерти и допроса, но вернулось. Хотелось принять эту красоту без поправки, без холодного знания, без внутренней сноски: искусственное, созданное, опасное. Хотелось просто стоять и дышать.

Но правда уже поднялась внутри раньше, чем она успела выбрать более мягкий вариант.

Это была одиннадцатая ложь.

Не потому, что ночь была фальшивой полностью. Не потому, что звёзды не имели права светить, если их зажгло не небо, а сила человека, которого теперь собирались охранять

от всех и от самой себя. Ложью было то спокойствие, которое она почти позволила себе почувствовать. Ложью было сказать: всё стало лучше. Ложью было поверить, что город, увидев ночь, примет её. Что люди поднимут головы, увидят луну и забудут страх. Что Альберт назвал её угрозой только из осторожности, а не потому, что был прав. Что Стефан просто Стефан, а не сын человека, который может одним распоряжением превратить её комнату в камеру. Что Виктор появился случайно. Что спасение всегда меняет отношение к спасителю в лучшую сторону.

Она смотрела на звёзды и понимала: красивые вещи тоже могут быть ловушкой. Иногда ложь не выглядит как грязное оправдание или трусливое молчание. Иногда она выглядит как небо, которого тебе слишком давно не хватало.

— Карма, — сказал Стефан рядом, и в его голосе впервые за вечер появилась осторожная мягкость. — Нам нужно идти.

Она кивнула, но ещё несколько секунд не двигалась. Ночь над Р-12 была безупречна. Почти живая. Почти настоящая. И от этого хотелось плакать сильнее, чем от всего, что случилось в кабинете Верховного судьи.

— Да, — сказала она наконец. — Пойдём домой.

И это, возможно, была не одиннадцатая, а уже двенадцатая ложь.

Глава 14

До жилого сектора они шли молча, и это молчание было не тем щадящим, которое раньше помогало Карме не рассыпаться. Теперь оно стало плотным, настороженным, почти слышимым. Ночь над Р-12 висела слишком красиво, чтобы быть невинной, и от этого каждый шаг казался неправильным: будто они шли не под небом, а под последствием её желания, растянутым над городом вместо купола. Люди, встречавшиеся по дороге, останавливались не сразу, но замедлялись почти все. Кто-то поднимал голову к звёздам, кто-то смотрел на Карму, кто-то быстро отворачивался, будто боялся, что взгляд тоже может стать нарушением протокола. Город после тревоги ещё не вернулся в прежний ритм; двери секторов открывались выборочно, по углам стояли дежурные, вдоль дорожек двигались группы технических служб, уносившие кабели, переносные лампы, ящики с инструментами. Где-то вдалеке работали аварийные платформы, глухо и устало, как механические звери после долгой охоты. Запах тоже изменился: вместо привычной стерильной чистоты Р-12 в воздухе держались дым, озон, влажная земля из разрушенного сада и слабая металлическая горечь, которая напоминала Карме первые часы после волны.

Стефан шёл рядом, не торопя её и не замедляясь слишком явно. Это было почти незаметно, но Карма всё равно

уловила: он подстраивал шаг под неё, оставляя возможность остановиться, если потребуется, и одновременно не позволяя охране за спиной приблизиться настолько, чтобы это стало давлением. После кабинета Альберта к ним действительно прикрепили людей, только сделали это аккуратно. Двое держались на расстоянии, меняя стороны улицы, иногда исчезая за колоннами и снова появляясь на следующем повороте. Если бы Карма не знала, что это охрана, могла бы принять их за обычных сотрудников, и именно поэтому ей стало неприятнее. Р-12 умел делать контроль вежливым. Почти домашним. Как мягко закрывающаяся дверь, которая всё равно остаётся дверью.

В голове крутились вопросы. Они не просто появлялись — они толкались, цеплялись друг за друга, требовали места. Почему Стефан вошёл в кабинет отца так, будто имел на это право? Почему Виктор оказался рядом с ним? Почему Альберт слушал Виктора, а не приказал вывести его так же быстро, как вывели бы любого лишнего свидетеля? Что значит без самодетельности в устах Верховного судьи, обращённое к собственному сыну? Насколько Стефан вообще свободен в том, что делает? И если свободен не полностью, то можно ли считать его возможным союзником или только более удобной дверью внутрь системы? Карма ловила себя на том, что всё чаще мыслит именно так: двери, допуски, рычаги, доступ к информации. Стефан не был другом. Не был близким. Не был человеком, которому можно верить без оговорок. Но он

уже несколько раз не соврал там, где мог бы, и несколько раз остановился там, где Р-12 обычно продолжал давить. В новом мире это было почти роскошью.

Ей не хотелось начинать разговор прямо на улице. Не под чужими окнами, не под искусственной ночью, не при охране, которая делала вид, что просто идёт по своим делам. Ей вообще не хотелось, чтобы этот вечер превращался в ещё один сухой допрос, где каждый вопрос Кармы становится строчкой в чьём-то будущем отчёте, а каждый ответ Стефана звучит так, будто прошёл через три уровня допуска. Нужен был другой разговор. Не обязательно безопасный, потому что безопасных разговоров в Р-12, кажется, не существовало. Но хотя бы спокойный. Чуть более человеческий. Такой, где можно держать в руках стакан, смотреть не на протокол, а на человека напротив, и не пытаться каждую секунду угадать, где сейчас включится скрытый динамик.

Они уже подходили к её корпусу, когда Карма остановилась у развилки. Стефан заметил это сразу, хотя смотрел вперёд.

— Что-то не так? — спросил он.

Карма посмотрела на него, потом на дорогу к своему дому, потом снова на Стефана. Ночь делала его лицо мягче, но не проще. Шрам у глаза казался темнее, волосы чуть растрепались после всех коридоров, тревоги и кабинета Альберта, а повязка на руке выглядывала из-под рукава так буднично, будто ожоги были частью обычного расписания.

— Так что там с нашим виски? — спросила она. — Он ещё актуален?

Стефан посмотрел на неё с тем выражением, в котором сначала появлялось недоумение, потом понимание, и только после этого — слабая улыбка. Не насмешливая, не лёгкая, как раньше, а усталая, почти человеческая.

— Ты только что пережила вторжение опустошённых, создание барьера над всем городом, допрос у Верховного судьи и официальный статус угрозы для внутренней безопасности, — сказал он. — Но мысли у тебя всё ещё крутятся вокруг виски.

— У меня много мыслей. Виски просто звучит как самая понятная.

— Я тебя понял. Пойдём заберём. Я даже не успел до него дойти, когда началась тревога.

Он сказал это спокойно, без попытки сделать из происходящего шутку, и Карма оценила именно это. Ей сейчас не нужны были остроумные спасательные круги. Слишком многое утонуло за этот день. Ей нужен был повод пройти ещё несколько кварталов и не задавать главный вопрос первой.

Корпус, где жил Стефан, находился не в её секторе. Это стало понятно ещё до того, как они свернули с общей улицы. Пространство менялось постепенно, но уверенно: дорожки становились шире, свет — мягче и теплее, стены зданий — не просто чистыми, а дорогими в своей сдержанности. Здесь не было той рабочей одинаковости жилых блоков, где каж-

дый коридор будто просил не задерживаться, не мешать и не оставлять следов. Здесь Р-12 позволял себе тишину. Не аварийную, не больничную, а почти настоящую. На низких клумбах росли не просто функциональные растения из внутренних теплиц, а кусты с тёмными глянцевыми листьями и маленькими белыми цветами; по краю дорожек шли тонкие полосы света, встроенные в камень, и отражались на влажной поверхности так, будто здесь недавно был дождь. Дома стояли дальше друг от друга, чем в обычных секторах, между ними оставались небольшие дворы, закрытые решётками не грубыми, а декоративными, хотя Карма не сомневалась: эти решётки остановят не хуже бетонной стены, если получат правильный сигнал.

Окна здесь были больше. За некоторыми виднелись не стандартные серые комнаты, а настоящие интерьеры: тёплые лампы, полки с книгами, тонкие занавески, на одном подоконнике — высокое растение с широкими листьями, у другого — маленькая фигурка птицы из тёмного металла. Карма задержала на ней взгляд. Птиц в мире больше не было, но кто-то всё ещё держал их форму у окна. Это почему-то показалось ей почти неприличной роскошью. В её комнате тоже стояли книги и магнитофон, но там всё выглядело выданным, подобранным, подготовленным. Здесь вещи казались прожитыми. У каждой было место, выбранное не складом, а человеком.

— Элита Р-12? — спросила Карма тихо.

Стефан не стал делать вид, что не понял.

— Сектор верхнего допуска.

— Звучит почти скромно.

— Здесь живут люди, которым нужен быстрый доступ к парламенту, штабу, верхним уровням контура и закрытым линиям. Судьи, часть старших координаторов, несколько технических руководителей, боевые специалисты с особым статусом.

— И сын Верховного судьи.

Он чуть повернул голову, но не сразу ответил.

— И он тоже.

Карма заметила, что после слова отец в кабинете между ними будто появился ещё один человек. Альберт шёл рядом невидимо, стоял в каждом ответе Стефана, в каждой паузе, в том, как он выбирал слова. Раньше его закрытость казалась профессиональной привычкой. Теперь у неё был источник. Или один из источников.

— Ты живёшь здесь из-за статуса или из-за должности?

— спросила она.

— Из-за того, что так удобнее для работы.

— Это не ответ.

— Это ответ, который не требует лишних пояснений на улице.

Он не сказал потом, но оно прозвучало между строк. Карма кивнула, она тоже видела охрану на дальнем конце дорожки и ещё одну фигуру у входа в соседний корпус. Этот

сектор был красивым, тихим и дорогим, но наблюдали здесь не меньше. Просто наблюдение тоже было выше классом.

Стефан остановился у дома из тёмного камня с узкими вертикальными вставками светлого металла. На фасаде не было таблички, только маленький знак Р-12 возле двери, почти незаметный. Вход открылся после его ладони, внутри на секунду мелькнул холл: тёплый полумрак, высокий потолок, живая зелень у стены, лестница с тонкими перилами и охранная панель, которая скользнула по Карме зелёным огоньком, но не выдала предупреждения.

— Подожди здесь, — сказал Стефан. — Я быстро.

— Внутрь нельзя?

— Можно, если я оформлю временный проход. Но тогда в журнале появится запись, и завтра у тебя будет вопрос, почему после допроса ты посещала сектор верхнего допуска без назначения.

— А если я останусь на улице?

— Тогда в журнале появится только то, что я зашёл домой на десять минут. Это скучнее.

Он исчез за дверью, и Карма осталась одна на тихой улице, под небом, которое сделала сама. Охрана не подошла. Один из сопровождающих остановился у поворота, второй остался дальше, у линии клумб. Они даже не пытались притвориться случайными. Возможно, после барьера притворство сочли лишним.

Карма медленно прошла вдоль дорожки, не уходя дале-

ко от входа. Сектор верхнего допуска жил иначе. Здесь не было подростков, клеющих номера на стенды, женщин с корзинами белья, людей, спорящих у автомата с горячей водой. Здесь всё было тише, глубже, выдержаннее. На одной из скамеек лежала забытая книга с закладкой, и никто не забрал её за эти десять минут; в обычном секторе такая вещь, наверное, уже оказалась бы в бюро находок, на проверке или в чьём-то списке ресурсов. Возле соседнего дома стоял мужчина в длинном тёмном пальто и говорил по внутреннему коммуникатору так тихо, что Карма не слышала слов, но видела лицо: спокойное, уставшее, с выражением человека, который обсуждает не жизнь, а её допустимые потери. В окне второго этажа девочка лет двенадцати прижала ладони к стеклу и смотрела на небо. Рядом с ней стояла женщина, возможно мать, и держала её за плечи, не оттаскивая, но не позволяя открыть окно.

Карма подняла голову. Ночь была всё ещё там. Звёзды не мерцали как настоящие, если смотреть слишком долго, но с первого взгляда обман был почти безупречен. Она подумала, что утром люди будут говорить о ней. О ночи. О барьере. О том, что Карма спасла город. О том, что Карма может изменить небо. Одни будут благодарны. Другие испугаются ещё сильнее. И обе реакции будут правдой, потому что спасение и угроза теперь жили в ней рядом, не отменяя друг друга.

Дверь открылась через обещанные десять минут. Стефан вышел с небольшой тёмной сумкой в руке. По его лицу Кар-

ма поняла, что дома он не задерживался ни на секунду дольше необходимого. Возможно, у него там тоже были комнаты, шкафы, книги, какие-то следы жизни, но он не выглядел человеком, который только что побывал дома. Скорее человеком, забравшим вещь со склада, который случайно совпадает с местом проживания.

— Нашёл? — спросила она.

Он чуть приподнял сумку.

— Нашёл.

Напряжение в груди стало чуть менее острым. Они пошли обратно к её сектору. Теперь дорога ощущалась иначе. Не легче, нет. Просто у неё появилось направление, которое не вело ни к кабинету, ни к арене, ни к месту боя. В руках у Стефана была бутылка виски, и это казалось самым странным доказательством того, что мир ещё не окончательно разучился быть человеческим.

В её корпусе было тихо. После тревоги двери многих комнат оставались закрытыми, световые полосы у входов горели спокойным зелёным, но Карма чувствовала, что люди не спят. Р-12 мог приказать оставаться в помещениях, мог включить мягкий свет и восстановить внутренние линии, но не мог заставить город сразу забыть, как близко подошла смерть. Когда они вошли в её комнату, Карма впервые за весь вечер почувствовала, насколько устала от чужих взглядов. Даже те, кто благодарил молча, всё равно смотрели так, будто пытались решить, что именно она теперь такое.

— Мне нужно пять минут, — сказала она.

— Я подожду.

Она ушла в ванную и закрыла дверь. В зеркале её встретило лицо человека, которого за один день успели проверить, напугать, использовать, обвинить, назвать угрозой и героиней. На щеке оставалась тонкая серая полоса пепла из сада, у виска — след от пота, волосы спутались, глаза казались слишком ясными. Карма открыла воду, умылась холодной, потом тёплой, потом снова холодной, будто можно было подобрать правильную температуру и смыть не только пыль, но и кабинет Альберта, голос Анны, тело у арки, взгляд Виктора, слово отец, ночь над городом. Вода стекала в раковину почти чистой. Это было обидно. После такого дня грязи должно было быть больше.

Она переделалась в мягкие тёмные штаны и свободную домашнюю кофту из шкафа, которую раньше не выбирала, потому что не хотела признавать, что выданная одежда может быть удобной. Волосы собрала кое-как, просто чтобы не лезли в лицо. Перед выходом задержалась на секунду, посмотрела на себя и решила, что теперь хотя бы похожа на человека. Не на объект. Не на угрозу. Не на спасительницу с искусственным небом над головой. Просто на усталую женщину, которая собирается выпить с человеком, от которого можно получить ответы.

Когда она вернулась в комнату, Стефан уже всё подготовил. Он нашёл стаканы в шкафчике у маленькой кухонной

стойки, достал из холодильника плитку тёмного шоколада, разломил её неровными кусками и положил на тарелку. Бутылка стояла открытой на столе, янтарная жидкость уже была налита в два стакана, и Стефан, сидевший не на диване, а у круглого стола, поднял глаза и коротким движением показал ей на стул напротив. Всё это выглядело так естественно, будто он был хозяином этой комнаты, а она — гостьей, которую наконец пустили в собственное жильё.

— Быстро освоился, — заметила Карма.

— У тебя шкафы логичнее, чем половина решений P-12.

Это помогает.

— Не чувствуй себя слишком свободно.

— Поздно. Я уже нашёл шоколад.

Она села напротив. Стакан был тяжёлый, настоящий, не медицинский пластик и не стандартная посуда из распределения. Карма взяла его в руку и несколько секунд просто смотрела на виски. В прежней жизни алкоголь был чем-то простым: пятница, бар, плохой день, хорошая новость, чужой день рождения, дешёвое вино на лавочке с Ником и Тинной. Теперь он выглядел артефактом. Частью старого мира, пережившей конец света лучше многих людей.

— За что пьём? — спросила она.

Стефан не сразу ответил.

— За то, что сегодня закончилось.

— Оно не закончилось.

— Тогда за то, что мы хотя бы на час сделаем вид.

Это было достаточно честно. Они глотнули почти одновременно. Виски оказался горьким, сильным, обжигающим, но не грубым. Он разошёлся по языку сухим теплом, ударил в горло, потом оставил за собой глубокое, тёплое послевкусие — дерево, дым, что-то медовое и терпкое, почти забытое ощущение дорогой вещи, сделанной не для выживания, а для удовольствия. Карма закрыла глаза на несколько секунд. Наконец-то что-то хорошее. Не безопасное, не правильное, не выданное по протоколу. Просто хорошее.

— Дорогой был? — спросила она, открывая глаза.

— Очень.

— Жалко?

— Уже нет.

Они помолчали. Снаружи за окном лежала ночь. Внутри тихо гудела вентиляция. Где-то далеко, почти за пределом слуха, проходил транспорт или работал восстановительный механизм. Карма провела пальцем по краю стакана и решила, что если разговор сейчас начнётся, пусть начнётся не как допрос. Пусть хотя бы форма будет другой.

Стефан, как ни странно, понял это первым.

— Я понимаю, что у тебя скопилось слишком много вопросов, — сказал он. — На некоторые я смогу ответить. На некоторые нет. Не потому что хочу играть в загадки, а потому что часть ответов сейчас создаст больше проблем, чем ясности. Всё должно быть постепенно.

— Удобная позиция для человека, который знает больше.

— Да. И неудобная для того, кто вынужден это признавать.

Карма посмотрела на него поверх стакана. Он не отвёл взгляд. В этом было что-то новое. Раньше Стефан часто отвечал так, будто отрезал лишнее. Теперь он будто заранее показывал границы и позволял ей решить, стоит ли в них входить. Это не было доверием. Но было похоже на начало договора.

— Начнём с простого, — сказал он. — Моё имя ты знаешь. Но, раз уж после сегодняшнего я больше не могу притворяться обычным сопровождающим, представлюсь как положено. Меня зовут Стефан. Я тоже что-то вроде судьи Р-12, только не привязан к кабинету. Я работаю снаружи: встречаю прибывших адаптированных, наблюдаю за их первичной реакцией, смотрю, как они ведут себя до того, как поймут местные правила. Моё мнение учитывается при распределении. В некоторых случаях оно становится последним.

— Подожди, — перебила Карма. — Раньше ты говорил, что только догадываешься, куда меня распределят. А сейчас говоришь, что окончательное решение зависит от тебя. Не понимаю.

— Не только от меня, — уточнил он. — И я не выбираю направление с нуля. Есть смотрители, специалисты по аттестации, медицинский блок, люди вроде Анны. Они собирают данные и предлагают решение. Я оцениваю, согласен ли с этим решением по полевым признакам. Если согласен, рас-

пределение утверждается. Если нет, адаптированный уходит на переоценку или в ограниченный режим, пока не станет понятно, что с ним делать.

— То есть ты не просто проводник.

— Нет.

— И не просто сын Верховного судьи.

Его пальцы на стакане чуть напряглись. Очень мало. Раньше Карма, возможно, не заметила бы. Теперь заметила сразу.

— Нет, — сказал он после паузы. — И мне не нравится, что эти две вещи часто пытаются поставить рядом, будто одна объясняет другую.

— А не объясняет?

— Частично. Но не полностью.

Карма сделала ещё один глоток. Виски снова обжёг горло, и в этом было что-то полезное: тело получало понятный сигнал, не связанный ни с силой, ни с контуром, ни с чужой властью.

— Твоё мнение обо мне изменилось после барьера? — спросила она. — После сада. После того, что я сделала.

— Нет.

Ответ оказался слишком быстрым.

— Даже так?

— Я до сих пор думаю, что тебя отправят в подразделение очистки. Возможно, с более жёстким наблюдением и отдельной программой контроля, но направление не изменится. После барьера ты стала не менее подходящей для очист-

ки, а более. Р-12 не оставит силу такого масштаба в жилом секторе, Карма. И не отдаст тебя в архив, на кухню или к распределению ресурсов. Это было бы самообманом.

Она усмехнулась, но без веселья.

— То есть я слишком опасна, чтобы жить спокойно, и слишком полезна, чтобы запереть меня в комнате.

— Примерно так.

— Как честно.

— Ты просила не превращать разговор в допрос. Я решил не превращать его и в утешение.

Это было неприятно. И правильно. Карма отломил кусок шоколада, положила на язык и подождала, пока горечь растает вместе с остатком виски. Она ожидала, что после такого ответа злость поднимется сильнее. Но злость не поднялась. Возможно, потому что Стефан не продавал ей красивую версию. Не говорил, что всё обойдётся. Не обещал, что завтра Альберт передумает, Анна станет добрее, а Р-12 признает в ней просто человека, которому нужно время. Он говорил так, будто уважал её достаточно, чтобы не лгать очевидно.

— Предвижу следующий вопрос, — сказал он. — Нет, я не знаю точно, что решит мой отец. И нет, я не близок с ним настолько, чтобы это решение можно было изменить разговором за ужином. Его мысли и действия мне иногда не понятны. Иногда понятны слишком хорошо, и это хуже. Я стараюсь держать дистанцию.

— Получается?

— Не всегда.

Карма посмотрела на него внимательнее. Слово отец всё ещё звучало странно рядом с ним. Альберт был слишком тяжёлой фигурой, чтобы легко поместиться в чью-то семейную историю. Карма пыталась представить Стефана ребёнком в таком доме, подростком, впервые проявившим молнии, сыном человека, который, возможно, сначала оценивал риск, а уже потом спрашивал, больно ли. Непрошенная мысль оказалась слишком личной, и она отодвинула её.

— На допросе он задавал вопросы так, будто я должна была оправдаться за то, что помогла, — сказала она. — Сначала просил описать, что произошло. Потом всё время возвращал к одному: почему я решила за город. Почему спасла город, которому не доверяю. Почему не спросила разрешения, хотя времени не было. Анна говорила про наблюдение, ограничения, проверки, запреты. Он назвал меня угрозой. Не осторожно. Прямо.

Стефан слушал не перебивая. Это тоже было новым. Многие люди в Р-12 объясняли раньше, чем дослушивали, будто ответ уже лежал у них в папке. Он молчал, пока она говорила, и Карма заметила, что от этого рассказывать проще. Не легче, но проще.

— Я сказала, что я человек, — продолжила она. — Он ответил, что одно не исключает другого.

— Это похоже на него.

— Он прав?

Стефан посмотрел на стакан, потом на неё.

— Частично.

Карма коротко кивнула. Она почти ожидала этого.

— Но не полностью, — добавил он. — Он видит угрозу быстрее человека. Это его работа и его болезнь одновременно. Р-12 выжил во многом потому, что Альберт умеет принимать решения без жалости к себе и к другим. Но иногда он забывает, что не всякая сила начинается с намерения захватить контроль. Ты сегодня закрыла город не потому, что хотела власти над ним.

— А если бы хотела?

— Тогда мы бы сейчас не пили виски у тебя на кухне.

Ответ прозвучал спокойно, без угрозы. Но Карма поняла: это не фигура речи. Если бы Р-12 решил, что её желание было именно таким, она бы действительно сидела не здесь.

— Не переживай, — сказал Стефан тише. — Я не думаю, что всё будет так жёстко, как прозвучало в кабинете. Сегодня они говорили в состоянии испуга. Просто у каждого в Р-12 испуг выглядит по-разному: кто-то кричит, кто-то молчит, кто-то пишет новые ограничения. Виктор остался там. Он умеет давить на решения, даже когда не использует силу напрямую. Возможно, он повлияет на Альберта.

Карма задержала стакан у губ.

— Кстати, насчёт Виктора. Как так получилось, что он оказался с тобой? Я думала, нас развели по секторам, чтобы мы первые сутки не влияли друг на друга. А потом он захо-

дит в кабинет Верховного судьи так, будто его туда пригласили.

Стефан немного напрягся. Не так, как при упоминании отца, иначе. Здесь была не боль, а расчёт: что можно сказать, что нельзя, где граница допустимого ответа. Карма увидела эту паузу и почти физически почувствовала раздражение. Вот они, подготовленные стены. Чуть мягче, чем в кабинете, но всё равно стены.

— Виктор отличается от тебя, — сказал Стефан наконец. — Его способности куда более управляемые. По крайней мере, так они выглядят. Он очень быстро понял, что Р-12 ценит: контроль, полезность, способность не разваливаться под давлением. На арене он показал себя мастерски. Не силой в чистом виде, а дисциплиной. Он умеет выбирать точку воздействия. Умеет говорить так, чтобы люди слышали нужное, и при этом не выглядит как человек, который теряет себя в проявлении.

— То есть пока я стала проблемой, он стал ресурсом.

— Жёстко, но близко.

Карма поставила стакан на стол.

— Мы пришли почти одновременно.

— Время входа не имеет значения. Значение имеет то, что человек показывает в первые часы. Ты сорвала арену, остановила часть систем, потом вышла во время тревоги и закрыла весь город барьером, изменив работу контура и неба. Виктор продемонстрировал управляемое голосовое воздей-

ствие, дал полезные показания, подтвердил маршрут, помог стабилизировать твою версию событий и не устроил ни одной аварии в инфраструктуре.

— Звучит так, будто у него был план.

— Возможно.

— Ты знаешь?

Стефан посмотрел прямо.

— Нет. Но я думаю, Виктор пробивается быстро не случайно. Он показывает авторитет и значимость для будущего Р-12. И ему это удаётся.

Карма вспомнила Виктора у станции, его карту, его спокойствие, сигналы, водозабор, то, как он предполагал заранее слишком многое. Вспомнила, как его голос вошёл в неё приказом, заставив спрятаться. Как он потом извинился не за спасение, а за принуждение. Виктор был сложным. Возможно, даже более сложным, чем она позволяла себе думать.

— И сила его слова значима, — сказал Стефан. — Ты сама знаешь.

— Знаю.

Она сказала это тихо. Между ними на секунду повисла память о приказах, чужих и собственных. У Виктора слово сгибало. У Кармы слово меняло закон, если под ним было достаточно правды. Стефан это понимал. И, кажется, именно поэтому не пытался давить на неё голосом, даже когда мог бы. Эта мысль задержалась внутри неожиданно долго.

— Почему ты сказал, что знаешь меня дольше? — спро-

сила Карма.

Стефан не удивился. Видимо, ждал.

— Потому что твоё появление отслеживали до входа в Р-12.

— Как?

— По внешним данным. По сигналам. По остаточным всплескам после проявлений.

— Ты сейчас говоришь словами из отчёта.

— Потому что точнее пока не могу.

— Не можешь или не хочешь?

Он отпил виски. Медленно, без попытки выиграть время слишком явно.

— И то и другое.

— Удобно.

— Да. Но это честнее, чем выбрать одну половину и выдать за целую правду.

Карма посмотрела на него долго. В старой жизни она бы не приняла такой ответ. На переговорах, в документах, в чужих объяснениях и то и другое обычно означало попытку спрятаться в тумане. Но здесь туман был буквально за границами города, а Стефан хотя бы называл его туманом, не уверяя, что перед ней чистая дорога.

— Р-12 знал обо мне до того, как я вошла?

— О тебе как о Карме — нет. О сильном внешнем проявлении голосового или неопределённого типа — да.

— Тварь на трассе?

— В том числе.

— Гемокинетичка?

— Следы были зафиксированы позже.

— Кем?

— Карма.

Он произнёс её имя тихо, без предупреждения, но с границей. Она поняла: дальше он не пойдёт.

— Ладно, — сказала она. — Пока.

— Спасибо.

— Не благодари. Я просто запоминаю долги.

На этот раз он не улыбнулся. Только кивнул, будто принял условие.

Они пили дальше медленнее. Разговор стал не мягче, но глубже. Карма спрашивала про Р-12: сколько людей живёт внутри, кто стоит над Альбертом, почему город был готов, сколько таких объектов существует. Стефан отвечал осторожно. Жителей — меньше, чем хотелось бы, больше, чем можно было бы прокормить без системы. Над Альбертом формально стоят советы и чрезвычайная структура, но в вопросах внутренней безопасности его слово почти окончательное. Почему Р-12 был готов — потому что часть людей до волны видела нестабильность контура, но между видела и понимала масштаб лежит пропасть, заполненная чужими смертями. Существуют ли другие объекты — возможно. Связь нестабильна. Подтверждений мало. Всё звучало как ответы, нарезанные на допустимые куски. Не ложь целиком,

но и не правда полностью. Карма чувствовала это так же ясно, как послевкусие виски на языке.

— Ты очень аккуратно говоришь, — сказала она после очередного возможно.

— Это привычка.

— Плохая.

— Полезная.

— Для тебя.

— Иногда и для тех, кто слушает. Не все ответы становятся легче от того, что их получили сразу.

— Это уже похоже на оправдание.

— Возможно.

Она посмотрела на него устало.

— Ты специально это делаешь?

— Что?

— Используешь возможно, когда не хочешь дать мне повод обвинить тебя во лжи.

Стефан на секунду опустил глаза, и Карма вдруг поняла, что попала точнее, чем ожидала.

— Да, — сказал он. — Иногда.

Признание было маленьким, но оно изменило воздух между ними. Не сделало его тёплым. Просто убрало одну лишнюю перегородку.

— Вот так лучше, — сказала она.

— Лучше?

— Неприятнее. Значит, ближе к правде.

Он кивнул. Потом, будто решив вернуть ей хотя бы один ответ без защитной оболочки, сказал:

— Оливия действительно сильнее, чем выглядит.

Карма подняла глаза.

— Я как раз хотела спросить про неё. У неё какая сила?

Кроме способности появляться в самый неудобный момент и спорить с Анной так, будто это нормальная часть смены.

— Скорость и ум, — сказал Стефан. — Если коротко. Её адаптация не такая зрелищная, как молнии или барьеры. Она быстрее обрабатывает информацию, быстрее реагирует, быстрее принимает решения. Не просто бежит быстро, хотя физическая реакция у неё тоже выше обычной. Главное — она видит структуру ситуации почти мгновенно. Где человек сорвётся, где протокол навредит, где нужно остановить динамик, кого можно трогать, кого нельзя, какой порядок действий не вызовет новый всплеск. В медблоке это ценнее многих боевых способностей.

— Поэтому она так быстро оказалась на арене.

— Да. И потому что она не боится спорить, когда видит, что система ошиблась.

— А система часто ошибается?

— Достаточно часто, чтобы Оливия была нужна.

Карма отломилась ещё кусок шоколада. Плитка почти закончилась. Бутылка тоже опустела незаметно, хотя ни один из них не пил быстро. Просто разговор забирал время так же тихо, как Р-12 забирал свободу: не одним резким движением.

ем, а последовательностью маленьких допусков.

Она посмотрела на Стефана. Он сидел чуть расслабленнее, чем в начале, но не настолько, чтобы забыть, кто он и где находится. Повязка на руке немного съехала, под ней виднелась красная линия ожога. Лицо устало, глаза внимательные. Он не стал другом за один вечер. Не стал спасением. Но Карма уже не могла назвать его просто частью системы. Он был внутри неё, да. Слишком глубоко. Сын Верховного судьи, судья без кабинета, человек с доступом, молниями и привычкой говорить половинами правды. Но в этой системе он двигался не так, как Анна. Не так, как Альберт. И если в Р-12 вообще можно было искать союзника, начинать следовало с того, кто хотя бы признаёт, где заканчивается честность.

— Ты понимаешь, что я не верю тебе полностью? — спросила она.

— Было бы странно, если бы верила.

— Но я могу спрашивать.

— Да.

— И ты будешь отвечать, если сможешь.

— Да.

— А если не сможешь, скажешь, что не можешь. Не будешь заворачивать это в возможно и позже, если причина в запрете.

Стефан посмотрел на неё долго, потом поставил пустой стакан на стол.

— Хорошо.

Слово было простым. Без клятв, без обещаний защищать, без красивых формулировок. Именно поэтому Карма приняла его серьёзнее, чем приняла бы любое я на твоей стороне.

За окном ночь оставалась неподвижной. В комнате стало теплее, чем было сначала, хотя отопление не менялось. Возможно, дело было в виски. Возможно, в том, что вопросы, даже не получив нормальных ответов, перестали резать изнутри так остро. Они всё ещё были там: Виктор, Альберт, Р-12, барьер, распределение в очистку, её сила, люди, которых она не спасла. Но на этот час они получили форму разговора, а не допроса.

Стефан поднялся первым. Бутылка была пустой. Шоколад закончился, на тарелке остались только крошки.

— Мне пора, — сказал он. — Если я останусь дольше, твоя охрана начнёт нервничать, а мой отец получит повод сказать, что я неверно понял без самодеятельности.

— А ты понял?

— Конечно. Просто у нас с ним разные представления о границах.

Карма тоже встала, но провожать его до двери не спешила. Она вдруг почувствовала, что не хочет заканчивать разговор резко, будто закрывать папку. Хотелось оставить его именно таким: незаконченным, но не оборванным.

— Стефан.

Он остановился у двери.

— Да?

— Сегодня ты где-то солгал?

Он не удивился. Возможно, после этого вечера уже ждал от неё любых вопросов.

— Да.

Карма выдохнула почти тихо.

— Важное?

— Для тебя — пока нет. Для меня — да.

— Это должен быть успокаивающий ответ?

— Нет. Просто ответ.

Она кивнула. Странно, но этого хватило.

— Тогда до завтра.

— До завтра, Карма.

Дверь закрылась за ним мягко. Слишком мягко, как всё в Р-12, но теперь этот звук не показался клеткой. Просто дверью. Карма постояла посреди комнаты, слушая удаляющиеся шаги в коридоре, потом убрала стаканы в раковину, собрала крошки с тарелки и поставила пустую бутылку в нижний шкаф, хотя не знала, нужно ли её прятать или сдавать по какому-нибудь внутреннему протоколу. Мысль о протоколе вызвала усталое раздражение, но не злость.

И только когда она сняла кофту, легла на кровать и натянула одеяло до груди, до неё дошло: они выпили целую бутылку виски, дорогого, крепкого, настоящего, а опьянения не было. Вообще. Ни тепла в голове, ни тяжести в языке, ни мягкого провала в мысли, ради которого люди иногда и пьют.

Только вкус во рту и лёгкое тепло в груди, слишком слабое, чтобы назвать его действием алкоголя.

— Отвратительная побочка, — пробормотала она в темноту.

Ей даже стало немного жаль. После такого дня честное человеческое опьянение казалось заслуженной компенсацией. Но новое тело снова отказалось играть по старым правилам. Оно переработало виски так же спокойно, как перерабатывало раны, голод, усталость и страх, оставив Карме только память о вкусе.

Кровать была мягкой. Одеяло — тёплым. За окном лежала ночь, которую нельзя было назвать настоящей, но сейчас она хотя бы не требовала от Кармы немедленного ответа. Впервые за долгое время в голове не щёлкал счётчик лжи. Не потому, что ложь исчезла. Просто сегодня, в этой комнате, после пустой бутылки и разговора, который не стал допросом, она не пыталась подпереть себя новой удобной неправдой.

Да, возможно, Стефан где-то её обманул. Возможно, он сказал меньше, чем знал. Возможно, завтра окажется, что часть его честности была такой же аккуратной конструкцией, как всё в P-12.

Но это была не её ложь.